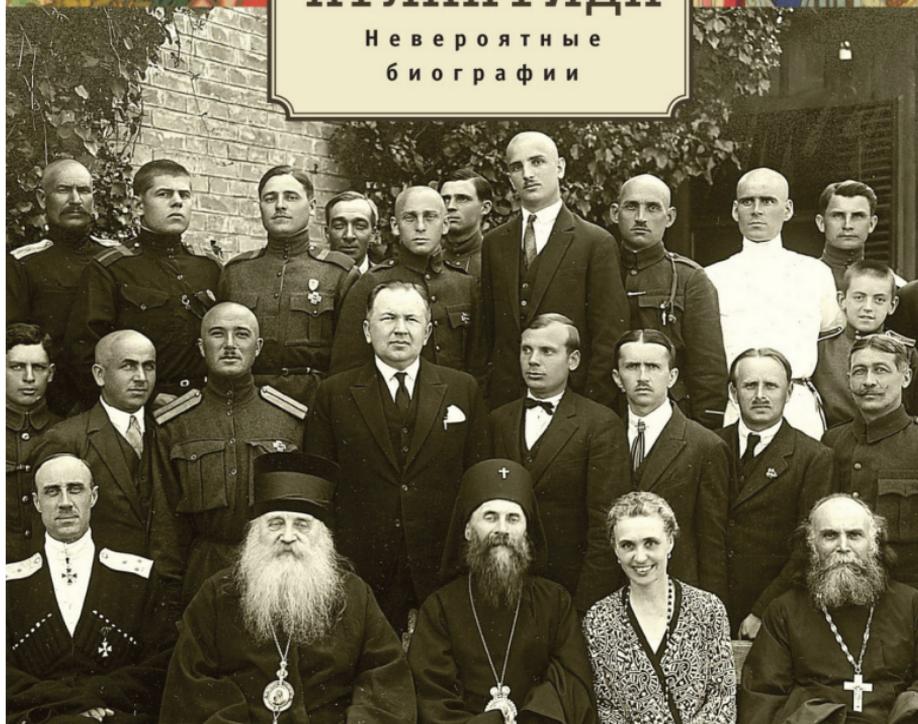

Владимир
МАЛЫШЕВ

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

Невероятные
биографии

Владимир Викторович Малышев

Русская Атлантида.

Невероятные биографии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32830822

*Русская Атлантида (невероятные биографии): Алтейя; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-907030-23-7*

Аннотация

Два «Философских парохода» доставили в Германию более 160 человек – профессоров, преподавателей, врачей, инженеров, цвет нации. Высылали еще и поездами, пароходами из Одессы и Севастополя. О них эта книга. Это – сборник увлекательных историй о людях, самых невероятных биографий, которых объединяет одно, – почти все они родились или жили в Петербурге и горячо любили Родину, хотя и умерли далеко от нее. Один из великих изгнанников – философ Иван Ильин писал: «Люди без родины становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с место на место и втоптываемой чужеземцами в грязь». Многие граждане нашего Отечества, вынужденные покинуть его гонимыми бурными ветрами истории, были просто обречены на такую горькую судьбу. Но их книги, их труды, сами жизни многих из них служат для нас примером,

великим уроком стойкости, мужества и верного служения даже отказавшемуся от них Отечеству.

Содержание

Вступление	14
Гений авиации	17
Приснился во сне	19
Угроза расстрела	20
Фирма в курятнике	22
«Мистер-вертолет»	24
Простой и скромный	26
Богословские работы	27
О России не забывал	29
Трудное возвращение домой	30
Творец «русской славы»	31
Из рода Рюриков	34
Под покровительством короля	36
25 храмов в США	38
Мистический град Китеж	40
Трагическая судьба	42
«Иконоскоп» Владимира Зворыкина	44
Учеба и революция	46
Причины катастрофы	47
Невероятное бегство	49
«Следует заняться более полезным...»	52
«Отец телевидения»	54
«Риск очень большой»	56

«Подарок американскому континенту»	57
Разочарование гения	59
Прах над озером	61
Великий сын России	63
Приговорен к расстрелу	65
В эмиграции	66
Гражданин России	67
«Какистократия»	68
Идея сердца	70
Самый русский композитор	72
Эмиграция	74
Россия и судьба	76
«Уходили мы из Крыма...»	78
Эмигрантское лихо	80
Последние годы	82
Русский гений в Нью-Джерси	84
Мировая слава	86
Трагические потери	87
Голос из Аргентины	89
Иллюзий не было	91
Настоящий богатырь	93
Невероятный побег	94
Книга грузчика в порту	95
«Народная монархия»	96
«Легки оковы бытия...»	98
В эмиграции	100

Как зверь в берлоге	102
Нечто особенное	104
Учитель президента США	106
«Зайцем» в Петербург	107
Крутой поворот	108
Опасное пенсне	109
Любовь порождает любовь	111
«Северский Эйркрафт корпорейшн»	112
«Пусть летает. Николай»	114
Изобретения в США	115
Медаль «За заслуги»	117
«Все бы передал России...»	118
Американский инженер	119
Бешеный успех	121
Гнев Хрущева	122
Великий корабел... Франции	123
На берегах Невы	125
«Форма Юркевича»	126
Крах надежд	127
За океаном	129
«Рад, что я – русский!»	130
Наша «Шанель № 5»	131
В эмиграции	133
Глава ассоциации парфюмеров	134
Поэт ароматов	135
Очарована русскими	136

Мир через обоняние	138
Гордый адмирал	139
Герой 1905 года	141
Клетки с белыми мышами	142
Морской министр	143
Пришлось пилить дрова	144
Возвращение домой	145
Окаянные дни	146
Петербургский дебют	147
Ужас и отвращение	149
Уговорить не удалось	151
Русский флаг на Рейне	152
Русских встретили с восторгом	154
Русский паек и Мишка	156
Легион Чести	158
Осталось пятьсот человек...	161
Чехов и... Мэрилин Монро	163
Мистическая энергия	165
Актриса фюрера или агент НКВД?	166
В эмиграции	167
«Теперь обожаю вас!»	168
Забытый кумир	169
Летопись России в цвете	170
Увлечение фотографией	172
Цветные съемки	174
Судьбоносная встреча	176

Фотолетопись империи	177
После революции	179
Поэтесса «с огромным бантом»	180
Стихи во время расстрелов	181
«До чего же весело!»	182
Нужнее хлеба	184
«Молодец, хоть и поэт!»	185
Трагические смерти	186
«Нежности нежней»	188
Ей повезло	189
Жемчужина князя Юсупова	190
«Был добрейшим человеком...»	193
Отца спасла любовь	195
Российский паспорт графине	197
Ностальгия Владимира Набокова	198
Когда все рухнуло	200
Бабочки и шахматы	201
Безумная ностальгия	202
«Может, я выжил бы...»	203
А дом остался	204
«Тэффи! Одну Тэффи!»	205
Смех – это радость	207
«Пёсье время»	209
«Не поднять мне тяжелых ресниц...»	211
«А я все чего-то живу...»	213
«Красота в изгнании»	214

Успех фирмы ИРФЕ	216
Законодатель мод	217
Духи ИРФЕ	218
Архиепископ Сан-Францисский	220
Видел Ленина	221
Гром грянул	222
Стихи, посвященные России	223
Нечто странное	225
На Афоне	226
Нести ободрение людям	227
Взор, обращенный к небу	228
Чудо с Бальмонтом	230
Восхождение к славе	232
Ведьмы и вампиры	234
Последняя эмиграция	236
Тайна Шаляпина	237
Черт Иванович	239
Легенды о певце	241
Народный артист	243
Магический перстень	245
Удача Илки Поповой	247
Продолжение чудес	249
«Красный пиджак» Владимира Третчикова	251
Ленинский почин	253
Мистический оберег	255
Тайный диверсант?	257

Символ поп-культуры	259
Табу на родине	261
Неугасимая лампада	262
Фрейлина трех императриц	264
Таинство пробуждения Человека	266
Душу за други	268
Жив дух Руси	270
Княгиня против Гестапо	271
Менгрельские сокровища	273
Аристократы в Сопротивлении	275
«Тут бомба, месье!»	276
План нападения на СССР	277
Смерть на гильотине	279
«Я верю, Россия победит!»	281
Столичные соблазны	282
Комиссар по культуре	284
Путь к Богу	285
«Отдам свою душу каждому»	287
«Но какой океан крови!»	288
Подвиг монахини	289
Пешков, французский генерал,	290
Иностранный легион	291
Загадка биографии	293
На Тайване с Чан-Кайши	295
Дневник переводчика	297
Записки армейского переводчика, или	299

результат одиночества	
Репин и большевики	313
Дело в ОГПУ	315
По приказу Сталина	317
«Быдло империализма»	318
Последняя просьба	319
Русский Рембрандт	320
Уроки у Репина	322
Служение гению	323
Трудные годы	325
Лучший полководец Латинской Америки	328
На чужбине	329
Под знаменем Парагвая	330
Бои в пустыне	331
«Белый отец»	332
Против фашизма	333
Украденный Фаберже	334
Мировое признание	335
История кражи	337
Авантюрист Хаммер	339
Часы Павла Буре	341
Поставщик двора	342
Предмет первой необходимости	343
Отказ Шаляпина	344
Тайна часов Сталина	345
Часы остановились?	346

Бестселлеры Али Рахмановой	348
Австрийский муж	350
Ужас и мрак	352
Горечь судьбы	354
Трагический удар	355
Великий иконописец	357
«Человек очень чистой души...»	360
Приглашение от короля	362
За океаном	364
Вернуться в Россию не успел	366
Танцующая красавица	368
Успешный дебют	369
Театр для эмигрантки	371
Страсть и упорство	373
Тайна смерти шахматного гения	374
Приговорили к расстрелу	375
Чемпион мира	376
Остракизм	377
Кусок мяса от НКВД?	379
Улица Довлатова в Нью-Йорке	381
«Жизнь коротка...»	383
«Ни страны, ни погоста...»	385
Становление поэта	388
Суд и ссылка	391
Вызов в ОВИР	394
Домой так и не вернулся	396

Владимир Малышев
Русская Атлантида
(невероятные биографии)

© В. В. Малышев, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Вступление

Среди блестящих дворцов, величественных соборов и памятников царям затерялся на просторной набережной Невы скромный гранитный обелиск. По его гладко отполированной поверхности, как слезы прощания, струятся капли неизменных петербургских дождей. На камне лаконичная надпись: «С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки...». «Философским пароходом» назвали потом этот рейс. Точнее, таких пароходов было два: один «Обер-бургомистр Хаген» покинул Петроград в конце сентября 1922 года, второй – «Пруссия» – в ноябре этого же года. Они доставили в Германию более 160 человек – профессоров, преподавателей, врачей, инженеров, цвет нации. Высылали еще и поездами, пароходами из Одессы и Севастополя. Участники первого рейса вспоминали, что все время на мачте сидела какая-то птица. Капитан показал на нее изгнанникам и заявил: «Не помню такого. Это необыкновенный знак!»

Такого в истории и в самом деле никогда еще не было – чтобы государство само выдворило за свои пределы не террористов, уголовников или опасных политических противников режима, – а свои лучшие умы. Троцкий с присущим ему цинизмом объяснил это так: «Мы этих людей выслали

потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». «Очистим Россию надолго!» – довольно потирал руки Владимир Ильич, по личному распоряжению которого и была предпринята эта небывалая акция. Из-за катастрофы 1917 года и драматических событий последующих лет за рубежом оказалось в общей сложности, около 10 миллионов русских людей, в том числе сотни, тысячи выдающихся ученых, философов, инженеров, врачей, писателей, музыкантов, художников. Одних выслали, другие бежали, спасаясь от тюрем и расстрелов. Цвет нации, гордость России, словно исчезнувшая в пучинах океана русская Атлантида.

Главная цель большевиков состояла в том, чтобы запугать интеллигенцию, заставить ее замолчать. Но в результате за граница, и прежде всего США, получили в «подарок» от России целую когорту могучих умов и блестящих талантов, позволивших им далеко продвинуть вперед свою науку и технику, развивать культуру. Изгоняли из страны таланты и в совсем недавние времена. Имена этих русских «атлантов» – наш невольный «подарок» другим странам и континентам, от нас долгие годы скрывали, а о некоторых мало кто у нас знает до сих пор...

О них эта книга. Это – сборник увлекательных историй о людях, самых невероятных биографий, которых объединяет одно, – почти все они родились или жили в Петербурге и горячо любили Родину, хотя и умерли далеко от нее. Один из

великих изгнанников – философ Иван Ильин писал: «Люди без родины становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с место на место и втоптываемой чужеземцами в грязь». Многие граждане нашего Отечества, вынужденные покинуть его гонимыми бурными ветрами истории, были просто обречены на такую горькую судьбу. Но их книги, их труды, сами жизни многих из них служат для нас примером, великим уроком стойкости, мужества и верного служения даже отказавшемуся от них Отечеству.

Гений авиации

26 мая 1913 года на летном поле Корпусного аэродрома под Петербургом собралась огромная толпа. Все с любопытством рассматривали невиданный, огромный самолет с четырьмя моторами под гордым названием «Русский витязь». Он был в четыре раза тяжелее всех тогдашних летательных аппаратов и являлся первым многомоторным аэропланом в мире. Никто не верил, что такая громадина весом в четыре тонны сможет подняться в воздух...

Но вот «Русский витязь» начал разбег и плавно поднялся в воздух. Описав над аэродромом несколько кругов, он благополучно опустился на летное поле. Толпа встретила успех бурным ликованием. Все были еще больше поражены, когда из кабины вышел пилот невиданного аэроплана, – таким он оказался молодым. Это был сам конструктор самолета Игорь Сикорский, студент Петербургского политехнического института, которому тогда было всего 24 года.

Самый тяжелый лайнер мира был построен им в петербургском отделении Русско-Балтийского завода и предназначался для стратегической разведки. Уже через два с половиной месяца этот самолет установил мировой рекорд, продержавшись в воздухе 1 час 54 минуты с семью пассажирами на борту. Летом Сикорский прилетел в Царское село и встретился с императором. Как писали газеты, Николай II

«милостиво побеседовал» с молодым конструктором и подарил ему золотые часы.

Всего год спустя этот молодой гений авиации снова удивил весь мир. По проекту Сикорского, с использованием достижений «Русского витязя», был построен гигантский лайнер «Илья Муромец», и сам конструктор совершил на нем перелет из Петербурга в Киев и обратно. Это был первый пассажирский аэробус в мире, а в годы начавшейся войны он стал первым в мире тяжелым бомбардировщиком. Когда среди немцев появились слухи о гигантских русских самолетах, германское командование пыталось их развеять, уверяя, что такие самолеты просто не могут существовать. Сами немцы со своей хваленой техникой построить их в то время не смогли. Мощные «Муромцы» Сикорского были практически неуязвимы для истребителей противника – за всю войну русская авиация потеряла только два самолета этого типа.

Приснился во сне

Родился мировой гений авиастроения в 1889 году в Киеве в семье известного врача-психиатра. В детстве его любимой книгой был роман Жюль Верна «Робур-завоеватель», где описывался полет на гигантском воздушном корабле. Такой корабль приснился ему однажды даже во сне. Поразили будущего конструктора также рассказы о Леонардо да Винчи и его проектах летательных аппаратах. Первую в России модель вертолета Сикорский соорудил, когда ему было всего 12 лет, во дворе своего киевского дома.

Однако сначала Сикорский поступил, по примеру брата, в Морской кадетский корпус в Петербурге. Поняв вскоре, что его настоящее призвание – авиация, поехал учиться во Францию, где тогда появились первые самолеты, а в 1912 году был приглашен в Петербург на должность главного конструктора авиационного отдела Русско-Балтийского вагонного завода. Именно там он сконструировал 20 оригинальных самолетов, в том числе уникальные «Русский витязь» и «Илья Муромец», ставшие потом прототипом всех тяжелых многомоторных самолетов. Первый в мире аэробус Сикорского поднимал в воздух 17 пассажиров. В 1912 году он был удостоен Большой золотой медали на 2-й Международной воздухоплавательной выставке.

Угроза расстрела

Помимо тяжелых бомбардировщиков, Сикорский создал еще целый ряд других типов самолетов: легкий истребитель, морской разведчик-истребитель, двухмоторный истребитель-бомбардировщик и штурмовик. Еще при царе, благодаря Сикорскому, в России создавалась могучая отечественная авиационная промышленность. За эти заслуги Сикорский был награжден одним из высших российских орденов – орденом Святого Владимира 4-й степени.

Гений авиации не только конструировал самолеты, но и сам сидел за их штурвалом. Установил множество рекордов высоты и дальности полетов, в том числе осуществил и небывалый по тем временам перелет Петербург-Киев и обратно. Уже тогда его слава пилота была так велика, что в Петербурге, в Мариинском театре поставили оперу «Летчик Сикорский». Гением авиации еще до 1917 года были разработаны 25 моделей самолетов и два вертолета.

Но после революции наступил крах. В Петербурге небо стало непривычно голубым – остановились все заводы и фабрики. Между торцов мостовых, где перестали ездить кареты и автомобили, выросла трава. Сразу шесть новых самолетов Сикорского так и остались стоять на заводском конвейере. Мало того, конструктору явно не пролетарского происхождения, грозил расстрел. Сикорскому хотели, кроме то-

го, припомнить обвинения в адрес его отца, который принимал в качестве медика участие в расследовании так называемого «дела Бейлиса». Чекисты уже расстреляли всех, кто был к нему причастен. В начале 1918 года один из сотрудников конструктора, связанный с большевиками, пришел к нему ночью и предупредил: «Положение очень опасное. Я видел приказ о вашем расстреле...». Сикорский был вынужден бежать в Англию, затем во Францию, а потом перебрался в США.

Фирма в курятнике

Его жизненный путь в эмиграции поначалу вовсе не был усыпан розами. После окончания Первой мировой войны самолеты в США оказались не востребованы. Выдающийся авиатор бедствовал, трудился чернорабочим, подрабатывал уроками математики в вечерней школе для русских эмигрантов в Нью-Йорке. Но, в конце концов, основал собственную фирму «Сикорский эйркрафт», которая сперва ютилась в бывшем курятнике. Помог конструктору другой русский гений – всемирно знаменитый композитор и пианист Сергей Рахманинов, тоже оказавшийся в США. Он купил акции фирмы на 5 тысяч долларов (не малые по тем временам деньги) и в рекламных целях стал ее вице-президентом. Постепенно вокруг Сикорского, который помогал другим русским, собрались и другие эмигранты из России: инженеры, чертежники, механики. Конструктор М. Глухарев был заместителем директора фирмы. В Стратфорде на фирме Сикорского бывший адмирал Б. Блохин трудился простым рабочим, а бывший генерал С. Денисов – ночным сторожем. Русскими были даже уборщики и охранники. О своих сподвижниках в компании он говорил: «Они готовы умереть за меня, так же как и я за них». На заводе Сикорского, на территории которого был сооружен православный храм, царила совершенно особая атмосфера духовности, братства и взаимо-

помощи, чего не было нигде в капиталистической Америке.

«Мистер-вертолет»

Успехом стал сконструированный Сикорским первый в мире самолет-амфибия, «летающая лодка», как ее называли. Заказы посыпались со всех сторон. Престиж русских инженеров в США вскоре оказался так велик, что заказчики начали требовать, чтобы и на других авиафирмах не менее половины персонала было русским. В СССР одна из закупленных большевиками лодок-амфибий Сикорского принимала участие в поисках пропавшего в северных льдах экипажа Леваневского. Ее можно было увидеть и в любимом Сталиным фильме «Волга-Волга», которую выдавали за «советскую».

Но главной удачей гениального русского конструктора в США стали вертолеты. Первый экспериментальный вертолет его конструкции поднялся в воздух в 1939 году. Тут уже к изобретателю пришла всемирная слава. Вскоре Сикорского стали называть в США не иначе как «мистер-вертолет». В 1942 году его боевой вертолет был единственным в авиации стран антигитлеровской коалиции.

Под конец своей карьеры выходец из России стал автором-разработчиком 17 американских самолетов и 18 вертолетов. 90 из каждых ста вертолетов в мире построены по проектам, в основу которых положены технические идеи Сикорского. Все президенты США, начиная с Эйзенхауэра, пользовались только вертолетами его фирмы. Именно на верто-

лете «эмигранта Сикорского» летал Никита Хрущев, когда приезжал с визитом США. Русского конструктора наградили призом братьев Райт, почетной медалью Джона Фрица за научно-технические достижения и другими отличиями. Сикорский был почетным доктором многих университетов, и не только в США.

Простой и скромный

Сикорский был небольшого роста, но обладал недюжинной силой. Он увлекался автомобильными путешествиями, альпинизмом, сумел покорить многие вершины Канады и США. В жизни великий конструктор слыл простым и скромным, добрым и отзывчивым человеком. В Стратфорде вокруг его фирмы образовалась большая русская колония. Построили православную церковь, основали школу, клуб, русскую оперу, а бывший казачий генерал Агоев создал даже ферму племенных скакунов. До сих пор некоторые районы Стратфорда носят русские названия: Русский пляж, Чураевка, Дачи. Он много помогал беженцам из России. На средства конструктора издавались труды выдающегося русского писателя, историка и мыслителя Ивана Солоневича, Сикорский жертвовал деньги на работу радиостанции «Братство Русской правды», был членом Толстовского фонда и управления Общества русской культуры.

Богословские работы

Великий инженер, Сикорский – внук православного священника – был еще и выдающимся религиозным мыслителем, писал философские и религиозные трактаты, только недавно опубликованные в нашей стране. Среди них «Послание молитвы Господней», «Незримая борьба», «Эволюция души» и другие. «У мира, который полагается только на материальную сторону в ущерб духовной, нет будущего, – считал Сикорский. – Человеческое общество, которое безрассудно занимает неверную позицию в высшей битве между правдой и ложью, между Богом и сатаной, само обрекает себя на гибель».

Он исследовал природу интуиции и творчества, размышлял о природе и ценности религии. Некоторые прозрения Сикорского актуальны и в наши дни. Он предупреждал, что, несмотря на все достижения техники, рост материальных богатств, человечество сегодня «испытывает кризис беспрецедентной глубины и величины». А причину этого, по его мнению, «следует искать во внутреннем и глубоком беспорядке в духовной и моральной сферах жизни». Вспоминая об истории пребывания Христа в пустыне, когда он был трижды искушаем дьяволом, Сикорский напоминает нам, что Сын Божий принял решение в пользу добра, а не зла, духовного, а не материального. Но, рассматривая события современной ис-

тории, мыслитель убедительно показывал, как люди постоянно отдают предпочтение материальному, действуя вопреки примеру Христа. «Если, – предупреждает Сикорский, – миром будут управлять духовно мертвые люди, то его можно сравнить с самолетом, которым управляет несознательный и неопытный экипаж».

О России не забывал

Ни на одно мгновение эмигрант поневоле не забывал о далекой России, куда ему уже не суждено было вернуться. «Русский народ... должен подумать о том, чтобы из того болота, в котором мы теперь увязли, выбраться на широкую дорогу, чтобы двигаться вперед». «Нам нужно учиться, а главное – много работать, чтобы восстановить Родину, когда она этого потребует». Увы, великому конструктору, как никто другой прославившему русский технический гений во всем мире, так и не удалось принять участия в восстановлении России, освобожденной от гнета большевиков.

Когда серийное производство его самого популярного в мире вертолета С-58 достигла своего пика – 400 машин в год, Сикорский вышел на пенсию. Гений авиации тихо умер в своем доме в 1972 году в возрасте 83 лет во сне. Жена нашла его утром спокойно лежащим на кровати со скрещенными на груди руками – так умирают праведники. Рассказывали, что во время его похорон их участники увидели в небе символический знак: следы двух пролетевших в небе самолетов образовали над кладбищем большой белый крест...

Трудное возвращение домой

Но на родине имя гениального конструктора долгое время оставалось под запретом. В СССР о нем не упоминали даже, когда говорилось о его детище – «Илье Муромце», а авторство этого самолета приписывалось некой «группе молодых конструкторов». В 1982 году, через десять лет после кончины гения авиации, в редакцию журнала «Техника – молодежи» обратились известный советский конструктор О. Антонов и три прославленных летчика М. Галай, М. Громов и Г. Гофман. Они высказывались за то, чтобы вернуть родине имя Сикорского, установить мемориальные доски на зданиях, связанных с его деятельностью. Редакция в те времена материал опубликовать не осмелилась и переправила его в ЦК КПСС. В ответ партийные чиновники сочинили документ под грифом «секретно». В нем отмечалось, что Сикорский «крайне негативно оценивал Октябрьскую Социалистическую революцию», а потому-де о восстановлении его доброго имени «не может быть и речи». Только после краха СССР имя русского технического гения, наконец, возвращено России из небытия. О нем снимают фильмы, пишут книги, установили мемориальные доски.

Творец «русской славы»

Гением русской архитектуры называли Романа Верховского, оказавшегося после революции в Белграде. Умер он в США и в современной России его имя сегодня почти неизвестно.

В Белграде на Новом кладбище высится изумительный по красоте памятник. Он сделан из серого камня и стилизован под форму артиллерийского снаряда. Это самый большой в мире (в России не сохранилось ни одного) монумент на могилах русских воинов Первой мировой войны. Он называется «Памятник-усыпальница Русская Слава». Сделан он из серого камня и стилизован под форму артиллерийского снаряда. Вверху, на его постаменте, стоит крупная фигура Архангела Михаила с вертикально поднятыми крыльями. У подножия, на знамени, лежит русский офицер с оголенной шашкой. По центру снаряда выгравирован большой двуглавый орел и дата «1 914 г.». На левой стороне памятника, под крестом надпись: «Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». На тыльной стороне памятника по-сербски написано: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте 1914– 1 91 8 гг.».

Под памятником находится часовня, над железной дверью которой славянской вязью надпись: «Спите, орлы боевые». Из 6 000 русских, погибших при защите Белграда в 1915 г.,

в склепе захоронен прах 387 офицеров и солдат, а также 1 полковника и 138 нижних чинов. Ввиду острого дефицита средств на постройку «Русской Славы» один из инициаторов идеи памятника – полковник Михаил Скородумов – был вынужден организовать сбор средств на его строительство среди населения. При этом стоимость каждого камня, используемого для строительства, была оценена в 300 динаров, и при закладке на камне камнетесы заранее выбивали фамилию дарителя. Автор уникального монумента – русский архитектор и скульптор Роман Верховский.

Совсем рядом, на том же кладбище – другой замечательный монумент его же работы. Памятник называется «Защитникам Белграда». Он построен в 1931 г. и стал самым высоким на Балканах военным памятником – 18 метров высоты, с бронзовыми фигурами Героя (югославский воин-победитель), гордо держащего знамя и опирающегося на винтовку, у ног его – смертельно раненный Орел, символизирующий поверженную Германию, высотой в 14 метров. Обе фигуры отлиты из темной меди, хотя весь памятник выполнен из камня. Композиция выражает идею победы Добра над Злом. Под памятником находится усыпальница для 5 000 воинов. Здесь в отдельных ящиках собраны останки героев, на каждом ящике проставлен номер, чин, фамилия и дата смерти воина. Среди сербских фамилий встречаются и русские. Сооружение памятника принесло славу автору проекта распоряжением короля Александра I Карагеоргиевича Верхов-

ский был награжден шейным орденом Св. Саввы III степени.

Из рода Рюриков

Фамилия этого замечательного скульптора в Сербии и в США широко известна, однако в СССР упоминание о нем, как о бывшем офицере Белой армии и эмигранте, было запрещено. Да и до сих пор, хотя созданные им за рубежом монументальные памятники и храмы относятся к числу мировых шедевров, сегодня в России мало, кто знает. Родился Роман Николаевич в 1881 году в городе Вильно, сегодняшней Вильнюс. Верховские – древний русский дворянский род, владевший поместьями в Галичском уезде Костромской губернии с конца XVII века. По семейным преданиям, этот род происходит от Рюрика. Сам Роман Николаевич в переписке иногда напоминал о своем аристократическом происхождении, но, как правило, с большой долей иронии, называя себя «потомком древних князей феодального периода». В переписке с графиней А. Л. Толстой, он дважды упоминал, что его родной дядя – Александр Петрович Верховский (младший брат отца) был женат на графине Толстой, ссылаясь при этом на книгу «Родословная рода Верховских», составленную по православной геральдике в XIX столетии.

Переехав в Санкт-Петербург, Верховский окончил там в 1911 году Императорскую академию художеств. За проект «Дом Русского посольства» он получил звание художника-архитектора и, как лауреат Академии и «государственный

пенсионер», был премирован поездкой за границу. В 1912–1913 гг. Верховский производил обмеры и зарисовки памятников архитектуры эпохи Ренессанса в Испании, а потом посетил Францию и Италию.

По возвращению в Петербург, получил назначение на должность архитектора зданий Собственной его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии, а также – архитектора правления Бухарской железной дороги. Первым крупным архитектурным проектом Верховского стал проект железнодорожного вокзала в Бухаре, выполненный им в византийском стиле.

Хотя архитектор и не подлежал воинской повинности, после начала Первой мировой войны он считал своим долгом вступить добровольцем в ряды действующей армии. Воевал он храбро. В 1915 г. на Западном фронте был произведен в офицеры, получил боевые награды и отличия до Св. Станислава II степени с мечами, включительно, и даже персидский орден «Лев и солнце» III степени.

После революции Верховский принял участие в Гражданской войне на стороне Белой армии, а потом с волной русской эмиграции попал в Королевство СХС, где вернулся к своему призванию – архитектуре и живописи.

Под покровительством короля

Он жил в пригороде Белграда (г. Земун), открыв там свое ателье. Работал во Дворцовом ведомстве и в Министерстве строительства Королевства СХС. Был близок к королю, Александру I Карагеоргиевичу, и регулярно получал от него заказы. Некоторые полотна, написанные Верховским, вошли в частную коллекцию живописи короля. Одну из выставок своих работ Верховский даже смог провести прямо в апартаментах Королевского дворца.

Как скульптор-монументалист Верховский получил широкую известность в Югославии. Наиболее известными его работами стали блестящие архитектурные композиции здания Русской церкви в Белграде, декоративные и скульптурные украшения здания Нового Парламента, величественная скульптура на новом здании Скупщины, цикл работ по заказу Двора Его Величества Короля Александра I Карагеоргиевича по отделке нового загородного Королевского дворца на Дединье и др. К знаковым архитектурным композициям пригорода Белграда относится и фонтан «За жизнь и свободу славянских народов», увенчанный фигурой Геракла («Лаокоон»). Статуя Геракла имеет 3,20 м в высоту. Фонтан стоит перед старым Королевским дворцом в загородном парке Топчидер. Среди скульптурных работ Верховского в Югославии – 7 национальных памятников-усыпальниц Пер-

вой мировой войны (или Великой войны, как ее тогда называли).

У него было много других замечательных проектов, которые не осуществились. Югославская газета «Политика» упоминала, в частности, эскиз грандиозного памятника, на котором была изображена конная статуя белого офицера, с надеждой глядящего в небо. Рядом – змея на гребне огромной волны, олицетворяющей нашествие большевиков. Внизу живописной композиции располагался поверженный лев – символ императорской России.

25 храмов в США

В 1937 г. Роман Николаевич приехал в США – навестить живших в Нью-Йорке сестру и племянников. Но временный визит оказался в результате окончательным переездом за океан. Американские коллеги приняли Верховского тепло, уже в 1938 г. Архитектурная лига Нью-Йорка провела персональную выставку русского мастера, причем в ее организации и открытии участвовала супруга президента США Элеонора Рузвельт.

Особенностью его деятельности за океаном стал «уход» в храмостроительство. Он уже практически не занимался гражданским монументальным искусством, как ранее в Сербии, – все его творчество было подчинено проектированию, строительству и росписи православных храмов. Верховский был определён архитектором-художником Митрополии Русской Православной Церкви Заграницей в Северной Америке. В его обязанности входила разработка проектов будущих храмов, часовен, иконостасов. В этот период он также занимался церковной росписью. В США по его проектам построено не менее 25 храмов, 7 иконостасов, он самостоятельно расписал 6 храмов (столько, наверное, не сделал ни один другой русский архитектор).

В начале 1940-х годов в нью-йоркской газете «Россия» появилась статья магистра Колумбийского университета Жит-

кова «Несколько слов о русском зодчестве». В ней работы Верховского Житков назвал «новым словом русского зодчества». «Обычно говорят, что гениальные проявления бывают раз в 100 лет, – писал Житков, – но Россия ждала своего национального гения в зодчестве 200 лет. И, кажется, сейчас на горизонте он появился. Зарубежной России суждено найти его; и ему после долгих исканий найти Россию, ее дух несравненной красоты, сочетания с Православием, которое стоит над бренностью и суетой жизни. Этот гениальный русский зодчий – Роман Верховский. Он всегда был большим человеком, создавшим много прекрасного. <...>

Из всех талантливых и гениальных людей Верховский сейчас нам, русским, ближе всего. Он, наконец, заполнил долго пустующее место... В нем мы видим предвозвестника нашего национального возрождения. Его появление говорит больше, чем что-либо другое, о том, что процесс русского паралича на исходе. Его мы должны беречь и его Зарубежная Россия должна использовать».

Мистический град Китеж

Высшим достижением Верховского в США называют храм Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле и храм Святого Владимира в Джаксоне. С этих храмов сделано огромное число открыток. Их продажа до сих пор дает огромный доход туристическому бизнесу в Америке, но сам Роман Николаевич от их продажи не получил ни цента.

Это что-то непревзойденное, незабываемое, – так пишут искусствоведы о храме в Джорданвилле. Помимо передачи всей сути русской души, здесь отражен и весь путь Руси, ее истории и искусства. Внизу приземистые, сумрачные башни – кутафьи Кремлей, Китай-городов, вечевых площадей говорят о долгой тяжелой повседневной жизни, борьбе. Здесь отмечены в необыкновенном сочетании и ритме форм Псков и Новгород и ранняя Москва. И из этого основания вырастает, устремляется вверх, легкий, одухотворенный, почти мистический, как град Китеж, Храм. Вскоре монастырь в Джорданвилле стал духовным центром всего русского зарубежья. Здесь была открыта типография, выпускающая журнал «Православная Русь» с ежемесячным приложением «Православная жизнь», церковно-философский сборник «Православный путь» и «Троицкий календарь», была основана Духовная семинария. Архитектору принадлежит и проект первого в США буддийского храма. Им также

был создан проект русского кафедрального собора в Нью-Йорке, который по красоте, пропорциям и замыслу композиции стал эпохальным явлением в русской храмостроительной архитектуре.

Верховский делал проекты и лично расписывал не только русские, но и православные греческие, сербские и болгарские храмы. Уже в начале 1940-х годов им был сделан проект перестройки греческой церкви Святого Димитрия в Джамайке (штат Нью-Йорк), проект сербской церкви Воскресения Христова в Сюбенвилле (штат Охайо), расписан иконостас в греческой церкви Святой Троицы в Бриджпорте (штат Коннектикут) и другие.

Трагическая судьба

Увы, успехи Верховского в области искусства не сопровождались материальным успехом и судьба его сложилась трагично. Граф Ланской в посвященном ему некрологе писал: «Художник в душе и барин по духу, Верховский не шел на компромиссы: в своих проектах он отстаивал творческое задание и не считался с требованиями ничего не понимающих в искусстве заказчиков, а при заключении договоров не давал взятки, как это принято в деловых кругах. Кроме того, большинство его заказчиков были русские бедные приходы или архипастыри, которые ему платили меньше американских норм, и сравнительно с ними – очень мало, а иногда и не доплачивали. При всем этом он чувствовал, что его не понимают<...> Все это он болезненно переживал, становился резким и раздражительным. В результате его стали обходить заказами, и к своим 80 годам жизни он оказался без средств и без работы, хотя был вполне работоспособен. Получаемая же им пенсия не была достаточна для оплаты квартиры-студии. Домовладелец все время повышал плату и, в конце концов, за неплатеж выставил на улицу архив и все имущество Р.Н. Верховского, которому пришлось сдать все это в склад на хранение. Архитектор пытался устроиться в русский старческий дом. Но и в этом ему было отказано. Ему пришлось обратиться в американский старческий дом, ад-

министрация которого перевела его в один из штатных госпиталей на Лонг-Айленде», где он вскоре – в январе 1968 года – скончался. Однако трагедия Верховского была связана не столько с материальной стороной его жизни, сколько с душевной болезнью. Была ли она наследственной или стала следствием чрезмерного переутомления и драматических переживаний лишенного родины творца, неизвестно. Неизвестна и судьба коллекции работ Верховского в США.

Как писал в некрологе все тот же граф Ланской: «За четыре дня до смерти, в коротком письме своей племяннице Верховский писал о «далекой, родной и несбыточной России». Великий русский архитектор остался верен себе: последние его мысли были о России.

«Иконоскоп»

Владимира Зворыкина

В Москве, рядом с телецентром «Останкино», недавно состоялась торжественная церемония открытия памятника Владимиру Козьмичу Зворыкину. Имя гениального русско-го инженера лишь недавно извлечено в нашей стране из мрака забвения – в советские времена его считали «белым эмигрантом» и «классовым врагом». Теперь уже всем известно, что именно он был изобретателем одного из главных чудес нашего времени – телевидения. Сделал это Зворыкин за океаном, где его имя, как и имя другого нашего соотечественника, «отца вертолета» Игоря Сикорского, выгравировано в Зале национальной славы науки и техники США.

Родился Владимир Козьмич 29 июля 1888 года в самом сердце России – в былинном городе Муроме в состоятельной семье. Его отец был купцом первой гильдии, председателем правления банка, успешно торговал хлебом, владел пароходами на Оке и Волге. В крепкой семье Зворыкиных были семь детей, и все получили отличное образование, а двое братьев Владимира Козьмича тоже стали учеными. Жили все в большом красивом доме на живописном берегу Оки. Особняк сохранился до наших дней, сейчас в нем расположен Муромский историко-художественный музей. Отец хо-

тел, чтобы смысленный младший сын пошел по его стопам, стал продолжателем, как сказали бы теперь, фамильного бизнеса.

Но Володя рано увлекся техникой. Еще гимназистом он ходил по домам соседей и родственников и устанавливал самодельные, вошедшие тогда в моду первые электрические звонки. Отец изменил свое мнение, когда юноша успешно починил на одной из его барж электропроводку и динамо-машину. Было решено, что он поедет в Петербург и станет инженером. Однако сразу поступить в Технологический институт не удалось, число желающих стать студентами в десять раз превышало количество мест. Стать студентом ему удалось лишь на следующий год.

Учеба и революция

В 1912 году Зворыкин окончил Технологический институт с отличием, что дало ему право на заграничную командировку. В течение года он обучается в «Коллеж де Франс» в Париже у знаменитого физика Ланжевена, изучая теорию рентгеновских лучей. Потом едет в Германию. Но тут грянула Первая мировая война. Зворыкин срочно возвращается в Россию и поступает в действующую армию. Сначала служит на военной радиостанции в Гродно, а потом его переводят в офицерскую радиошколу в Петроград.

Наступает революция. Рушится фронт, лавина дезертиров захлестывает столицу, начинаются погромы, жестокие расправы с офицерами. Арестовывают и Зворыкина. Один из солдат пожаловался на него за то, что тот будто бы «издевался над ним, заставляя подолгу повторять цифры в «дырочку» (микрофон – *В. М.*), а сам в это время в соседней комнате копался в каком-то аппарате». Абсурдность обвинения стала ясной даже революционному трибуналу, и Зворыкина отпустили. Владимир Козьмич решает вернуться в действующую армию, но по пути, в поезде, солдатские патрули начинают разоружать и арестовывать офицеров. Недолго думая, будущий «отец телевидения» выпрыгивает в окно на ходу и благополучно, под выстрелами, скатывается в кустарник...

Причины катастрофы

В эти дни Зворыкин напряженно думает о судьбах России, размышляет о причинах, которые привели ее к катастрофе и приходит к выводу, что одной из главных было иностранное вмешательство. «Отношение в стране к новому режиму было разным, – вспоминал он потом. – Наиболее яркими сторонниками коммунистического режима были фабричные рабочие, вероятно, благодаря активной социалистической агитации, которая проводилась несколькими поколениями интеллигенции. В прямой оппозиции большевикам находились чиновники, военачальники и большинство богатых предпринимателей. Интеллигенция, которая была в меньшинстве, как всегда, была разделена на множество различных политических партий и движений самого разного спектра – от поддержки до полного неприятия режима. Крестьяне представляли собой неуправляемую массу. С одной стороны, они приветствовали конфискацию собственности землевладельцев, но были не уверены относительно того, кому достанется эта земля – им или правительству. Более богатые крестьяне, так называемые «кулаки», которые уже имели значительные землевладения и сумели даже увеличить их после революции, были нейтральны. Основная же масса российского населения, как показали последующие события, поддерживала ту сторону, которая была более сильной в тот

или иной момент. Как ни странно, одним из решающих факторов, приведших большинство на сторону большевиков, по моему мнению, стало иностранное вмешательство. Усилия союзников с целью удержать Россию в состоянии войны с Германией вызвали негативную реакцию в стране и тем самым способствовали усилению позиций коммунистического правительства».

Невероятное бегство

Зворыкин понимает, что в России ему места нет, и тайком приезжает в родной Муром – проститься с Родиной. Там он узнает о смерти отца. Тетка убита грабителем, а брат отца покончил с собой, когда у него конфисковали породистых элитных рысаков, выращиванию которых он посвятил жизнь.

Уютный фамильный дом над Окой отобран Советами, а знакомый, служивший в милиции, тайком сообщает, что уже выписан ордер на его арест. Выбора нет, надо срочно бежать из России.

Но как? Все дороги на Запад перекрыты. Тогда Владимир Козьмич отважился на невероятную авантюру: решил бежать северным путем. Как писал он потом в своих воспоминаниях, «за 18 месяцев на пути из Москвы в Нью-Йорк мне пришлось дважды обогнуть земной шар». Когда он позже рассказывал своему биографу об этих приключениях, тот ему не поверил.

Зворыкин с большим трудом добирается до Екатеринбурга. Там его арестовывают и помещают в тюрьму до «выяснения личности». Это совсем рядом с Ипатьевским домом, где только что большевистские палачи расстреляли царскую семью. Питерский инженер с ужасом ждет такой же страшной участи, но его спасает приход в город чехословацких

частей. Охрана тюрьмы попросту разбежалась, и Зворыкин смог продолжить свой путь. В Омске он встретился с руководителями Временного сибирского правительства и получил от него задание закупить за границей земледельческие машины.

Пароходом через Обь, Иртыш и Карское море Зворыкин добирается до острова Вайгач. Но порт плотно блокирован льдами, и только неожиданное появление ледокола спасает путешественника, которому удается добраться до Архангельска. Город оккупирован войсками Антанты, в нем расположились выехавшие из захваченного большевиками Петрограда посольства. Зворыкин знакомится с американским послом Д. Фрэнсисом, который оформляет ему необходимые визы. Вскоре ученый оказывается в Копенгагене, где исполняет торговые поручения, а потом через Англию и Америку снова возвращается в Россию. Из Владивостока он с приключениями добирается до Омска, где располагалось правительство Колчака, по Транссибирской магистрали. Это было опаснейшее путешествие: поезда грабили банды, их пускали под откос. На станциях, на телеграфных столбах болтались трупы повешенных. Сам Омск переполнен беженцами из Москвы и Петербурга, канализация замерзла, в городе свирепствует тиф.

В Омске Зворыкина берут на работу в министерство торговли и промышленности, а потом опять отправляют за границу, в США, чтобы организовать доставку закупленных там

товаров в Россию. И вот 4 мая 1919 года Зворыкин выехал во Владивосток, а потом через Японию добрался до США. Однако в конце октября армия Колчака терпит сокрушительное поражение, с падением его правительства Зворыкин теряет свой статус государственного чиновника. Возвращаться в Россию, где его ждал неминуемый расстрел, он не стал. Началась нелегкая жизнь эмигранта...

«Следует заняться более полезным...»

На первых порах ему помог посол Временного правительства Б. Бахметьев, оказавшийся бывшим профессором Санкт-Петербургского политехнического института. Зворыкин рассылает десятки писем в различные фирмы, предлагая свои услуги в качестве инженера по радиоэлектронике. Наконец, его принимает на работу крупная фирма «Вестингауз» в Питтсбурге. Он с головой окунается в работу, и вскоре ему удается изготовить передающую электроннолучевую трубку. Своему детищу изобретатель дал название «иконскоп», и в 1923 году подал на нее патент. Через год он подал патент и на приемную, воспроизводящую изображение трубку – кинескоп.

Однако на руководство фирмы демонстрация изобретения впечатления не произвела. Они попросту не поняли, о чем идет речь, решив, что «этому парню из России следует заняться чем-нибудь более полезным для фирмы».

Но упрямый Зворыкин продолжает эксперименты, пытается создать пригодное для практической эксплуатации телевидение. Работал он фанатично, был ярым трудоголиком. Охране «Вестингауза» было приказано отправлять ученого домой, если окна его лаборатории будут светиться после двух часов ночи.

Первым в США понял и оценил его гениальное изобретение другой выходец из России – напористый и предприимчивый Дэвид Сарнов. Родители увезли его за океан в юном возрасте, и к приезду Зворыкина он сумел стать президентом крупнейшей компании «Радио корпорейшн оф Америка», а, кроме того, еще и бригадным генералом армии США.

– Что нужно, чтобы превратить вашу установку в средство телевидения для массовой аудитории? – сразу задал он изобретателю практический вопрос.

– Сто тысяч долларов и два года работы, – тут же ответил Зворыкин.

Сарнов потом признался, что во время этой встречи он тоже почти ничего не понял в его изобретении, но был «очарован» убедительностью и напором Зворыкина.

«Отец телевидения»

В итоге оказалось, что для создания работающей телевизионной системы пришлось потратить около 50 миллионов долларов, громадные по тем временам деньги, прежде чем она стала приносить прибыль. Но в 1932 году на небоскребе Эмпайр стейт билдинг была установлена первая в мире телевизионная антенна. Начался массовый выпуск телевизоров с кинескопами конструкции Зворыкина, получившего с тех пор имя «отец телевидения».

На скромного русского инженера-эмигранта обрушилась мировая слава. Его зовут читать лекции, вручают дипломы и медали, награждают премиями, о нем пишут статьи и книги. Он стал членом более двадцати академий наук разных стран мира, кроме, разумеется, СССР. Его имя оказалось в знаменитом американском рейтинге «1000 лет – тысяча человек» в первой сотне, где вместе с ним находились, среди других наших соотечественников, имена Петра Первого, Толстого, Достоевского, людей, которые оказали огромное влияние на развитие человечества.

Вспомнили тогда о выдающемся изобретателе и в Советском Союзе, где не жалели средств на индустриализацию. Приехавшие в США гонимые тайно предложили Зворыкину вернуться на родину, суля лабораторию и все мыслимые блага. Удержаться от соблазна снова увидеть родные места и

близких людей Зворыкин не мог, а на фирме его желание отправиться в Советский Союз горячо поддержали: компании, в условиях кризиса на Западе, нужны были новые рынки сбыта. В 1933 году ученый выехал в СССР. Он встретился с сестрами и братом, выступил с лекциями перед учеными в Ленинграде и Москве. Его доклад «Телевидение при помощи катодных труб» вызвал огромный интерес. Зворыкин был удостоен любезного приема у наркома связи Рыкова. В результате первый советский телевизор «ВК» был создан именно по разработкам Зворыкина.

Однако ученый никак не мог забыть всех тех ужасов, которые ему пришлось пережить в революционной России, чувство тревоги и даже страха не покидает его. Однажды, во время спектакля в МХАТе, лицо соседа, сидевшего в зале рядом с ним, показалось ему странно знакомым. В перерыве он стал расспрашивать, откуда он и чем занимается. Оказалось, что тот из Свердловска (Екатеринбурга), и тут Зворыкин вдруг с ужасом узнал в нем следователя из тюрьмы, в которой он там сидел.

«Риск очень большой»

Между тем власти усиленно склоняли «отца телевидения» к тому, чтобы остаться в СССР. Но стоит ли возвращаться? В доме сестры Анны собрался семейный совет. Ее муж, профессор Ленинградского горного института, будущий академик Дмитрий Наливкин предупредил: «Владимир, тебя принимают в СССР с большим почетом. Ты представляешь собой большую ценность как ученый, обходятся с тобой очень деликатно, потому что в твоём кармане лежит американский паспорт. Но ты – сын купца первой гильдии, бывший белый офицер. Как только ты получишь «краснокожую паспортину», ситуация быстро изменится. Риск очень большой».

Зворыкин подумал – и остался жить в США. А жизнь вскоре подтвердила опасения родственника. Родной брат Зворыкина Николай, инженер-гидростроитель, оказался в заключении, в «шарашке», двоюродный брат Алексей, видный корабельный инженер, награжденный золотыми часами с надписью «За восстановление Красного флота», был арестован и погиб в лагере на Соловках, а его жена и семеро детей, включая Киру Зворыкину, будущую чемпионку мира по шахматам, оказались изгоями. Его учителя Н. Розинга сослали на Север, где он умер.

«Подарок американскому континенту»

В США русский инженер сделал еще множество других замечательных изобретений, в частности, прибор ночного видения, который был установлен на американских танках в годы Второй мировой войны, этими прицелами также оборудовались снайперские винтовки. Разработал он и телевизионные устройства для наведения на цель бомб и ракет. Создал уникальный электронный микроскоп, воспроизводящий изображение на цветном экране, а также автомобиль, который мог управляться без участия шофера. Зворыкин был назначен членом консультативного комитета ВВС США.

В 1941 году зворыкинская лаборатория переехала в Принстон, в штате Нью-Джерси. Там он соседствовал домами с Эйнштейном и Оппенгеймером, обсуждал с ними, в том числе, и проблемы возможности создания атомной бомбы. Общался русский ученый и с «отцом компьютеров» фон Нейманом, они вместе работали над проблемой использования вычислительных методов прогнозирования погоды, а также решали вопрос о предотвращении смерчей. Зворыкин предсказал, что именно при помощи телевидения человек увидит поверхность других планет, куда отправится на космическом корабле. Он работал также над применением электроники для быстрого и точного определения общественно-

го мнения. Всего русский ученый зарегистрировал за океаном 1 50 патентов. «Подарком американскому континенту» назвал его один из коллег.

В годы войны ученый чуть не погиб. Отправляясь из Ливерпуля в Нью-Йорк, он забронировал билет на пароход «Афиния». Однако багаж запоздал, и Владимир Козьмич отказался от билета. После выхода в море этот корабль был торпедирован немецкой подлодкой.

Разочарование гения

Советские власти косо смотрели на русского гения и после смерти Сталина. Он вызвал дикую ярость Хрущева, когда тот приехал в США с визитом. На официальном обеде в Нью-Йорке Зворыкин неосторожно выступил в его присутствии с призывом «открыть информационное пространство СССР».

Увы, на склоне лет Владимир Козьмич разочаровался в своем изобретении: «Это чудо, которое превратилось в чудовище... Я создал монстра, способного промыть мозги всему человечеству. Это чудовище приведет нашу планету к унифицированному мышлению... Я в ужасе от пошлости и насилия, которые пришли в наши дома вместе с голубым экраном, – с горечью признавался ученый. – Это заставило меня думать: а стоило ли ради этого создавать телевидение? Во всяком случае, смотреть его я почти перестал». «Лучшая деталь в телевизоре, – добавлял Зворыкин с иронией, – это – выключатель».

Несмотря на все то, что Зворыкин сделал для США, там он так и не стал в полной мере «своим». Особенно после того, как он, обычно сторонившийся общественной и политической активности, вошел в руководство нью-йоркского отделения Фонда помощи жертвам войны в СССР. За это его даже лишили загранпаспорта и запретили покидать пределы

США. ФБР завело на ученого досье, а его телефоны поставили на прослушку. В Америке считали, что Зворыкин «сочувствует Советам», а в КГБ держали за американского шпиона.

Прах над озером

В конце концов, ученый перестал быть «невыездным», и в 1967 году они вместе с женой побывали в СССР в качестве туристов. Супруги оформили посещение города Владимир, однако, убедившись, что за ними нет слежки, поймали такси и тайком отправились, несмотря на запрет, в закрытый тогда город Муром. Так, 50 лет спустя, Зворыкину удалось снова увидеть церковь, в которой его крестили, родной дом...

Личного счастья гений техники дождался, когда ему было уже за 60. За двадцать лет до этого он познакомился с эмигранткой Екатериной Полевицкой, красавицей, врачом по профессии, и по уши в нее влюбился. Однако она уже была замужем, имела детей. Пришлось долго ждать. Но когда Екатерина Андреевна стала вдовой, Владимир Козьмич сразу же предложил ей руку и сердце. «Молодые» обвенчались в русской церкви в США и прожили в счастье и согласии еще более 30 лет. У Зворыкина было пятеро детей и 17 внуков.

До последних дней Владимир Козьмич не забывал о далекой родине. Его чернокожий камердинер Линн всегда демонстративно подавал гостям к водке только русские закуски: маринованные грибы и селедку. «В феврале у русских принято праздновать Масленицу, – писал в своих воспоминаниях Зворыкин. – Это всегда были яркие, веселые дни. За столом, уставленным едой, оказывались и священники, и

родственники, и друзья. Мы ели блины со сметаной, кроме того, подавались соленые закуски, такие, как икра, селедка и тому подобное. После этого мы шли на городской каток, где местный оркестр играл вальсы. Во второй половине дня на главных улицах города устраивалось гулянье, проезжали сани, запряженные отличными рысаками, люди были в праздничных нарядах, дорогих мехах. Молодежь каталась на санках и коньках, затевала игры, сталкивая друг друга в сугробы...»

Умер гениальный инженер в 1982 году в Принстоне в возрасте 93 лет. Он так тосковал по России, что не хотел, чтобы его прах покоился в чужой земле. А потому, согласно завещанию, тело его кремировали, а пепел развеяли над озером Таунтон...

Великий сын России

Покинув Петроград на «Философском пароходе», великий русский философ и общественный деятель Иван Ильин большую часть своей жизни прожил за границей и его труды только последние годы стали доступны читателям в нашей стране. Много лет назад он поразительно точно объяснил причины революции и временного торжества зла большевизма, уверенно предсказал неизбежный крах СССР, и даже многое из того, что потом произошло в России.

Родился Иван Александрович Ильин в Москве в 1 883 году. Его предки были простые русские люди. Именно от них, как отмечают историки, он унаследовал жизненные правила и глубокое убеждение в том, что только духовность есть ключ к истинному счастью. По воспоминаниям одноклассника по гимназии, Ильин был «светлый блондин, почти рыжий, сухопарый и длинноногий; он отлично учился... но, кроме громкого голоса и широкой непринужденной жестикуляции, он в те время как будто ничем не был замечателен. Даже товарищи его не предполагали, что его специальностью может стать и стала – философия».

В 1901 г. Ильин закончил гимназию с золотой медалью, получив прекрасное классическое образование, в частности знание нескольких языков: церковнославянского, латинского и греческого, французского и немецкого. Затем он по-

дал прошение ректору Московского университета о зачислении его на юридический факультет, такую возможность давал ему блестящий аттестат. Успешно сдав магистерские экзамены, был утвержден в звании приват-доцента юридического факультета, а потом отправлен в традиционную командировку в знаменитые университетские центры Европы. Вернувшись, он продолжил заниматься научной и педагогической деятельностью. За его диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» ему присудили сразу две степени: магистра и доктора наук.

Приговорен к расстрелу

Но тут грянула революция и жизнь ученого резко переломилась. Ильин сразу стал убежденным противником большевизма и никак этого не скрывал. Его арестовывали шесть раз. В 1922 году Ильин был приговорен к смертной казни, замененной высылкой. Президиум ВЦИК постановил лишить Ильина гражданства и конфисковать все его имущество. Путь на родину был закрыт навсегда. 26 сентября Ильин и его жена вместе с большой группой высылаемых за границу ученых, философов и литераторов отплыли из Петрограда в Штеттин, в Германию на так называемом «Философском пароходе».

Высылка за границу была все-таки лучшим выходом, поскольку спасла Ильина от неминуемой гибели, но его душа навсегда осталась с Россией. В ноябре 1922 года он писал П. Б. Струве: «Я жил там, на родине, совсем не потому, что «нельзя было выехать», а потому, что Наталия Николаевна (жена Ильина) и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и очень опасным для жизни. Мы бы сами и теперь не уехали бы; ибо Россия в своем основном массиве – там; там она болеет, там же находит и найдет пути к исцелению. От постели больной матери... не уезжают; разве только – оторванные и выброшенные».

В эмиграции

За границей Ильину пришлось трудно. Средств не было, он не умел приспособляться с целью устроить свою жизнь. В Германии Ильин более 11 лет состоял профессором Русского научного института, преподавал и часто читал лекции в разных городах Европы.

Ильин был блестящим оратором, умел завораживать аудиторию глубиной своей мысли, невероятной эрудицией, твердой убежденностью в великое предназначение России, самой мощью своей незаурядной натуры. Архиепископ Рижский даже уговаривал Ивана Александровича принять духовный сан, чтобы стать проповедником.

Ильин раньше многих сумел распознать подлинное лицо нацизма. В 1934 г., через полгода после прихода Гитлера к власти, за отказ вести преподавание согласно партийной программой национал-социалистов философ был удален из Института. Гестапо наложило арест на все его печатные труды и запретило ему публичные выступления. Лишившись источника существования, Иван Александрович решил покинуть Германию и переехать в Швейцарию. С трудом получив визы для себя и своей жены, Ильины уехали в Цюрих. Но и в Швейцарии Ильину была запрещена политическая деятельность.

Гражданин России

Архимандрит Константин писал, что вклад Ильина в сокровищницу русской культуры определяется не только своей громадностью, но и тем, что «за всем этим богатством стоит непоколебимая воля. Мыслитель по образованию, талантам, вкусам, воспитанию, профессии, Иван Александрович одновременно был гражданином. И не в том смысле, что он способен отвлечься от работы мысли, чтобы взять за меч или хотя бы выйти на площадь, а в том, что саму свою мысль он сознательно, убежденно, последовательно и неуклонно ставил на службу гражданского долга».

Иван Ильин написал более 30 книг по философии, истории политических учений, по вопросам религии, культуры и политики. Важное место в его творческом наследии занимает книга «Наши задачи», своеобразный манифест русской идеи и русского патриотизма. Она возникла из отдельных «пропагандистских» статей, которые печатались на ротаторе небольшим тиражом без подписи только для единомышленников. Получатели их размножали и рассылали друзьям. Их сборник с именем автора был издан уже после смерти Ильина в Париже, а в России его напечатали только в 1991 году.

«Какистократия»

«И вот, – описывал трагические последствия 19 17 года Иван Ильин, – преступный мир покинул тюрьмы, освобождая их для «контрреволюционеров», – и привычные жители тюрем влились в революцию. Уголовные, принимавшие коммунистическую программу, быстро и легко вращались в партию и, особенно, в Чеку, уголовные, желавшие грабить самовольно, вне революционной дисциплины, арестовывались и расстреливались... Так возник этот режим: разбойники стали чиновниками, а чиновники – разбойниками».

«Судьба русских людей двадцатого века, – беспримерна по своей тягости, – отмечает философ. – Впервые в истории мобилизовались такие силы зла, впервые изобретены приемы такого террора, компрометирующего самое здоровое начало государственности, впервые создан заговор такого интернационального охвата, такого подрыва, такой злодейской меткости, такой неисчерпаемой одержимости».

И все-таки Ильин не был сторонником односторонней «теории заговора». «Русский народ, – писал он, – пошел за большевиками в смутных и беспомощных поисках новой справедливости. «Старое» – казалось ему несправедливым, «новое» манило его «справедливостью». Однако, по мнению Ильина, «социализм и коммунизм вообще ведут не к справедливости, а к новому неравенству и что равенство и

справедливость совсем не одно и то же», ибо люди неравны от природы. Революционное равнение «вниз» ведет к тому, что худшие люди (карьеристы, симулянты, подхалимы, люди беспринципные, бессовестные, продажные, «ловчилы») выдвигаются вперед и вверх, а лучшие люди задыхаются и терпят всяческое гонение.

«Если «аристос» значит по-гречески наилучший, а «какистос» – наихудший, то этот строй может быть по справедливости обозначен как правление наихудших или «какистократия». Таким изобретенным им термином Ильин определил существовавшую в СССР государственную систему.

Ильин был убежден, что большевизм в России рухнет и только тогда страна может возродиться. Но он с большим сомнением относился к попыткам навязать освободившейся России демократию западного типа и пророчески предсказывал порочность грядущего глобализма. Нет «единого государственного строя», который был бы наилучшим для всех стран и народов, указывал он. «На введении демократии в грядущей России настаивают, во-первых, неосведомленные и лукавые иностранцы, а во-вторых, бывшие российские граждане, ищущие ныне погубления и разложения России... И, – отмечал Ильин, – как часто мы видим, что люди торопятся объявить себя «демократами» ради признания со стороны недругов России и закулисных субсидий!».

Идея сердца

Но куда же тогда идти новой России? В чем сущность русской идеи? В чем суть русского патриотизма? «Русская идея, – писал Ильин, – есть идея сердца... Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и, что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. И все это не идеализация и не миф, а живая сила русской истории. О доброте, ласковости и гостеприимстве, а также о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники – и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродушием. Русская песнь есть прямое излияние сердечного чувства... это дух живет в русской поэзии и в русской литературе, в русской живописи и в русской музыке».

На любви покоится, по мысли Ильина, и определение русского патриотизма, как безграничной любви к Родине. «Любовь к Родине, – пишет он, – соединяется с верою в неё, с верою в ее призвание, в творческую силу ее духа, в тот грядущий расцвет, который ее ожидает... А люди без Родины, становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с места на место и втоптываемой чужеземцами в грязь».

«Дни падения преходящи, а духовные достижения вечны.

Я знаю, – говорит Ильин, – что тяжкий молот истории выкует из моего народа духовный меч, именно так, как это выражено у Пушкина:

Но во искупленье тяжкой кары,
Перетерпев судьбы удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат».

Последние годы жизни Ильин тяжело болел. Умер он в 1954 году в Швейцарии. В 2005 году прах великого философа вернулся на родину и был перезахоронен в Москве в Донском монастыре вместе с генералом Деникиным.

Самый русский композитор

Великий Сергей Рахманинов большую часть жизни был вынужден прожить в эмиграции. Американцы боготворили его музыку, но когда Гитлер напал на СССР, он собирал деньги, чтобы помогать Красной армии.

Родился гениальный композитор 1 апреля 1873 года в имении Онег Новгородской губернии в дворянской семье. Уже в раннем возрасте проявилась его музыкальная одаренность и в 9 лет его направили учиться на младшее отделение Петербургской консерватории. Но там будущий гений музыки учился плохо, прогуливал. А потому на семейном совете было принято решение перевести его в Москву, в Московскую консерваторию. Там его талант уже проявился в полной мере и в возрасте 13 лет он был представлен Чайковскому. В 19 лет Рахманинов окончил консерваторию, как пианист и как композитор с Большой золотой медалью. К этому времени уже появились его первая опера, первый фортепьянный концерт, другие произведения. Карьера музыканта развивалась стремительно, как вдруг гений неожиданно потерпел фиаско. Премьера его Первой симфонии окончилась полным провалом. Причина была в плохом исполнении, но главное – его новаторскую музыку не поняли. В газетах появились ругательные рецензии, критики его высмеивали. Неудача обернулась для композитора болезненной психиче-

ской травмой. Как он сам потом признался, он «был подобен человеку, которого хватил удар и у которого на долгое время отнялись руки и ноги». Три года он не мог ничего сочинять и вышел из кризиса только при помощи опытного психолога.

Эмиграция

Оправившись, Рахманинов снова стал сочинять, посетил Италию, Германию, Америку и Канаду, а вскоре принял приглашение стать дирижером в Большом театре. Революцию в России он не принял, и, воспользовавшись предложением выступить в Стокгольме, в 1918 году покинул родину. Как потом оказалось – навсегда.

Долго время он там снова ничего писать, творческий кризис продолжался. Однако надо было зарабатывать на жизнь, оплачивать долги, и Рахманинов стал выступать с концертами, а затем окончательно поселился с семьей в США. Вскоре он был признан одним из величайших пианистов эпохи и крупнейшим дирижером, создал свое величайшее произведение – Симфонические танцы. Американцы любили Рахманинова, боготворили его музыку. Но он держался скромно, не любил давать интервью, сторонился приемов. Но на улицах его узнавали даже носильщики, которые почтительно здоровались с ним за руку. Многие считали Рахманинова замкнутым, угрюмым и даже надменным человеком. После концертов он молча подписывал поклонникам программы. Но близкие и друзья знали, что у него была добрейшая душа, он любил посмеяться, имел тонкое чувство юмора. Играя перед гостями свои новые сочинения, Рахманинов лукаво заявлял: «А сейчас я сыграю вам последнее сочинение

Шопена!»

Федор Шаляпин, бывший близким другом композитора, в своих воспоминаниях писал, что «скромность была одной из самых выдающихся черт его натуры». После бури оваций, Рахманинов всегда старался уйти из зала незаметно, минуя толпы восторженных поклонников.

Россия и судьба

За границей великий композитор не переставал тосковать по родине. Собирал советские пластинки, любил слушать русские песни в исполнении Краснознаменного ансамбля песни и пляски. Когда Гитлер напал на СССР и некоторые эмигранты, надеялись на победу немцев, Рахманинов передавал большие суммы денег в фонд помощи Красной армии. На переводах писал: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу». На его деньги был построен для нужд армии боевой самолет. Многим соотечественникам он помогал и в 1920–1930 гг., отправляя им посылки с продуктами питания.

Рахманинова называют «самым русским композитором». Считают, что ему удалось сплавить тенденции разных школ в единый «русский стиль». В его творчестве сильны религиозные мотивы (Литургия св. Иоанна Златоуста, Всенощная), будучи глубоко верующим человеком, Рахманинов сделал выдающийся вклад в развитие русской духовной музыки. А тема «Россия и ее судьба» нашла в его произведениях самое законченное воплощение.

Многие годы, проведенные в США и оглушительный успех, которым он там пользовался, так и не сделали его американцем. Американское гражданство Рахманинов при-

нял только за два месяца до смерти, уже будучи неизлечимо больным. Но только для того, чтобы облегчить жизнь своей семье. По некоторым данным, незадолго до смерти он ходил в советское консульство, хотел успеть побывать в России.

Умер великий композитор и пианист в 1943 году в Беверли-Хилз, не дожив три дня до своего 70-летия. Он причастился и тихо скончался, окруженный семьей.

«Уходили мы из Крыма...»

115 лет со дня рождения замечательного русского поэта Николая Туроверова исполнилось недавно. Он воевал в Белой армии и умер в эмиграции, а потому его имя и творчество в нашей стране долго было неизвестно. После последних событий на Украине и в Крыму его патриотические стихи вдруг зазвучали с новой силой.

Николай Николаевич – донской казак, родился в станице Старочеркасской. Закончил реальное училище, а с началом войны в 1914 г. поступил добровольцем в Лейб-гвардии Атаманский полк, шефом которого был сам Николай II. Полк был расквартирован в Санкт-Петербурге. Потом отправился на войну. После Октября, когда его полк был расформирован большевиками, вернулся на Дон, и в отряде есаула Чернецова сражался с большевиками. Участвовал в драматическом Ледяном походе, был четырежды ранен. В ноябре 1919 г. стал начальником пулеметной команды Атаманского полка, музей которого потом вывез за границу. Покинул Крым вместе с Врангелем на одном из последних пароходов. Этому посвящено его замечательное стихотворение:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы, все время мимо,

В своего стрелял коня.
А он плыл изнемогая
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою...
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Стихи, посвященные коню, в СССР тайно переписывали, даже не зная имени автора. Нашел отражение этот эпизод и в кино. В финале советского фильма «Служили два товарища» белогвардеец в исполнении Высоцкого смотрит с борта эмигрантского корабля на своего белого Абрека, прыгнувшего в море с причала. Офицер достает револьвер и стреляет, но не в коня, а себе в висок. В реальности же кавалеристы, как и пишет Туроверов, действительно стреляли в лошадей – «чтоб не мучились».

Эмигрантское лихо

Затем вместе с другими казаками он оказался в Греции, в лагере на острове Лемнос, где была образована «Казачья станица». «Лемносское сиденье» было жестоким – «союзники» установили для русских строгий режим интернирования и обеспечили весьма скудное снабжение. Каждому казаку полагалось по пятьсот граммов хлеба, немного картошки и консервов. Жили в дырявых палатках, без кроватей, матрасов и одеял. Собирать бурьян для растопки печек не разрешалось: казакам запретили ходить по острову, за этим строго следила французская охрана, в основном состоявшая из сенегальцев и марокканцев.

Резкое похолодание усугубило ситуацию – спали, не раздеваясь, в лагере начали свирепствовать вши и чахотка. Но русские не сдавались. Одним из первых свидетельств несломленного духа стало строительство островной церкви – ее сколотили из ящичков и палаточной материи. Самодельный храм всегда был переполнен, а на службах пели казацкие хоры, тоскуя по далекой родине. А Туроверов писал:

Так кто же я? Счастливый странник,
Хранимый Господом певец
Иль чернью проклятый изгнанник,
Свой край покинувший беглец?
И почему мне нет иного

Пути средь множества путей,
И нет на свете лучше слова,
Чем имя Родины моей?
Так что же мне? Почет иль плаха,
И чей то запоздалый плач,
Когда в толпу швырнет сразмаха
Вот эту голову палач.
Ах, все равно! Над новой кровью
Кружиться станет воронье;
Но с прежней верой и любовью
Прийду я в царствие Твое.

После Лемноса Туроверов мыкался в Сербии, рубил лес и был мукомолом. Затем приехал во Францию. Разгружал вагоны, потом повезло – устроился шофером такси, но одновременно учился в Сорбонне. Во время Второй Мировой войны воевал с немцами в Африке в составе 1-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона, которому посвятил поэму «Легион».

Последние годы

Вернувшись в Париж, Туроверов много лет работал в банке и активно участвовал в жизни белоэмигрантов – казаков. Создал «Кружок казаков-литераторов», возглавлял Казачий Союз, издавал «Казачий альманах» и журнал «Родимый край», собирал русские военные реликвии, устраивал выставки на военно-исторические темы: «1812 год», «Казачьи», «Суворов», «Лермонтов». По просьбе французского исторического общества «Академия Наполеона» редактировал ежемесячный сборник, посвященный Наполеону и казакам, был главным хранителем уникальной библиотеки генерала Дмитрия Ознобишина. Умер поэт в 1972 г. и похоронен на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Незадолго до смерти он написал:

Жизнь прошла. И слава Богу!
Уходя теперь во тьму,
В одинокую дорогу
Ничего я не возьму.
Но, конечно, было б лучше,
Если б ты опять со мной
Оказалась бы попутчик
В новой жизни неземной...

Когда Туроверов писал свои пронзительные стихи о

том, как Белая армия покидала захваченный большевиками Крым, которые теперь часто цитируют, он, конечно, никак не мог предположить, что эта священная для русских земля будет потом отторгнута от России и окажется в составе другого государства. Не знал он, конечно, и о том, что, в конце концов, Крым вернется назад, домой, в Россию. Но поэт сам на родину так и не вернулся...

Русский гений в Нью-Джерси

В годы Второй мировой войны авиация союзников выиграла у гитлеровской Люфтваффе воздушную «битву за Англию» – американские и английские самолеты летали быстрее немецких. Секрет был прост – они заправлялись высокооктановым бензином, изобретенным в США русским эмигрантом Владимиром Ипатьевым, которого называли «величайшим химиком XX века». В СССР его имя было под запретом, вернуться на родину ему запрещали.

Родился Владимир Николаевич в состоятельной дворянской семье. Отец был архитектором, а мать по происхождению – гречанка. В гимназии он поначалу не отличался успехами в учебе, но в 6-м классе вдруг заинтересовался химией. Поступив потом в кадетский корпус, окончил его с отличием. Затем учился в Александровском военном училище и Михайловский артиллерийской академии в Петербурге, где преподавались химические дисциплины. Вскоре стал заведующим химической лабораторией, а потом профессором химии.

В годы Первой мировой войны, будучи, как военный, уже генерал-лейтенантом, возглавлял Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, который снабжал армию продуктами военной химии. Как сторонник монархии, Октябрьскую революцию не принял, но будучи горячим рус-

ским патриотом, встал на путь сотрудничества с советской властью. По-сути дела он стал организатором советской химической промышленности. Встречался с Лениным, который отзывался о нем с уважением. Вместе с тем парадокс жизни Ипатьева состоял в том, что химик с мировой славой, он не имел специального химического образования.

Имя Ипатьева уже было широко известно на Западе, но ученый решительно отклонял все предложения уехать. «Как патриот своей Родины должен оставаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все мои силы», – заявил он на одном обеде во время командировки в Германию. Альберт Эйнштейн, который тоже на нем присутствовал, одобритительно отозвался: «Так надо поступать!»

Однако судьба распорядилась иначе. В СССР все активнее раскручивался зловеший маховик репрессий и казней. Были арестованы многие друзья-ученые Ипатьева. Стали сгущаться тучи и над самим ученым, стало известно, что его арест неминуем. Тогда во время одной из командировок он принял решение остаться на Западе. В ответ, в СССР его лишили звания академика, а потом и советского гражданства, навсегда запретив возвращаться на Родину.

Мировая слава

В США Ипатьев стал состоятельным человеком. Преподавал в университетах (Нортуэстернский университет близ Чикаго до сих пор носит его имя), был консультантом нефтяных компаний. Но в свою лабораторию на работу он приглашал только русских или американцев, знающих русский язык.

Вклад Ипатьева в химическую науку огромен, но его можно охарактеризовать одной короткой фразой – каталитические реакции при высоких температурах и давлениях. Особенно ценными оказались его открытия для производства высокооктановых бензинов и авиационного топлива.

Слава ученого из России росла. В 1937 году он был назван в США «Человеком года», его избрали членом Национальной академии Соединенных Штатов, стал почетным членом многих европейских университетов, в Париже ему вручили высшую награду Французского химического общества – медаль им. А. Лавуазье. Когда отмечалось его 75-летие, лауреат Нобелевской премии Р. Вильштеттер заявил: «Никогда за всю историю химии в ней не появлялся более великий человек, чем Ипатьев».

Трагические потери

Однако в личной жизни ученый перенес немало трагедий – потерял трех своих сыновей. Один погиб еще в годы Первой мировой войны. Второй покинул Россию вместе с Белой армией, а потом умер в Африке при испытании созданного им средства против желтой лихорадки. А третий отрекся от отца, когда тот покинул СССР. Но это его не спасло, он был арестован и сгинул потом в сталинских лагерях.

Ипатьев тяжело переживал неудачи Красной армии, когда Гитлер напал на СССР, но был уверен, что русский народ выйдет победителем, несмотря на все лишения. Он так тосковал по Родине, что взял на воспитание двух русских девочек-сирот. Как и писатель Набоков, он чувствовал себя за границей чужим, не покупал своего дома, а до конца дней жил с женой в номере гостиницы.

С 1944 года Ипатьев не один раз пытался получить разрешение на возвращение в Россию. Однако бывший тогда послом в США А. Громыко каждый раз давал ему отказ. В своих воспоминаниях дипломат потом признался, что Ипатьев умолял его о возвращении на Родину «со слезами на глазах».

Умер великий русский химик, которому было суждено стать основателем нефтехимической промышленности США, вдали от России в 1952 году на 86-м году жизни и был похоронен на кладбище в Нью-Джерси. На его могиль-

ной плите по-английски выбиты слова: «Русский гений Владимир Николаевич Ипатьев. Изобретатель октанового бензина».

Американский профессор Г. Сайнс, сказал: «Вы, русские, не представляете себе, кого вы потеряли в лице Ипатьева, не понимаете даже, кем был этот человек. Каждый час своей жизни здесь, в США, всю свою научную деятельность он отдал России. Беспредельная любовь к родине, какой я никогда и ни у кого из эмигрантов не видел, была той почвой, на которой произрастали все выдающиеся результаты исследовательских трудов Ипатьева».

Голос из Аргентины

Свою знаменитую книгу «Россия в концлагере» Иван Солоневич, выпускник Петербургского университета, написал в 1935 году, задолго до того, как появились «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына и «Колымские рассказы» Варлама Шаламова. Однако, несмотря на то, что она ничем им не уступает, имела огромный успех на Западе и появилась значительно раньше, в России до сих пор ее мало кто читал.

А между тем это великая книга. Иван Солоневич был первым, кто показал, что на самом деле произошло в СССР, сказал о том, что Ленин и Сталин превратили огромную страну в страшный концлагерь, а всех ее жителей – в бесправных рабов. Она увлекательна и как драматическое литературное произведение. Но главное ее отличие от тоже великих книг Солженицына и Шаламова в том, что он писал, как говорил сам, не о концлагере, не о ГУЛАГе, а о «России в концлагере», о русских людях, которые вдруг оказались рабами. Иван Солоневич был, пожалуй, первым, кто понял и разоблачил сталинский «социализм», оказавшийся на деле варварской диктатурой средневекового рабства, террора и истребления миллионов. Понял и в деталях показал абсурд всей советской системы, бессмысленность «великих строек коммунизма», разорывших страну. «Скажите, а разве не глупо и разве правдоподобно, что сто шестьдесят миллионов людей, живу-

щих на земле хорошей и просторной, семнадцать лет подряд мрут с голоду?», – спрашивает Солоневич. И сам отвечает: «Все это вопиюще глупо. Но эта глупость вооружена до зубов. За ее спиной – пулеметы ГПУ».

Иллюзий не было

Иван Лукьянович Солоневич родился в Гродненской губернии в семье школьного учителя. Окончил (экстерном) гимназию в Вильно, а потом юридический факультет Петербургского университета. Жил в Петербурге на улице Жуковского, работал в газете «Новое время». По поводу революции у него сразу не было никаких иллюзий, он воевал в Белой армии и не сумел уйти с Врангелем только по той причине, что заболел тифом. А потому остался в России и 17 лет провел в положении раба советского режима. Из СССР он пытался бежать вместе с братом Борисом и сыном Юрой дважды: первый побег был неудачным – за это они и угодили в лагерь, – а второй, невероятный по своей дерзости и уникальный в своем роде, – удался. «Революция, – писал Солоневич, – не отняла у меня никаких капиталов – ни движимых, ни недвижимых – по той простой причине, что капиталов этих у меня просто не было. Я даже не могу питать никаких личных и специальных претензий к ГПУ: мы были посажены в концентрационный лагерь не за здорово живешь, как попадают, вероятно, процентов восемьдесят лагерников, а за весьма конкретное «преступление», преступление, с точки зрения советской власти, весьма предосудительное: попытку оставить социалистический рай... Диапазон моих переживаний в советской России определяется тем, что я прожил в

ней 17 лет и за все эти годы – с блокнотом и без блокнота, с фотоаппаратом и без фотоаппарата – исколесил ее всю. То, что я пережил в течение этих советских лет, определило для меня моральную невозможность оставаться в России».

Настоящий богатырь

В СССР Солоневич был человеком огромной физической силы, настоящим русским богатырем. Он профессионально занимался тяжелой атлетикой, борьбой и боксом. Сменил десятков профессий, работал журналистом, а перед арестом – инструктором по спорту и туризму в профсоюзах. Невероятными силачами были и его брат и сын. Именно по этой причине они смогли выжить в тюрьме, лагере, а потом бежать. Именно сила не раз спасала их в самых отчаянных ситуациях. «... Пахан продолжает ржать и тычет Борису в нос сложенные в традиционную эмблему три своих грязных посиневших пальца. Рука пахана сразу же попадает в Бобины тиски. Ржанье переходит в вой. Пахан пытается вырвать руку, но это дело совсем безнадежное. Кое-кто изурок срывается на помощь своему вождю, но Бобин тыл прикрываем мы с Юрой – и все остаются на своих местах. «Пусти», – тихо и сдающимся тоном говорит пахан. Борис выпускает его руку. Пахан корчится от боли, держится за руку и смотрит на Бориса глазами, преисполненными злобы, боли и... почтения».

Невероятный побег

Побег Солоневича из лагеря в Карелии вместе с братом и сыном – уникальный в своем роде. Несколько месяцев они готовились к нему, сумели достать карты, компас, тайно устроили в лесу склад продуктов. А потом, обманув охрану, 17 дней пробирались к финской границе. Через бурелом, многочисленные реки, болота и озера, невыносимо страдая от полчищ свирепых комаров. Не раз слышали злой лай собак, выстрелы, иногда погоня оказывалась совсем близко. Но тогда они бросались бежать. Бежали, как тренированные спортсмены, по многу часов подряд и, наконец, добрались до Финляндии. Финские пограничники встретили опухших и измученных беглецов сочувственно, накормили, уложили в чистые постели. «Однако комфорт не помогал. И вместо того ощущения, которое я ожидал, вместо ощущения достигнутой наконец цели, ощущения безопасности, свободы и прочего в мозгу кружились обрывки тяжелых мыслей о прошлом и будущем, на душе было отвратительно скверно... Чистота и уют этой маленькой семейной казармы, жалостливое гостеприимство жены начальника заставы, дружественное зубоскальство пограничников, покой, сытость, налаженность этой жизни воспринимались, как некое национальное оскорбление: почему же у нас так гнусно, так голодно, так жестоко?»

Книга грузчика в порту

Первые два года эмиграции Солоневич провел в Хельсинки, работая грузчиком в порту. Написанная в эти годы книга «Россия в концлагере» была издана более чем на десяти иностранных языках, вызвала сенсацию во всем мире и принесла автору материальное благополучие, что позволило ему впоследствии сосредоточиться на издательской и литературной деятельности. Затем он жил в Софии, в Берлине, издавал газеты «Голос России», «Наша жизнь», журнал «Родина», стал известным публицистом. Его основной целью была борьба с советской властью, разоблачение ужасов бесчеловечного режима террора. НКВД устроило за ним охоту, ему прислали бомбу под видом почтовой бандероли, в результате покушения погибла жена.

Как русский патриот, Солоневич болезненно переживал нападение нацистской Германии на его родину. Перед началом войны он написал Гитлеру меморандум, в котором предупреждал о губительности ведения войны против русского народа. За что и был отправлен немецкими властями в ссылку в Померанию, где и провел всю войну, после окончания которой перебрался в Аргентину. В Буэнос-Айресе он продолжил издавать газету «Наша страна», но после доносов российской эмиграции был выслан правительством Перона из страны и умер в Уругвае.

«Народная монархия»

Солоневич получил известность и как крупный мыслитель своей книгой «Народная монархия». Его идеи, так же как и Ильина, Бердяева и других русских философов и историков, стали известными в России только после краха СССР. Он считал, что монархия – единственно возможная для России форма государственного устройства. Причем не крепостническая монархия Петра I, создавшая привилегированную и космополитическую касту дворян-рабовладельцев, а та, которая сложилась в России до петровских реформ. «Русская история, – писал Солоневич, – является самой трагической историей мира, но она является и самой простой... Крепостной режим искалечил Россию».

Он вел по этим вопросам жестокую полемику с другими эмигрантами из России, попал в полосу отчуждения, перессорившись со всеми, даже с родным братом, с которым бежал из лагеря. В ответ эмигранты обвиняли его во всех грехах, в том числе и несуществующих, в частности, в сотрудничестве с советской разведкой. Писали на него доносы. Разумеется, сотрудничать с НКВД Солоневич никак не мог, он был русским патриотом и советскую власть ненавидел всеми фибрами души, считая ее виновной в беспрецедентной национальной катастрофе.

До последнего дня он верил в великое будущее Родины, в

ее освобождение от оков. На его простой могиле на английском кладбище в Монтевидео начертаны слова: «Идеологу народной монархии, будущей России и борцу против коммунизма».

«Легки оковы бытия...»

Георгия Иванова считали в Париже первым поэтом русской эмиграции. Петербург он обожал, но умер далеко от него в приюте для бедных. «Легки оковы бытия...», – писал поэт, но для беглеца из России они оказались непосильной ношей.

Родился Георгий Иванов в имении своих родителей Пуйки на территории нынешней Литвы. Маленького Юрочку все обожали, наряжали в бархатные камзолчики, из дворовых мальчишек создали потешные войска, подарили ему свой остров на пруду и спустили на воду большой игрушечный крейсер, которым он командовал. Однако эта идиллия закончилась, когда семья разорилась. Переехали в Петербург, где Иванова сразу отдали в кадетский корпус. Особыми успехами он там не отличался, часто болел. Но печататься начал очень рано. Первые стихи талантливого юноши были опубликованы в корпусных журналах «Кадет-михайловец» и «Ученик». Позднее он познакомился с Блоком, Гумилевым, Северянином и другими знаменитыми петербургскими поэтами и вскоре сам добился успеха и известности. Весной 1912 г. – Иванов принят в «Цех поэзии». Много печатался в газетах и журналах, стал вольнослушателем Петербургского университета. Петербург его очаровывает. С восторгом он писал:

Опять на площади Дворцовой
Блестит колонна серебром.
На гулкой мостовой торцовой
Морозный иней лег ковром.

Несутся сани за санями,
От лошадей клубится пар.
Под торопливыми шагами
Звенит намерзший тротуар.

Беспечный смех... Живые лица...
Костров веселые огни, —
Прекрасна Невская столица
В такие солнечные дни...

С 1914-го года Иванов постоянный сотрудник поэтического журнала «Аполлон». Он занимает в нем место Николая Гумилёва, ушедшего добровольцем на Первую мировую войну. Публикует в журнале свои стихи, обзорные статьи о военной поэзии. Его второй женой стала очаровательная поэтесса Ирина Одоевцева, которая прожила долгую жизнь, вернулась в СССР, написав воспоминания «На берегах Сены» и «На берегах Невы».

В эмиграции

Революцию Иванов не принял. В своих воспоминаниях он так потом описал это время, когда страшное стало обыденным: «Голода боялись, пока он не установился «всерьез и надолго». Тогда его перестали замечать. Перестали замечать и расстрелы.

– Ну, как вы дошли вчера, после балета?..

– Ничего, спасибо. Шубы не сняли. Пришлось, впрочем, померзнуть с полчаса на дворе. Был обыск в восьмом номере. Пока не кончили, – не пускали на лестницу.

– Взяли кого-нибудь?

– Молодого Перфильева и еще студента какого-то, у них ночевал.

– Расстреляют, должно быть?

– Должно быть...

– А Спесивцева была восхитительна.

– Да, но до Карсавиной ей далеко...

Вскоре Иванов оказался за границей. «Жоржик Иванов», петербургский сноб, острослов, губитель литературных репутаций, сочинитель декоративных стихов..., – в таком примерно статусе покидал Георгий Иванов Россию в 1922 году. Когда он уходил из жизни в 1958-м, русское зарубежье называло его своим первым поэтом», – писал он нем один из критиков. Его творческую биографию вообще считали зага-

дочной. Другие поэты, оказавшись в эмиграции, без почвы и своих поклонников, чахли, гибли, а он, наоборот, вырос в большого русского поэта. При этом лучшие свои стихи Георгий Иванов, хотя и писал во Франции, но писал для русских, которые остались в незнакомой ему уже стране под названием СССР:

Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю – там остался русский человек.
Русский он по сердцу, русский по уму,
Если я с ним встречу, я его пойму.
Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане и его страну.

Как зверь в берлоге

У Одоевцевой имелись за границей состоятельные родственники и поначалу они вместе с ней жили безбедно, другие эмигранты им завидовали. Когда грянула Вторая мировая война Иванов вместе с женой жил на вилле в Биаррице, который с лета 1940 г. был оккупирован немецкими войсками. В 1943 г. супруги лишились виллы, реквизированной немцами. Общественная позиция, взгляды на события Второй мировой войны, которых придерживался Иванов, вызвали обвинения в германофилии, коллаборационизме и привели к конфликтам с друзьями.

Впрочем, недоброжелателей, в том числе именитых, у Георгия Владимировича хватало всю жизнь. Еще в 1920-е годы кто-то пустил сплетню, будто Иванов вместе с друзьями Георгием Адамовичем и Николаем Оцупом оказались в Париже не просто так, а выполняя задание ЧК. Потом стали поговаривать, будто во время войны он принимал на своей вилле немецких генералов, чего на самом деле, конечно, не было.

После войны Иванов и Одоевцева жили в Париже, но уже испытывая отчаянную нужду.

...Вот вылезаю, как зверь, из берлоги я,
В холод Парижа, сутулый, больной...
«Бедные люди» – пример тавтологии,

Кем это сказано? Может быть, мной.

Нечто особенное

Потом жена его оставила, хотя продолжала ценить его как замечательного поэта. В своих воспоминаниях, написанных много позднее, Одоевцева писала: «Если бы меня спросили, кого из встреченных в моей жизни людей, я считаю самым замечательным, мне было бы трудно ответить – слишком их много было. Но я твёрдо знаю, что Георгий Иванов был одним из самых замечательных из них. В нём было что-то особенное, не поддающееся определению, почти таинственное, что-то, не нахожу другого определения от четвёртого измерения. Мне он часто казался не только странным, но даже загадочным, и я, несмотря на нашу душевную и умственную близость, становилась в тупик, не в состоянии понять его, до того он был сложен и многогранен... Гумилёв советовал мне, когда я ещё только мечтала о поэтической карьере: «Постарайтесь понравиться Георгию Иванову. Он губит репутацию одним своим метким замечанием, пристающим раз и навсегда, как ярлык».

В юности восторженный петербургский поэт-эстет Георгий Иванов писал:

Легки оковы бытия...

Так, не томясь и не скучая,

Всю жизнь свою провел бы я

За Пушкиным и чашкой чая.

Однако выпала ему, увы, совсем другая судьба. Остаток жизни поэта был драматичным. Иванов умер в приюте для престарелых в Йере (Йерле-Пальмье, в департаменте Вар, недалеко от Тулона). Последние его стихи пронизаны чувствами отчаяния и бессмысленности жизни:

В светлом небе пусто, пусто.
Как ядреная капуста, Катится Луна.
И бессмыслица искусства
Вся, насквозь, видна...

Умер поэт в 1958 году и был похоронен в Йере на местном кладбище. Только через пять лет удалось собрать деньги на его перезахоронение под Парижем, на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, там, где покоится цвет русской эмиграции. На могиле поставлен крест из тёмно-серого гранита.

Учитель президента США

В списке предназначенных к высылке из СССР на «Философском пароходе» был и великий русский ученый Питирим Сорокин, умерший в США. Первая часть его жизни полна драм и авантур, достойных самого крутого приключенческого романа.

Он родился в глухой деревне Турья Вологодской губернии. Его отцом был ремесленник, а мать – простая крестьянка. Она умерла, когда сыну было всего четыре года. Отец начал сильно пить, и в 11 лет Питирим вместе с братом ушли из дома. Они бродили по деревням, выполняя «малярные и декоративные работы в церквах». Однако потом Сорокин с благодарностью вспоминал об этих трудных «университетах жизни», позволивших ему узнать, как живет и, о чем думает русский народ. Несмотря на бродяжничество и тяжелый труд, мальчик запоем читал, сам поступил в школу. Однако из семинарии его потом исключили. Он был арестован за «революционную пропаганду», юноша увлекся романтическими идеями социалистов. «Мы были апостолами, не брали с собой ничего, кроме револьвера и патронов», – вспоминал он потом.

«Зайцем» в Петербург

После освобождения Сорокин отправился в Петербург. В кармане было хоть шаром покати, юный Питириим ехал в поезде «зайцем», а потом договорился с проводником, стал убирать туалеты. В столице у Сорокина не было ни родных, ни знакомых. Он устроился репетитором «за угол и еду». Учился на курсах, на которые ему приходилось ходить пешком, проделывая ежедневно по 15 верст. Тем не менее юноша был бодр и полон оптимизма. «Несмотря на материальные трудности, печали и испытания духа, присущие каждой человеческой жизни, мир казался мне прекрасным для жизни и борьбы за утверждение великих жизненных ценностей... Я, как губка, жадно впитывал достижения человеческого гения», – писал он, вспоминая те годы. Вскоре Сорокин стал студентом. Поступил сначала в Психоневрологический институт, а затем на юридический факультет Университета. Тогда это был рассадник революционных идей. Он увлеченно овладевал знаниями и с головой бросился в бурный омут политической жизни, вступил в партию эсеров, редактировал газету. Его первый научный труд назывался «Преступление и кара, подвиг и награда». Его талант заметили, оставили на кафедре, и скоро он стал магистром права.

Крутой поворот

Но тут грянула революция. Сорокин стал депутатом Учредительного собрания, а потом Керенский предложил ему место своего секретаря. После октябрьского переворота ученый-политик оказался в Петропавловской крепости, но через два месяца его отпустили. Большевиков он не принял, яростно выступал против сепаратного мира с немцами, потом поехал на север России для подготовки вооруженного антибольшевистского восстания. В Великом Устюге попал в руки ЧК и его приговорили к расстрелу. Так мир мог бы потерять великого ученого. Но в этот момент в мировоззрении Сорокина произошел крутой поворот. Он разочаровывался в политической борьбе, полагая, что его дело – наука, просвещение народа, и опубликовал письмо под названием «Отречение Питирима Сорокина». Оно попало на глаза Ленину, который назвал его «признаком поворота» к большевикам целого класса.

Опасное пенсне

Это спасло ученого от гибели в подвалах ЧК, он вернулся в Петроград и снова занялся наукой. Поселился в доме на Васильевском острове (8-я линия, дом № 31), том самом, где потом одно время жил поэт Мандельштам, написавший там знаменитые строки «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...». Однако с большевиками Сорокину было решительно не по пути. Он пришел к выводу, что важнейшим следствием революции стала «деградация населения России». Открыто об этом говорил и писал. «Народы найдут в себе силы освободиться от ига большевизма», – заявлял он. Мало того, Сорокин продолжал повсюду носить пенсне, что по тем временам было не просто опасно, но являлось открытым «вызовом пролетариату». На улице тогда могли убить уже за одно приличное «буржуйское» пальто, а уж тем, кто носил пенсне, была только одна дорога – прямо в подвалы ЧК. Набор его книги «Голод как фактор» был уничтожен, и Сорокина включили в список большой группы опасных для большевиков ученых и деятелей культуры, которых выслали из Петрограда на знаменитом «философском пароходе».

Однако сам Сорокин уехал 23 сентября 1922 года все-таки на поезде. Вскоре он очутился в Праге, куда пригласил его друг тогдашний президент Чехословакии Массарик. Он стал читать лекции, издавать книги. Но русская эмиграция в Ев-

ропе относилась к ученому враждебно, не в силах простить отречения от политики. Но Сорокин не обращал на это внимания. Он всегда шел своим, особым путем, называя себя «одиноким волком». Вскоре ему предложили читать лекции в США, где он и остался. Изучил английский и стал преподавать.

За океаном Сорокина пригласили в престижнейший Гарвард, где он возглавил кафедру социологии. Один за другим он пишет выдающиеся труды, получает известность и вскоре становится председателем Социологического общества США. Среди его почтительных учеников, слушавших знаменитого профессора из России, разинув рот, – дети президента США Рузвельта и будущий президент Джон Кеннеди.

Любовь порождает любовь

Если первая половина жизни Сорокина была полна опасных приключений, то вторую ее половину он провел в США уже за письменным столом. Он купил дом в Винчестере недалеко от Гарварда, где спокойно прожил отведенные ему Богом годы вместе с верной спутницей жизни Еленой Баратынской, родившей ему двух сыновей. На стенах висели виды Петербурга, на рояле стояли ноты с произведениями Чайковского, а на полках – русские книги. О далекой родине он не забывал ни на минуту. Во время войны стал председателем общества помощи воюющей России, убеждая американцев, что, помогая СССР, они приближают победу над Гитлером. Сорокин не принял «американского образа жизни», где боготворили сильных, царили культ денег и стремление к наживе любой ценой. Не случайно именно тогда он создал исследовательский центр созидательного альтруизма, проповедуя бескорыстное отношение к жизни. «Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет ни изменение общественного строя, ни изменение законов и учреждений», – считал Сорокин. «Любовь порождает любовь», – таков был девиз жизни этого замечательного русского ученого

«Северский Эйркрафт корпорейшн»

Александр Прокофьев-Северский был родом из семьи дворян Санкт-Петербургской губернии. Его предки – военные, лишь отец отличился на другом поприще, стал известным в Санкт-Петербурге певцом, режиссером и владельцем театра. «Северский» был его сценический псевдоним, который он присоединил к фамилии Прокофьев. Оказавшись потом в США, его сын Александр отбросил первую часть трудной для американцев фамилии.

В 1914 году Александр окончил в Санкт-Петербурге Морской кадетский корпус, получив чин мичмана. Но в то время в воздух поднялись первые аэропланы, и юный моряк стал мечтать не о море, а о небе. Ему повезло: на флоте стали создавать авиагруппы для разведки над морем, и Прокофьева-Северского отправили в школу летчиков морской авиации. Окончив ее, он начал летать, но тут произошло несчастье. На борту его самолета случайно взорвалась бомба. Александр оказался в госпитале, где врачи ампутировали ему ногу, опасаясь гангрены. Казалось, на карьере военного летчика можно было ставить крест, но Прокофьев-Северский решил не сдаваться. Поставив протез, он стал упорно тренироваться, и уже скоро мог кататься на коньках. Но ни-

кто не верил, что пилот без ноги может летать. Чтобы доказать обратное, молодой летчик на летающей лодке М-9 пролетел под Николаевским мостом в Петрограде. Кстати, этот эпизод был повторен в советском фильме «Валерий Чкалов», где под мостом в Ленинграде пролетел советский летчик, хотя, вопреки легенде, Валерий Павлович никогда этого не делал. А вот полет Прокофьева-Северского вызвал сенсацию. Начальник воздушных сил Балтфлота, контр-адмирал Адриан Непенин, решив не наказывать удальца за проступок, отправил доклад Николаю II, в котором просил «высочайшего разрешения» для мичмана на боевые полеты.

«Пусть летает. Николай»

Резолюция царя была короткой: «Читал. Восхищен. Пусть летает. Николай».

Оказавшись на фронте, Александр в возрасте всего 23-х лет стал одним из самых известных асов русской авиации. Он был произведен в лейтенанты и получил золотой кортик с надписью «За храбрость», а потом орден Святого Георгия. Известность он получил еще и благодаря ценным изобретениям в морской авиации. Он, в частности, создал лыжные шасси для «летающих лодок», чтобы зимой самолеты могли садиться на льду Балтики. Предлагал подвижную установку пулеметов, бронеплиты для защиты экипажа.

В сентябре 1917 года ему предложили место помощника военно-морского атташе в русском посольстве в США. Сначала он оказался, предпочитая остаться на фронте. Но власть захватили большевики, офицеров убивали, армия разваливалась. И тогда герой-летчик решил покинуть страну. В Сибири его поезд был остановлен красноармейцами, которые собрались его расстрелять. К счастью, Прокофьева-Северского по протезу узнал один из матросов, который отговорил «братишек» убивать героя войны. Протез при этом не только помог ему спасти жизнь, но оказался еще и тайником, в котором беглец вывез за границу царские ордена и деньги.

Изобретения в США

В США он поначалу устроился на работу в русское посольство. Однако после заключения Россией сепаратного мира с Германией дипломатическая миссия была закрыта. Подыскивая новую работу, Северский познакомился с генералом Митчеллом, известным в США авиатором. Митчеллу понравился молодой русский летчик, который забросал его интересными идеями по усовершенствованию самолетов, и он предложил ему место консультанта при военном департаменте в Вашингтоне.

Только вот предприимчивому Северскому не сиделось на месте. Вскоре он основал собственную фирму «Северский аэро корпорейшн». Там им был создан автоматический бомбардировочный прицел. Права на это изобретение у него купило правительство США за 50 тысяч долларов – большие по тем временам деньги. Затем он внедрил еще ряд изобретений. В результате получил американское гражданство и звание майора запаса ВВС США.

Экономическая депрессия больно ударила по американской промышленности, фирма Северского разорилась. Пришлось все начинать заново, и вскоре он создал самолетостроительную компанию «Северский эйркрафт корпорейшн». Главным ее продуктом стал разработанный им самолет-амфибия СЕВ-3, который показал отличные летные качества.

На этом самолете Северский установил мировой рекорд скорости для амфибий – 290 километров в час, многие годы это достижение никто не мог побить.

Когда ВВС объявили конкурс для замены истребителя Боинг-26, фирма Северского представила на него истребитель Р-35 и получила правительственный заказ на 77 самолетов, став одной из крупнейших самолетостроительных компаний в США. Потом он создал еще ряд успешных моделей самолетов, внедрил множество изобретений. Однако у русского эмигранта были влиятельные противники и конкуренты. В 1939 году совет директоров компании, недовольный его большими расходами на эксперименты, снял Северского с поста президента фирмы. Александр Николаевич был огорчен случившимся и решил отойти от конструкторской работы.

Медаль «За заслуги»

Однако с авиацией Северский не порывал, проявив себя великолепным аналитиком и военным стратегом. В 1939 году он предсказал, что Гитлер начнет в сентябре войну, опроверг мнение американских специалистов считавших, что Англия не сможет противостоять немцам в воздухе, а также предсказал провал фашистского блицкрига против СССР. Бестселлером в США стала его книга «Воздушная мощь – путь к победе». В ней он доказывал, что в современной войне победу можно одержать только путем завоевания господства в воздухе и разрушения промышленного потенциала противника при помощи массированных бомбардировок.

Вскоре Северского назначили консультантом по военным делам при правительстве США, а в 1946 году он получил медаль «За заслуги» – самую высокую награду в Америке для гражданских лиц. В письме от президента США Гарри Трумэна, которое прилагалось к медали, говорилось: «Авиационные знания мистера Северского, его целеустремленность и энергичная пропагандистская деятельность сыграли большую роль в успешном завершении войны». Умер выдающийся русский авиатор, которому не дали применить свой талант на родине, в 1974 году в Нью-Йорке. В России он больше так и не побывал...

«Все бы передал России...»

В советские времена лучшим подарком из-за границы считался видеомэгнитофон, «видак», как тогда говорили. Предприимчивые товарищи, «толкнув» его в комиссионном, могли свободно купить на это в СССР кооперативную квартиру. Однако мало кто и тогда и сегодня знал, что изобретателем этого удивительного аппарата был в США русский инженер-эмигрант Александр Понятов.

Родился Александр Матвеевич в селе Русская Айша Казанской губернии. В детстве проявив склонность к технике, поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Потом подал документы в Петербургский университет, но, в конце концов, увлекшись авиацией, учебу продолжил в Москве. Познакомился с «отцом русской авиации» Жуковским, который рекомендовал ему поехать на учебу в Германию. Оттуда Понятов вернулся только, когда началась война. Окончив школу летчиков, некоторое время служил в береговой артиллерии Балтийского флота, пилотом военного гидросамолета, но был ранен во время аварии. Революцию не принял и оказался в Белой армии. Вместе с белыми проделал легендарный «Ледяной поход», добираясь в 30-градусный мороз из Сибири в Манчжурию. Оказавшись потом в Китае, работал переводчиком, инженером-электриком в Харбине, дожидаясь визы в США.

Американский инженер

Америка была тогда на вершине бурного технического подъема, инженеры требовались повсюду. Но сначала русский эмигрант работал гражданским пилотом гидросамолетов, а в свободное время мастерил приборы в старом сарае. Вскоре он создал собственную фирму «Ампекс». Первые три буквы аббревиатуры расшифровывались просто: Александр Матвеевич Понятов. Аббревиатура «ЕКС» была производной от английского слова «Experimental» – экспериментальный.

В годы Второй мировой войны фирма по соглашению с военно-морским ведомством США поставляла на флот комплектующие для радарных установок. Вскоре в руки Понятова попал немецкий трофей – «регистратор звуков на магнитную ленту» – магнитофон, разработанной германской фирмой АЕГ. Талантливый изобретатель сразу задумался: а почему бы не создать аппарат, который бы записывал на пленку изображение?

Дело оказалось очень непростым. Даже работавший в США другой великий русский инженер, изобретатель телевидения Владимир Зворыкин заявил: «Это невозможно сделать!» А сам Понятов признавался: «В течение семи лет впереди нас был только Бог!» Однако после нескольких лет экспериментов и упорного труда его фирма представила в ап-

реле 1956 года в Чикаго первый коммерческий видеомагнитофон. Продвинуть изобретение помог знаменитый эстрадный певец Бинг Кросби, который патологически боялся микрофонов при прямых трансляциях концертов. Он вложил в фирму 50 тысяч долларов – большие по тем временам деньги.

Бешеный успех

Видаки сразу же стали пользоваться бешеным успехом. Фирма Понятова быстро росла, и вскоре на ней работало уже около 12 тысяч человек. На русского изобретателя обрушилась слава и множество наград. После его смерти американское общество инженеров даже учредило «Золотую медаль им. Понятова». А в Стенфордском университете открылся посвященный ему музей. Но даже на вершине славы Александр Матвеевич никогда не забывал о далекой родине, которую ему уже не суждено было увидеть. На работу он старался принимать как можно больше русских, поддерживал русский женский монастырь, основал дом Св. Владимира в Сан-Франциско для престарелых эмигрантов из России, а у дверей своих офисов непременно высаживал русские березки.

В конце жизни великий изобретатель признался: «Я всего достиг, у меня замечательная фирма. Но у меня нет детей и продолжить мое дело некому... Все бы передал своей стране, весь свой опыт! Но это невозможно. Даже филиал моей фирмы в России не разрешают создать...»

Гнев Хрущева

Осенью 1956 года Понятов встречался с Хрущевым во время визита советского руководителя в США. А на американской выставке в Сокольниках демонстрировался его видеомэгнофон VRX-1000, но никто, конечно, не знал, что он сделан русским эмигрантом. Встречу Хрущева с президентом США Никсоном записали на пленку и потом прислали Никите Сергеевичу видеоленту в подарок. Однако оказалось, что в СССР ее посмотреть не на чем. Хрущев пришел в ярость и топал ногами, приказав советским ученым тут же создать собственный видеомэгнофон. Но сделать это оказалось очень не просто, даже имея американский образец. А от предложений соотечественника организовать их производство в СССР с его помощью, советские власти отказались...

Великий изобретатель умер в 1980 году, так и не признанный при жизни на родине. Правилом его жизни были слова: «Ничего не считать догмой».

Великий корабел... Франции

29 октября 1932 года Франция ликовала. Со стапелей судовой верфи «Пеноё» в Сен-Назере под восторженные крики 200-тысячной толпы на воду был спущен самый большой в мире пассажирский лайнер «Нормандия». На церемонии присутствовал сам президент республики, оркестр играл «Марсельезу», хлопали бутылки от шампанского. Высокие государственные награды получило руководство компании, построившей судно. Никто не обращал внимания на скромного мужчину средних лет, притулившегося в стороне. А это был русский инженер-кораблестроитель Владимир Юркевич, автор смелого проекта небывалого судна...

Такого судна, как «Нормандия», и впрямь в мире еще не было. Вес корпуса превышал 27 тыс тонн, длина составляла 313 метров, ширина – 36, а скорость достигала 30 узлов – рекорд по тем временам. Всех поражала также небывалая роскошь лайнера, строительство которого обошлось французской казне в колоссальные деньги – 200 млн долларов. На «Нормандии» было 11 палуб, теннисные корты, сад с птицами, огромный бассейн, часовня, гараж на сто автомобилей и даже собачник, а обеденный салон был рассчитан на тысячу человек. При отделке кают не скупилась на мрамор, шелка, золото и серебро. Это был настоящий «плавающий супер-город» для богатых. Благодаря ему Франция превзошла

Англию, Германию и Италию, стала законодательницей морской моды и получила «Голубой бант Атлантики». Французские газеты писали об этом, захлебываясь от восторга. Но никто из них при этом не упоминал, что уникальный обтекаемый корпус лайнера, который позволил ему поставить рекорд скорости, был спроектирован русским Юркевичем, двигатели изготовлены по проекту другого инженера из России Арцеулова, а винты – инженером Харковичем. А что писать? Ведь все они были эмигрантами...

На берегах Невы

Владимир Юркевич родился в Москве в дворянской семье. Отец преподавал географию в престижной гимназии и был одним из основателей Российского географического общества. С детства юный Владимир грезил о море и кораблях, хорошо рисовал и увлекался математикой. Окончив гимназию с золотой медалью, он переехал на берега Невы – поступил на судостроительный факультет Петербургского политехнического института. А потом окончил еще последний курс Кронштадтского морского училища военного флота, стал поручиком и был готов проектировать корабли. «Нас учили на редкость хорошо!» – признавал он потом.

«Форма Юркевича»

Это было время, когда после поражения в войне с Японией 1905 года Россия разворачивала большую программу строительства мощных военных кораблей. Юркевич получил назначение на Балтийский судостроительный завод и принял участие в создании головного корабля первой серии российских линкоров-дредноутов – «Севастополь». Эти корабли по размерам, скорости и другим параметрам наголову опережали все иностранные проекты того времени. Вскоре Юркевич был назначен конструктором технического кораблестроительного бюро завода, где началась работа по созданию четырех громадных крейсеров серии «Измаил». Здесь он предложил революционное решение – новую, обтекаемую форму корпуса корабля. В таком виде он мог достигнуть скорости 28 узлов при меньшей мощности машин и меньшем потреблении топлива. Но это радикальное новшество использовано не было. Оно было запатентовано только в 1928 году в Германии и вошло в историю мирового судостроения как «форма Юркевича».

Крах надежд

Вскоре грянула война, а вслед за ней и революция. Начался полный развал стремительно развивавшейся до этого промышленности России. Заводы остановились, программа строительства крупных кораблей была отложена. В 1917 году корпус уникального крейсера «Измаил» разобрали, а в 1923 году правительство большевиков продало за копейки три других крейсера Германии. Юркевича отправили в Николаев, где в отделении Балтийского завода собирали подводные лодки. По дороге группа инженеров попала в руки банды анархистов и едва унесла ноги, а оказавшись в Николаеве, обнаружила, что он уже захвачен немцами. Гению русского судостроения не оставалось другого выбора, кроме эмиграции.

В Стамбуле, как и другим русским беженцам, Юркевичу пришлось хлебнуть лиха. Сначала дипломированный инженер работал грузчиком в порту, потом вместе с другими эмигрантами организовал автомастерскую для ремонта старых автомобилей. Через два года семья переехала во Францию. Юркевич блестяще знал французский язык, но там его диплом не признавали, и ему пришлось работать токарем на заводе «Рено». Так пришлось мыкаться почти шесть лет. В конце концов, его блестящие знания оценили и взяли консультантом в судостроительную компанию «Пеноё». Изголо-

давшийся по работе инженер начинает работать как одержимый, дни и ночи он проводит в конструкторском бюро. Там он вдруг с удивлением обнаружил, что в вопросах кораблестроения Россия до революции намного опережала Европу. «Европа еще не подошла к вопросам, которые наши учителя ставили нам в России», – записал Юркевич. Когда компания получила заказ на «Нормандию», Юркевич предложил свой революционный проект обтекаемого корпуса, уже испытанный в Петербурге на крейсерах. Два года ему понадобилось для того, чтобы убедить французов в его преимуществах. В конце концов, были построены модели 25 разных проектов, которые испытали в бассейне, и предложение Юркевича было признано лучшим!

За океаном

Слава гениального изобретателя росла, и его стали настойчиво приглашать за океан. На Европу надвигалась война, и Юркевич понимал, что в Америке с ее неограниченными возможностями он сможет реализовать свои проекты свободнее. Французы тоже засуетились и в 1937 году предложили ему гражданство, но он уже отправился за океан и открыл в Нью-Йорке техническую контору по судостроению. В 1939 году его семья окончательно перебралась в Соединенные Штаты. За годы работы в США Юркевич построил 42 судна. Он разработал уникальный проект «удешевленного» океанского лайнера на 8 тысяч пассажиров, который мог передвигаться с невероятной для тех времен скоростью 34 узла. Стоимость билета в нем составляла 50 долларов, что по тем временам могло составить конкуренцию авиаперевозкам. Однако осуществить этот новаторский замысел, увы, не удалось. Пришло время больших самолетов, и трансатлантические авиаперевозки стали более выгодными. Он работал консультантом Управления флотом США, и идеи русского кораблестроителя были заложены в проекты создания первых американских авианосцев.

«Рад, что я – русский!»

За океаном Юркевич ни на минуту не забывал о России. Когда Гитлер напал на СССР, он выступил в поддержку Красной армии, принимал активное участие в работе комитета по поддержке России, оказывал содействие советской закупочной комиссии в Вашингтоне. «Долг каждого русского помочь родине всем, чем можно, когда она подвергается смертельной опасности», – говорил он тогда. Был готов делать проекты кораблей для СССР, возглавлял объединение петербургских политехников в США. Заходя в советское посольство, Юркевич с гордостью заявлял: «Я рад, что я – русский!». Увы, на родине отношение к эмигранту было иным. На его имя в СССР было наложено табу. Упоминания о гениальном судостроителе не было в Большой советской энциклопедии, а газеты не писали о нем ни строчки до 1990-х гг. Юркевич умер 13 декабря 1964 года и был похоронен на кладбище русского монастыря в Ново-Дивееве в 40 км от Нью-Йорка. Весь его богатый архив в 1965 году вдова Ольга Всеволодовна передала, согласно завещанию мужа, в Москву.

Наша «Шанель № 5»

«Духи французские, “Шанель № 5”...» – говорит, приносившаяся, бравый милиционер в популярной кинокомедии Гайдая «Бриллиантовая рука». Так в СССР стал известен этот шедевр французской парфюмерии, которого тогда на наших прилавках, конечно, еще не было. И тем более никто, разумеется, не знал, что изобрел самые знаменитые духи мира русский эмигрант Константин Веригин, бывший до этого офицером лейб-гвардии конно-гренадерского полка и химиком по образованию.

Когда Мэрилин Монро спросили: «Что вы надеваете на ночь?», – она остроумно ответила: «Пару капель «Шанель № 5». Авторство этих самых знаменитых в мире духов обычно приписывают французам – парфюмеру Эрнест Бо и легендарной модельерше Коко Шанель, фамилия которой и закреплена в названии. Духи были выпущены в 1921 году и стали революционными. К традиционным и дорогим цветочным эссенциям была добавлена небывалая доза недавно открытых альдегидов, придававших им особую свежесть северных рек. Молодежь Парижа встретила их с восторгом, а вскоре они стали популярными во всем мире. Однако настоящий автор этих «революционных» духов долгое время оставался в тени. Им был русский эмигрант, бывший доброволец лейб-гвардии конно-гренадерского полка Константин Веригин».

гин, бежавший после революции за границу.

В эмиграции

Константин Михайлович Веригин родился в старинной дворянской семье. Его предки служили на флоте и в армии. А в XIX веке породнились с такими знаменитыми фамилиями, как Татищевы, Нарышкины, Огаревы. Судьбу Константина сломала революция. Он пошел добровольцем на фронт, но его военная карьера не сложилась, так как вскоре он оказался в эмиграции. Его семья покидала родину на пароходе «Крым» вместе с солдатами корпуса генерала Барбовича. В своих воспоминаниях «Благоухание» Веригин описал эти мгновения:

«Прощай, Россия, – тихо говорит какой-то невзрачный солдатик, и в тревожном молчании его слова служат сигналом: дружно сползают шапки с голов. По лицам катятся крупные слезы. Все сердца слились в одно, и с одной стороны парохода грустно раздаётся «Боже, царя храни...». Одна за другой поднимаются грубые и тонкие руки и творят крестное знамение...».

Глава ассоциации парфюмеров

В Лилле Веригин окончил химический факультет Католического университета и вскоре стал одной из виднейших фигур в парфюмерной промышленности Франции, заняв пост председателя Ассоциации французских парфюмеров.

Он долго жил в Ялте, а потому, как потом писали его биографы, ароматы тех мест – дыхание горных сосновых лесов, морской бриз, пряный аромат цветущих садов и парков, запах девичьих духов на гимназическом балу – навсегда вошли в его жизнь. Именно Веригин подсказал ту формулу, по которой были созданы знаменитые «Шанель № 5». В этом участвовал и знаменитый французский парфюмер Эрнест Бо, который, кстати, тоже родился в России, в Москве.

Поэт ароматов

Веригин был «поэтом ароматов», как его называли коллеги. «Действие аромата на человеческий организм, – писал он, – сложно и многообразно, но особенно способствует полету фантазии. Если же переживаемый момент сам по себе полон яркости, то обрамленный ароматом, он особенно сильно запечатлевается в памяти», – отмечал он в своей уже упомянутой книге. Но, конечно, духи под названием «Шанель» не появились бы без самой легендарной француженки Габриэль Шанель. Когда ей исполнилось 18 лет, она пела в кабаре маленького городка Мулен и была такой худенькой и костлявой, что ее прозвали Коко – цыпленок. Однако из этого уродливого цыпленка выросла потом королева французской моды. Она сама создала в Париже свое ателье, которое стало вскоре пользоваться бешеным успехом. Причем многое рождалось, казалось, из ничего. Когда она приехала в столицу, ей было не во что одеваться, и Коко носила одежду из гардероба своего мужа – брюки, галстуки, джемпера. И скоро все женщины мира надели брючные костюмы!

Очарована русскими

В 1917 году Шанель появилась на премьере в «Гранд-опера» с короткой стрижкой: газовая колонка взорвалась и спалила ей несколько прядей, пришлось обрезать оставшиеся волосы. Но эта прическа произвела фурор, и на следующий день многие модницы Парижа подстриглись так же коротко. Огромную роль в ее биографии и становлении как художника моды сыграли знакомства с русскими. После революции в Париж хлынул поток эмигрантов из России. Аристократы, художники, модельеры. Французские дома моды получили в свое распоряжение такие кадры, о которых не могли и мечтать: графини работали манекенщицами, княгини шли в белошвейки, а бывшие офицеры – в продавцы. Дочь художника Ге создавала для Коко эскизы платьев, а князь Кутузов был администратором Дома Шанель. Даже знаменитые платья-рубашки Шанель были созданы на основе русской крестьянской блузы. Коко была очарована русскими. «Все славыне изящны, воспитаны, естественны, и даже самые обездоленные из них незаурядны. Русские подобны природе, они никогда не бывают вульгарны», – говорила она. В юности Коко увидела «Русские сезоны» Дягилева, которые произвели на нее сильнейшее впечатление. Композитор Стравинский стал ее большим другом, а великий князь Дмитрий Романов, один из убийц Распутина, стал ее любовником. Еще в 1886

году художник Врубель нарисовал эскиз брошки – две сплетенные подковы. Это и стало позднее знаменитым логотипом фирмы Шанель уже в виде переплетенных букв С (Коко Chanel). Правда, в годы войны ее репутация была сильно подмочена связью с немцами – она жила в оккупированном Париже с полковником вермахта. После освобождения Коко выслали из Франции. Но на это она дала чисто французский ответ: «Женщина моего возраста (ей тогда было 56 лет), если ей повезло и она сумела найти любовника моложе, вряд ли станет заглядывать в его паспорт!».

Мир через обоняние

Говорят, что в эмиграции бывший доброволец лейб-гвардии Константин Веригин стал вегетарианцем. Он жил в мире запахов и пережитого в России, когда в Крыму хозяйничали красные, офицеров расстреливали прямо на улицах и повсюду валялись разлагавшиеся трупы, забыть никак не мог. В своей книге Веригин писал: «Еще раз считаю своим долгом напомнить, что вредные и дурные запахи, порождающие все развратное и злое, представляют реальную опасность». Другими словами, он постигал мир через обоняние. Может быть, именно по этой причине он и посвятил свою жизнь служению высоким ароматам парфюмерии? Он умер в 1982 году, увы, так и не посетив ни разу после бегства из Крыма Россию. Так и не вспомнив те ароматы, которыми так наслаждался в юности. Зато теперь весь мир упивается изысканным запахом созданным им духов «Шанель № 5»

Гордый адмирал

Адмирал русского флота, бывший морской министр России Иван Григорович умер во французском городе Ментона 3 марта 1930 года в полной нищете. Когда он там оказался, уехав из советской России, ему, как полному кавалеру орденов Почетного легиона, полагалась специальная пенсия от французского правительства. Но он от нее отказался «по принципиальным соображениям». Жил, продавая нарисованные им самим картины. Когда о бедственном положении Григоровича узнали англичане, то предложили свою пенсию «в вознаграждение заслуг Русского флота перед британским в эпоху Великой войны». Но он и от нее отказался. Гордый русский адмирал не мог согласиться жить на подачки от чужеземных правительств.

Иван Григорович родился в Петербурге в семье морского офицера из потомственных дворян. Детские годы провел в Ревеле, где учился – удивительное совпадение! – в одном классе с еще двумя будущими морскими знаменитостями: Владимиром Бэром, будущим командиром крейсера «Варяг», и Евгением Егорьевым, будущим командиром крейсера «Аврора». В 18 лет поступил в Морской кадетский корпус в Петербурге, тот самый, на котором теперь установлены мемориальные доски с перечислением имен будущих героев российского и советского флотов. Потом долго пла-

вал на разных кораблях, участвовал во многих кампаниях, неоднократно был награжден.

Герой 1905 года

В 1896 году Григоровича отправили военно-морским аташе в Лондон, где ему пришлось также надзирать за строительством заказанных Россией броненосца «Цесаревич» и крейсера «Баян». Во главе этого «Цесаревича» он и отправился потом на войну с Японией. Она закончилась бесславно для России, однако сам Григорович и его корабль сражались героически. Во время внезапного нападения японцев на Порт-Артур «Цесаревич» был подорван на рейде, но остался на плаву и всю ночь стойко отражал атаки неприятеля, а его капитан был контужен. Затем «Цесаревичу» удалось прорваться в Циндао, а позднее этот корабль участвовал в оказании помощи населению разрушенного страшным землетрясением итальянского города Мессина. Многие историки того времени считали, что, несмотря на неудачу России в войне с Японией, сам Григорович был достоин наивысших похвал. Один из его современников писал: «Энергия и распорядительность Ивана Константиновича творят чудеса... Флот существует, и заслуга в том Григоровича бесспорна».

Клетки с белыми мышами

После войны с Японией Григоровича, уже ставшего адмиралом, назначил начальником штаба Черноморского флота и портов Черного моря. 14 мая 1906 года он был чуть не убит террористами. На параде в Севастополе они бросили в него бомбу, Григорович был контужен в голову. Затем его перевели на Балтику, в порт Либаву. Тогда там вдруг появились странные матросы, которые выходили из казармы и шли на службу с клетками с белыми мышами. Местные жители с недоумением качали головами. Но то были члены созданного Григоровичем первого в России учебного отряда подводного плавания. Мыши подводникам были нужны, чтобы определять под водой пригодность воздуха для дыхания, поскольку специальных приборов тогда еще не было. Григорович одним из первых понял важнейшую роль будущей подводной войны и развернул потом в России строительство подводных лодок.

Морской министр

Организаторские таланты и невероятная трудоспособность Григоровича были замечены наверху, он был назначен сначала заместителем морского министра, а потом и министром. Это была невероятно тяжелая и сложная в те времена должность – после войны с Японией престиж флота упал, его материальная часть оказалась в жалком состоянии и разорена, офицеры деморализованы, а матросы уже заражены революционной пропагандой. Потребовались титанические усилия, чтобы навести порядок, реорганизовать флот, приступить к строительству новых боевых кораблей, избавить министерство и штабы от бездельников и интриганов. Благодаря усилиям нового министра накануне Первой мировой войны русский флот имел уже 9 линкоров, 14 крейсеров, 71 эсминец, 23 подлодки, а в годы войны пополнился еще 9 линкорами, 29 эсминцами и 35 подлодками. Были созданы лучшие в мире эсминцы типа «Новик» и линкоры типа «Севастополь», первые в мире тральщики. В результате и через 30 лет в начале Второй мировой войны, основу советского флота составляли корабли, построенные еще Григоровичем. Гордый адмирал создал поистине непобедимый флот, и если бы не катастрофа 1917 года, то военно-морские силы России не имели бы равных в мире.

Пришлось пилить дрова

Как только к власти пришло Временное правительство, оно уволило доблестного адмирала и министра в отставку. Григорович мог сразу покинуть Россию, но, даже оскорбленный, не захотел этого сделать. Большевики потом не нашли ничего лучшего, как дать адмиралу унижительную работу в Морской исторической комиссии со скудным продовольственным пайком. Суровой зимой 1920 года опытнейшему флотоводцу, бывшему министру флота приходилось подрабатывать на жизнь в Петрограде пилкой и колкой дров. Помогали верные матросы, которые таскали своему прежнему голодающему командиру картошку и сухари, что по тем временам было вовсе не безопасно.

Григорович тяжело заболел, ему требовалась сложная операция, и в 1924 году советское правительство милостиво разрешило ему выехать за границу для лечения. Он уехал во Францию и домой уже не вернулся. Перед смертью Григорович завещал, чтобы, когда времена изменятся, его погребли в Петербурге, в семейном склепе, рядом с могилой горячо любимой жены.

Возвращение домой

Только через много лет после его смерти Россия выполнила долг перед своим верным сыном. В 2005 году российские власти приняли решение о перенесении праха адмирала Ивана Григоровича в Россию и перезахоронении его в Петербурге. Ему были отданы высшие воинские почести. Прах выдающегося деятеля в Новороссийске встречал командующий Черноморским флотом, гремели артиллерийские залпы; гроб адмирала, когда его перевозили по городу, был установлен на пушечном лафете. Прах покойного, по традиции, переносили шесть капитанов, но без фуражек. Было признано недопустимым, чтобы царского адмирала и министра, ненавидевшего большевиков, несли люди с красными звездами на фуражках. В Петербурге траурный кортеж прошел 26 июля 2006 года перед зданием Адмиралтейства, где работал Григорович. На Никольском кладбище чудом сохранился его семейный склеп, где, согласно завещанию, и перезахоронили гордого адмирала. На могильной плите была выбита надпись: «Всегда любимая, всегда дорогая, о Россия, иногда вспоминай о нем, кто так много думал о тебе...».

Окаянные дни

Великий русский писатель Иван Бунин умер в изгнании во Франции. Когда ему вручили Нобелевскую премию по литературе, и он стал знаменитым во всем мире, из СССР к нему стали подсылать гонцов, уговаривая вернуться в СССР, он отказался.

Иван Алексеевич Бунин родился 22 октября 1870 года в старинной дворянской семье. Его отец в молодости был офицером, участвовал в обороне Севастополя. Учился и воспитывался Бунин дома, в гимназии провел всего несколько лет. В 17-летнем возрасте начинает писать стихи, а в 1887 году дебютировал в печати. Жил в Орле, в Москве, но Петербург занимает в его жизни и творчестве особое место. Здесь он бывал более 40 раз. Именно в городе на Неве Бунин в возрасте 17 лет опубликовал свои первые стихотворения и рассказы, начал сотрудничать с петербургскими газетами и журналами, вошел в литературную среду Петербурга, посещал театры.

Петербургский дебют

Впервые Иван Алексеевич приехал в столицу Российской империи в 1895 году и жил попеременно то в Москве, то в Петербурге, успев познакомиться с Чеховым, Брюсовым, Бальмонтом и другими видными фигурами творческой элиты. Остановливался Бунин и в знаменитой среди русских литераторов гостинице «Пале-Рояль», что располагалась на углу Кузнечного переулка и Пушкинской улицы. В Петербурге были напечатаны бунинские поэма «Листопад» и рассказ «Антоновские яблоки», положившие начало его классической прозе. Здесь же вышло его полное собрание сочинений. Именно в Петербурге Бунин получил всероссийское литературное признание, был отмечен двумя Пушкинскими премиями. В 1909 году Императорская Академия наук избрала Бунина почетным академиком по разряду словесности. Петербургу посвящено его стихотворение «На Невском»:

Колеса мелкий снег взрывали и скрипели,
Два вороных надменно пролетели,
Каретный кузов быстро промелькнул,
Блеснувши глянцем стекол мерзлых,
Слуга, сидевший с кучером на козлах,
От вихрей голову нагнул,
Поджал губу, синевшую щетиной,
И ветер веял красной пелериной

В орлах на позументе золотом:
Все пронеслось и скрылось за мостом,
В темнеющем буране: Зажигали
Огни в несметных окнах вокруг меня,
Чернели грубо баржи на канале,
И на мосту с дыбящего коня
И с бронзового юноши нагого,
Повисшего у диких конских ног,
Дымились клочья праха снегового...

Ужас и отвращение

Побывав в 1917 году в Петрограде, Бунин встретил русскую революцию, а потом и захват власти большевиками с ужасом и отвращением. В посвященных этим событиям дневниковых очерках «Окаянные дни» он описал увиденное. В СССР они были запрещены, а современников поразили яростной ненавистью к большевикам. В них Бунин писал: «Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы... Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству, равенству, высоко сидел на шее русского «дикаря» и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие... Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?»

Остаток жизни Бунин прожил в эмиграции во Франции, не переставая тосковать по России. Там он написал многие замечательные произведения: автобиографический роман «Жизнь Арсеньева», который считают вершиной русской прозы, повесть «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», «Солнечный удар», сборник рассказов «Темные аллеи» и многое другое. По словам К. Паустовского, «Жизнь Арсеньева» – это не только вершинное произведение русской литературы, но и «одно из замечательнейших явлений мировой литературы». В 1933 году ему первому из русских писателей была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Уговорить не удалось

Вторую мировую войну Бунин провёл на съёмной вилле «Жаннет» в Грасе, где по-прежнему занимался литературной деятельностью, став одной из главных фигур русского Зарубежья. Громкая международная слава Бунина заставила советские власти предпринять попытку уговорить писателя вернуться на родину, что ранее уже удалось проделать с Горьким и Куприным. В 1946 году к нему в Грасе нагрянула советская делегация – писатель Константин Симонов с женой, очаровательной актрисой Валентиной Серовой. Они долго уговаривали его вернуться, но Иван Алексеевич ответил категорическим отказом. Согласно одной версии, именно Серова успела шепнуть на ухо Бунину тайком от мужа, чтобы тот не ехал в СССР «себе на погибель». Другие источники утверждают, что это Симонов повел себя настолько грубо и нетактично, что Бунин будто бы в сердцах разорвал в клочки уже готовый советский паспорт.

Умер великий писатель во сне в два часа ночи с 7 на 8 ноября 1953 года в Париже. По словам очевидцев, на его постели лежал том романа Толстого «Воскресение». Похоронен Бунин на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже. С 1929 года вплоть до смерти Сталина произведения Бунина в СССР не издавались.

Русский флаг на Рейне

В 1918 году, когда уже по всей России развевались красные флаги большевиков, на Рейне в германский город Вормс вошли воинские части с трехцветным русским флагом и с удалой песней «Соловей, соловей, пташечка...». Немцы с удивлением узнали, что это были воины Русского экспедиционного корпуса, которые после 1917 года остались воевать во Франции. Во главе части шел боевой генерал Николай Лохвицкий.

Николай Александрович Лохвицкий родился в 1867 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Его отец был известным в то время адвокатом, а сестра стала знаменитой писательницей, писавшей под псевдонимом Тэффи. Николай Лохвицкий окончил Константиновское военное училище в Петербурге, а затем – курс в Николаевской военной академии Генерального штаба. Военную службу будущий генерал начинал в 105-м пехотном Оренбургском полку, затем служил в Павловском военном училище принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В августе-сентябре 1914 г. 95-й пехотный Красноярский полк под командованием Лохвицкого в составе 2-й армии генерала Самсонова принял участие в Восточно-Прусской операции. Во время Лодзинской операции Лохвицкий был тяжело ранен и награждён Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия Победоносца

4-й степени, был произведён в генерал-майоры.

Русских встретили с восторгом

21 января 1916 г. генерал Лохвицкий был назначен командиром 1-й Особой пехотной бригады, направленной во Францию. К формированию бригады русское командование подошло тщательно: первый полк должен был состоять из сероглазых шатенов, второй – из голубоглазых блондинов (как в императорской гвардии), военнослужащие обязательно должны были быть грамотными, православными и высокообразованными как физически, так и морально. Из роты претендентов только 10 человек допускались до медосмотра и лишь одного зачисляли в штат. Обмундирование на каждого солдата специально подгоняли в ателье, Николай II обеспечил бригаду великолепным духовым оркестром, а один популярный художник передал ей в дар походный иконостас.

В апреле 1916 г. бригада прибыла в порт Марселя. По воспоминаниям графа Алексея Игнатьева, в то время бывшего военным агентом во Франции, Лохвицкий первым сошёл на берег: «Довольно высокий блондин, элегантно одетый в походную форму, при боевых орденах, он держится с той развязной, почти небрежной манерой, которой многие гвардейские офицеры, даже по выходе из полка, стремились как будто показать своё превосходство над запуганными армейцами».

Русские были встречены французами с восторгом. Балко-

ны и дома были украшены коврами и гирляндами из русских и французских флажков. Дамы встречали воинов из России цветами, угощали вином. Когда солдат размещали по казармам, и у ворот появлялись обычные дневальные, к стенам казарм приставлялись лестницы, и угощение перебрасывалось в корзинах и пакетах через заборы. Изъявлению внимания не было конца и в пути, во время следования по железным дорогам. На каждой станции появлялось для солдат угощение, а офицерские отделения в вагонах забрасывались цветами. Для сокращения случаев чрезмерного употребления вина, пришлось даже прекратить продажу спиртных напитков по пути следования наших солдат.

Русский паек и Мишка

Большое впечатление на французов произвели выправка и внешний вид русских солдат. В Особые бригады отбирали рослых, крепких, красивых, грамотных бойцов православного вероисповедания, а многие русские офицеры говорили по-французски. Сам Лохвицкий владел французским языком в совершенстве.

Русские войска прибыли во Францию в отличном обмундировании, цвета „хаки“, в снаряжении и в прочных кожаных сапогах. Французское интендантство специально изготовило для русских бригад металлические каски, выкрашенные в защитный цвет и снабженные гербом с русским двойным орлом. Что касается продовольствия, то в основу солдатского пайка для русских был положен нормальный паек французского солдата, но со стремлением приспособить его ко вкусу русского простолюдина. Обычный французский кофе заменили чаем; установили дополнительный отпуск для каши крупы и был предусмотрен даже квас.

Во Франции русские солдаты вели себя, как в России: пели русские песни, молились перед боем, а в одной из рот жил ручной медведь по имени Мишка, который произвел фурор среди французов. Он был приобретен офицерами полка в Екатеринбурге за 8 рублей. Вместе с полком медведь проделал всю кампанию на французском фронте и до революции

был любимцем и баловнем всего полка. Однако Мишка дружелюбно откосился только к людям, одетым в «хаки» (русские солдаты). Цвет одежды французских солдат вызывал в нем чувство некоторого недоверия. В одном из боев Мишка был отравлен немецкими газами, но быстро поправился. В награду он был зачислен на особый паек. Однако со своим любимцем полку пришлось все же расстаться. Медведь был отдан в парижский зоопарк в Булонском лесу.

Легион Чести

В ночь на 17 июня 1915 года соединение заняло место на передовой, в окопах, неподалеку от города Реймса. Характер войны поначалу был позиционный и разительно отличался от боевых действий на восточном фронте. Наши солдаты дивились французским порядкам: офицерским блиндажам с биллиардными столами, обеду по расписанию, разнообразному меню, возможности кратковременного увольнения в тыл. Боевое крещение 1-я Особая бригада получила вскоре по прибытии на фронт – 27 июня 1917 года. Французы отдали должное храбрости русских воинов и полководческому таланту генерала Лохвицкого. В своих донесениях об операции французские военачальники называли русскую атаку «блестящей». Русские полки были награждены французскими Военными крестами с пальмовой ветвью. В июле началась крупная операция на реке Сомма, длившаяся до самой осени. Бригада зарекомендовала себя блестяще. Русские особо отличились в штыковых боях, разведывательных акциях, захвате языков. Везде, где требовались выносливость, терпение и смекалка, русским солдатам равных не было.

Но в России произошла революция, начался хаос. Вскоре революционный резонанс докатился и до особых русских бригад во Франции. Пришла всеобщая растерянность, которой быстро воспользовались многочисленные пропаганди-

сты, развернувшие антивоенную агитацию в своих листовках. В немалой степени этому способствовали русские эмигранты, сотнями слонявшиеся по тыловой Европе и поступавшие на службу в особые бригады. В результате солдаты отказывались выполнять приказы командиров и стали требовать вернуть их на Родину.

В ноябре 1917 г. премьер-министр Франции Жорж Клемансо предложил русским три варианта решения сложившейся проблемы: добровольцы остаются в действующей армии; другие уходят в состав рабочих батальонов, третьи будут депортированы в Северную Африку. Из тех, кто согласился воевать, генерал Лохвицкий и полковник Готуа сформировали Русский Легион, в котором желание служить изъявили все офицеры Экспедиционного корпуса. Подразделение русских волонтеров вошло в Марокканскую дивизию Иностранного легиона французской армии.

Русских отправили в самое пекло боев. Историк пишет: «Русский Легион бросается вперед, с офицерами впереди. Даже доктора, охваченные пылом энтузиазма этой славной фалангой, забыли их прямую миссию милосердия и вместе с бойцами врываются в ряды противника...». Русский Легион потерял 85 % своего состава и почти всех офицеров. За этот подвиг французская пресса назвала его «Русский Легион Чести», а на знамя части был водружен почетный Военный крест. С этим знаменем русский генерал и его боевые соратники прошли в первых рядах союзных войск на параде

Победы в Первой мировой войне в Париже.

Осталось пятьсот человек...

После перемирия Русский Легион вошёл в Германию, где был направлен в назначенный ему для оккупации немецкий город Вормс. Так наш национальный бело-сине-красный флаг взвился на берегах Рейна. Маршал Франции Фердинанд Фош заявил: «Тем, что Франция не была стёрта с карты Европы, мы обязаны прежде всего России». Но на прощальном построении из сорока пяти тысяч воинов Русского Экспедиционного корпуса стояло пятьсот человек...

Генерал Лохвицкий в 1919-м выехал в Россию, где присоединился к войскам Белой армии адмирала Колчака. В 1920-м возглавил Дальневосточную армию. В декабре 1920 г. вернулся в Европу. Жил в Париже, возглавлял Общество монархистов-легитимистов. Умер в 1935 г., и был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. На памятнике – надпись: «Лохвицкий Николай Александрович, генерал от инфантерии, командир Русского Экспедиционного Корпуса во Франции».

После смерти славного воина был завершён его главный послевоенный труд: рядом с городом Мурманском воздвигли храм-памятник во имя Воскресения Христова, построенный в 1937 году по проекту А. Бенуа в память о погибших русских воинах. 21 июня 2011 г. в Париже на набережной Сены рядом с мостом Александра III в присутствии пре-

мьер-министров России и Франции состоялось торжественное открытие памятника воинам Русского экспедиционного корпуса.

В ноябре 2014 года в связи со 100-летием начала Первой мировой войны на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа был открыт памятник генералу Лохвицкому. Торжественное открытие креста-памятника было организовано при поддержке губернатора Санкт-Петербурга Георгия Полтавченко.

Чехов и... Мэрилин Монро

16 августа 1891 года в Петербурге родился самый великий актер начала XX века – Михаил Чехов, о котором в нашей стране вспомнили только после краха СССР. Став эмигрантом, он оказался в «запретном списке», и потому много лет у нас о нем ничего не писали. Такая же судьба – полного запрета на родине – постигла в советские времена и его первую жену Ольгу Чехову, которая оказалась в Германии любимицей Гитлера, а как теперь считают некоторые историки, на самом деле служила в НКВД и готовила на фюрера покушение.

Михаил Чехов был племянником Антона Павловича, сыном его брата Александра. Александр Павлович в отличие от брата ничем в своей жизни не прославился, кроме того, что страдал сильными запоями, но этим в России никого особенно не удивишь. Эту пагубную страсть он передал по наследству и сыну. Но Михаил уже в детстве проявлял необыкновенные дарования. Когда ему было всего три года, Антон Павлович пророчески сказал о племяннике: «Я думаю, что из него выйдет очень талантливый человек». Так и получилось. Михаил Чехов стал всемирно знаменитым актером. Имея знаменитого родственника, Михаилу не пришлось пробиваться в искусстве локтями. Антон Павлович познакомил его со Станиславским и тот сразу взял талант-

ливого юношу в труппу МХАТа. Там и началась его слава великого актера, которая пошла греметь по всей России, а когда он стал сниматься в кино, то и за границей.

Мистическая энергия

Многие критики считают, что Михаил Чехов был самым гениальным актером начала XX века. Хотя внешне для сцены совершенно не подходил. Был мал ростом, щупл, слегка шепелявил, голос имел тусклый и невыразительный. Но всех поражали его глаза – светлые, добрые, полные какой-то пронзительной боли. На сцене он преображался. От него исходила какая-то мистическая энергия. На его спектаклях люди впадали в экстаз, падали в обморок. На «Гамлета» в его исполнении ходили по 50 раз. Громадный успех, которого не видел ни один актер МХАТа, имел Михаил Чехов в роли Хлестакова. Кинорежиссер Сергей Эйзенштейн говорил, что дал бы многое, чтобы понять секрет его могучего таланта. Как человек тонкой духовной организации, Михаил Чехов быстро увлекался. Едва только увидел Ольеньку – юную племянницу Ольги Книппер-Чеховой, сразу влюбился. А потом они тайно поженились. Однако через два года развелись. Жить с гениальным актером – нелегкая судьба! А потому Ольга Чехова сама ушла.

Актриса фюрера или агент НКВД?

Для Михаила это была трагедия. Он стал бояться людей, слышал какие-то шумы и даже на время ушел из театра. А его прежнюю жену в жизни ждали фантастические приключения. Она оказалась в Германии, где стала знаменитой актрисой и понравилась самому Гитлеру. Фюрер, ненавидевший славян, был буквально очарован русской красавицей. На приемах в Берлине Ольга Чехова сидела рядом с Гитлером, он непрерывно расточал ей комплименты. Другая немецкая знаменитость тех лет – Марлен Дитрих была вне себя от ревности! Однако после разгрома Германии случилось странное. Ольгу Чехову на советском самолете отвезли в Москву. Казалось, любимицу Гитлера ждут в СССР мрачные застенки НКВД. Но вскоре ее отвезли обратно, и остаток жизни она провела в полном благополучии, достатке и спокойствии. Сын Берии в своих воспоминаниях потом утверждал, будто Ольга Чехова была агентом НКВД и готовила покушение на Гитлера, которое отменил потом лично Сталин. Он опасался, что ликвидация фюрера приведет к сближению Англии и США с Германией. Так ли это было на самом деле, неизвестно до сих пор. Эту тайну Ольга Чехова унесла в могилу.

В эмиграции

Михаил Чехов тоже эмигрировал. Хотя в СССР его, казалось, ценили. Он одним из первых получил звание заслуженного артиста, его назначили директором 2-й студии МХАТа и т. п. Однако вскоре в театре пошли раздоры. Начинаясь травля Чехова, которого называли «итальянским фашистом» (он ездил в Италию отдыхать), упрекали в отсутствии в его театре «советского репертуара», в увлечении мистическим философским учением австрийца Рудольфа Штейнера. В 1928 году Михаил Чехов выехал на лечение в Германию и не вернулся. Там бывшему мужу помогла Ольга. С Гитлером его, правда, не познакомила, но работой он был обеспечен. Хотя сделать такую же блестящую карьеру в Берлине, как его бывшая жена, не смог. Михаил Чехов работал в Париже, Риге, Лондоне, а потом в США. За океаном ему поначалу пришлось не сладко. По-английски он говорил с сильным акцентом, а потому соперничать с голливудскими звездами кино не мог. Помогли ему обаяние громкого имени и ставшая тогда популярной в США система Станиславского. Многие будущие голливудские звезды охотно брали у него уроки: Юл Бриннер, Грегори Пек, Энтони Куин, Ингрид Бергман.

«Теперь обожаю вас!»

Обожала его Мэрилин Монро, тогда еще делавшая первые шаги на артистическом поприще. Он даже предсказал ей судьбу.

– О чем вы сейчас думаете? – спросил он ее однажды на репетиции.

– О роли, – ответила Мэрилин.

– Не может быть! – возразил Михаил Чехов. – От вас идет такая мощная сексуальная вибрация, это будет очень востребовано, студии будут продавать этот товар на весь мир. Мэрилин расплакалась. Она хотела стать актрисой, а не сексуальной «погремушкой». Однако Михаил Чехов оказался пророком. Через два года, когда вышел фильм «Джентльмены предпочитают блондинок», слава о новой сексуальной звезде Голливуда загремела по всему миру. Монро подарила ему фото с надписью: «Когда я училась в школе, то больше всего обожала Линкольна. Теперь обожаю вас!».

Забывтый кумир

Однако сам Михаил Чехов на Западе не стал кумиром. Это сейчас актеры всех стран и всех поколений зачитываются написанной им книгой «О мастерстве актера», но сразу она не произвела в Голливуде впечатления. В кино он играл роли иностранцев, так и не избавившись от акцента. Станиславский и другие деятели советского театра уговаривали его вернуться в СССР, но он отказался. И, наверное, правильно сделал. Он не забыл, как встретившая его в Берлине жена Мейерхольда Зинаида Райх с презрением бросила ему: «Предатель!». А потом и Мейерхольда, и саму Райх в СССР ждал страшный конец. Вскоре, разочаровавшись в театре, Михаил Чехов удалился на ранчо неподалеку от Сан-Франциско, где дожил свой век в обществе жены, четвертерьеров и козы. Об этих годах его жизни почти ничего не известно. Бывший кумир театральных Петербурга и Москвы умер, забывтый на родине, в возрасте всего 64 лет. Похоронили великого актера на голливудском кладбище «Лесная поляна». В США о нем вспомнили недавно, когда на аукционе в США банковский чек от Мэрилин Монро на его имя на 45 долларов за уроки был продан за 2250 долларов. А в новой России имя великого актера теперь, наконец, извлечено из забвения.

Летопись России в цвете

Имя Сергея Прокудина-Горского сегодня в России мало кому что говорит. А ведь он был автором первых в России цветных фотографий. Недавно на портале Президентской библиотеки в Петербурге была представлена его коллекция, посвященная творческому наследию мастера. В неё вошли материалы о жизни и деятельности известного фотографа, документальные фильмы, почтовые открытки, электронные копии раритетных профессиональных журналов начала XX века, работы исследователей.

Сергей Михайлович родился в родовом имении своих родителей во Владимирской области. Основателем его рода считался татарский князь Мурза Муса, выехавший из Золотой Орды со своими сыновьями. На Руси он принял православие и получил имя Петр. Первые упоминания о нем встречаются еще в летописном описании Куликовской битвы. Три года юный Сергей проучился в Александровском лицее, однако не закончил полного курса. Затем слушал лекции по естественному разделу на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. По неизвестной причине оставил университет и стал слушателем Императорской Военно-медицинской академии, которую также по какой-то причине не окончил. Сергей Михайлович был очень одаренный и разносторонней человек – по некоторым

сведениям, брал уроки живописи в Академии художеств, и даже серьезно увлекался игрой на скрипке.

В мае 1890 года поступил на службу в Демидовский дом призрения трудящихся, в качестве его действительного члена. Благодаря удачной женитьбе на Анне Александровне Лавровой – дочери русского металловеда и директора товарищества гатчинских колокольных, медеплавильных и сталелитейных заводов Лаврова смог обрести финансовую независимость. Сам Прокудин-Горский стал директором правления на предприятии своего тестя. Однако прославился он совсем в другой области – стал первым в России мастером цветной фотографии.

Увлечение фотографией

Есть сведения, пока ещё не подтвержденные документально, что будущий пионер цветной фотографии был учеником самого Дмитрия Менделеева. В 1897 году Прокудин-Горский начал делать доклады о технических результатах своих фотографических исследований Пятому отделу Императорского Русского Технического общества (ИРТО). В 1898 году Прокудин-Горский стал членом Пятого фотографического отдела ИРТО и выступил с сообщением «О фотографировании падающих звёзд (звёздных дождей)». Уже в то время он являлся российским авторитетом в области фотографии, ему была поручена организация курсов практической фотографии при ИРТО. В 1898 году Прокудин-Горский опубликовал первые книги из серии работ по техническим аспектам фотографии: «О печатании с негативов» и «О фотографировании ручными фотоаппаратами». В 1900 году Русское техническое общество показало чёрно-белые фотографии Прокудина-Горского на Всемирной Парижской выставке.

2 августа 1901 года в Петербурге на Большой Подъяческой открылась «фотоцинкографическая и фототехническая мастерская» Прокудина-Горского, где позднее располагалась лаборатория и редакция журнала «Фотограф-любитель», в котором Прокудин-Горский опубликовал серию тех-

нических статей о принципах воспроизведения цвета.

В 1902 году Прокудин-Горский в течение полутора месяцев обучался в фотомеханической школе в Шарлоттенбурге около Берлина. Вскоре он впервые объявил о создании цветных диапозитивов, а в 1905 году запатентовал свой sensibilizator, значительно превосходивший по качеству аналогичные разработки иностранных химиков. Состав нового sensibilizatora делал бромосеребряную пластину одинаково чувствительной ко всему цветовому спектру.

Цветные съемки

Точная дата начала цветных съемок Прокудиным-Горским в Российской империи до сих пор не установлена. Наиболее вероятным является факт, что первая серия цветных снимков была сделана в ходе поездки по княжеству Финляндскому в сентябре-октябре 1903 года. В 1905 года Прокудин-Горский совершил первую большую фотопоездку по России, в ходе которой снял около 400 цветных фотографий Кавказа, Крыма и Украины. Получил золотую медаль на Международной выставке в Антверпене и медаль за «Лучшую работу» в области цветной фотографии от фотоклуба в Ницце.

В 1906 году «Петербургская газета» сообщила, что, совершенствуя чувствительность своих пластин, исследователь предполагает продемонстрировать «моментальные снимки в натуральных цветах, что представляет большой успех, так как до сего времени никем не получено».

В мае 1908 года Прокудин-Горский ездил в Ясную Поляну, где сделал серию снимков, в том числе несколько цветных фотографических портретов – единственные в мире – Льва Толстого. Кроме того, известны два сделанных Прокудиным-Горским фотопортрета Фёдора Шаляпина в сценических костюмах. По некоторым сведениям, он фотографировал в цвете также членов царской семьи, но эти фотоснимки

ки обнаружить пока не удалось; возможно, они безвозвратно утрачены.

Судьбоносная встреча

В мае 1908 года произошло событие, которое и позволило Прокудину-Горскому создать свою знаменитую коллекцию. В Академии художеств проходила выставка достижений русских фотографов, в том числе показ на экране его цветных проекций. После этого мастеру предложили продемонстрировать свои работы Николаю II, который также увлекался фотографией. Этот визит в Царское Село подробно описан в документальной ленте «Цвет времени», представленной на портале Президентской библиотеки.

«Во время перерыва, когда был подан чай с прохладительными напитками, – вспоминал сам Прокудин-Горский, – Государь отделился от группы придворных и, подойдя ко мне, стал спрашивать, что я имею в виду делать дальше с этой замечательной работой. Я изложил ему свои взгляды на различные применения, которые моя работа могла бы иметь, и прибавил: «Вашему Величеству было бы, быть может, также интересно видеть время от времени истинную Россию и ее древние памятники, а равно и красоты разнообразной природы нашей великой Родины». Николаю эта идея фотографа понравилась.

Фотолетопись империи

По высочайшему повелению мастеру был предоставлен специальный вагон-лаборатория, чтобы фотограф мог запечатлеть «в натуральных красках» все основные достопримечательности Российской империи от Балтийского моря до Тихого океана. Всего было запланировано за 10 лет сделать 10.000 снимков. Для работы на водных путях ему выделили небольшой пароход, способный идти по мелководью, с командой, а для реки Чусовой – моторную лодку. Для съёмок Урала и Уральского хребта в Екатеринбург был прислан автомобиль «Форд».

Совместно с Сергеем Максимовичем Прокудин-Горский работал над технологией цветного кино. По собственному методу он произвёл экспериментальную съёмку в Туркестане в 1911 году. Для развития цветного кинематографа и цветной печати при его участии в 1914 году было учреждено акционерное общество «Биохром», которому были переданы имущественные права на коллекцию Прокудина-Горского.

Накануне Первой мировой войны Прокудин-Горский продолжал исследования и добился новых успехов. Он запатентовал в Германии, Англии, Франции и Италии способ изготовления дешёвых цветных плёночных диапозитивов для кинематографии. В 1922 году получил английский патент на

зеркально-призменную оптическую систему для цветоделения при одновременной фотосъёмке.

С началом войны Прокудин-Горский создавал фотохронику боевых действий, а потом занялся цензурой прибывающих из-за границы кинематографических лент и обучением экипажей самолётов аэрофотосъёмке.

После революции

После революции 1917 года Прокудин-Горский участвовал в создании Высшего института фотографии и фототехники (ВИФФ), который был официально учреждён декретом, уже после отъезда Прокудина-Горского за границу. Его последняя коллекция фотографий демонстрировалась в России 19 марта 1918 года в Зимнем дворце.

Переехав в 1922 году в Ниццу, Прокудин-Горский работал вместе с братьями Люмьер. Но чтобы как-то прокормиться в чужой стране эмигранту приходилось заниматься со своими сыновьями обычным фоторемеслом. Он собирался сделать новую серию фотографий художественных памятников Франции и её колоний, но этот проект не был осуществлен.

Скончался Сергей Михайлович Прокудин-Горский в Париже, спустя несколько недель после освобождения города от немецких войск союзниками. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Поэтесса «с огромным бантом»

Ирина Одоевцева родилась в Петербурге еще до революции, но большую часть своей жизни провела далеко от своего любимого города. В нашей стране имя этой популярной в среде русской эмиграции поэтессы и писательницы стало известно лишь с началом перестройки, когда были переизданы сборники ее очаровательных стихов и книги замечательных воспоминаний «На берегах Невы» и «На берегах Сены», которые и сделали ее знаменитой.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет,
Живи еще хоть четверть века,
Все будет так: исхода нет...

Александр Блок, когда писал эти строки, не подозревал, что будет еще хуже. Останутся только «ночь» и «улица», фонари разобьют, а аптеки закроют. «Зима 1919–1920 гг. Очень голодная, очень холодная, очень черная зима, – вспоминает Ирина Одоевцева в своей книге «На берегах Невы». – Грабежи стали бытовым явлением. С наступлением сумерек грабили всюду».

Стихи во время расстрелов

Но в Петербурге тогда не только грабили. В подвалах ЧК по ночам до утра гремели выстрелы. Там расстреливали людей. Уничтожали «класс эксплуататоров». А заодно и поэтов, художников, писателей, профессоров Университета, офицеров, проливавших кровь за Россию в мировую войну. Но вот что самое удивительное: в это грозное и страшное время в Петербурге были люди, которые ходили... слушать стихи! «Я каждый день, – пишет Одоевцева, – совершенно одна возвращалась поздно вечером из Института живого слова одна. По совершенно безлюдным, темным – «хоть глаз выколи» – страшным улицам».

«... Шесть часов вечера. Падает снег. Я иду домой по Басейной... Поднимаюсь с черного хода. Парадный недавно заколотили – для тепла и за ненадобностью. «Теперь нет господ, чтобы по парадным шляться!» – заявляли большевики». Так с тех пор 70 лет мы и ходили в квартиры, превращенные в коммуналки, с черного хода...

«До чего же весело!»

Однако у юной Одоевцевой о том времени радужные воспоминания. «Голодный, холодный, снежный январь. Но до чего же весело! В «Живом слове» лекции сменялись практическими занятиями и ритмической гимнастикой по Далькрозу. Кони возглавлял ораторское отделение, гостеприимно приглашая всех на свои лекции...»

Дом искусств. Литераторов дом.
Десять жасминовых лет.
Гордость студии Гумилева,
Николая Степановича... —

писала восхищавшаяся тогда Гумилевым «поэтесса с огромным бантом», как она сама себя называла:

Ни Гумилев, ни злая пресса, Не назовут меня талантом.
Я маленькая поэтесса с огромным бантом.

Она запоем слушает на вечерах в голодном городе, но в переполненных залах стихи Сологуба, Мандельштама, Белого. Популярного тогда и ныне совершенно забытого Тимофеева, прославившегося позднее знаменитыми «Бубличками»:

Купите бублички,

Горячи бублички,
Гоните рублички
Ко мне скорей!

Становится свидетелем невероятного успеха Маяковского: «Зал восторженно загрохотал. Казалось, все грохотало, грохотали стулья, грохотали люстры, грохотал потолок и пол под звонкими ударами женских ног.

– Бис, бис, бис!.. – неслоь отовсюду».

Восторженно слушает Блока: «Блок стоит неподвижно. В «ярком беспощадном свете» электрических ламп, направленных на него, еще резче выступает контраст между темным усталым лицом и окружающими его, как нимб, светлыми локонами:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели,
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели...».

Оказавшись потом в Париже, Одоевцева поражалась: «Просто невозможно себе представить, как слушали, как любили поэтов в те баснословные годы в Петербурге, да и во всей России. Марина Цветаева была права, когда писала: «Из страны, где мои стихи были нужны, как хлеб, я в 22-м году попала в страну, где ни мои стихи, ни вообще стихи никому не нужны».

Нужнее хлеба

«Нет, – поправляет ее в своих воспоминаниях Одоевцева, – на этот раз Цветаева не преувеличила, а скорее уменьшила – стихи тогда многим были даже нужнее хлеба».

Гумилев, ее кумир тех лет, тоже ничего не боялся. Однажды в Петербурге на вечере у балтфлотцев, читая стихи, он вдруг продекламировал:

Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя...

По залу прокатился протестующий ропот. Несколько матросов вскочили. Но Гумилев продолжал читать спокойно и громко. Кончив читать, он спокойно обвел зал глазами. Гумилев ждал и смотрел на матросов, матросы смотрели на него.

«И, – продолжает Одоевцева, – аплодисменты вдруг провалились, прогремели, загрохотали. Всем стало ясно: Гумилев победил. Так ему еще никогда не аплодировали».

– А была минута, мне даже стало страшно, – признался он ей потом. – Ведь мог же какой-нибудь товарищ-матрос, «краса и гордость красного флота», вынуть свой небельгийский пистолет и пальнуть в меня, как палил в портрет моего государя.

«Молодец, хоть и поэт!»

Да и не только в портрет, но и в самого государя и его детей палили. Как, впрочем, вскоре расстреляли и самого бесстрашного поэта Гумилева, обвинив его в контрреволюционном заговоре.

И нет на могиле его,
Ни холма, ни креста, ничего.

Однако петербургские обыватели после того памятного поэтического вечера долго восторгались Гумилевым: «Какой молодец, хоть и поэт!».

Трагические смерти

В то страшное время в Петербурге было много трагических смертей, о которых вспоминает Одоевцева. Жена знаменитого тогда поэта Федора Сологуба Анастасия Николаевна бросилась в отчаянии с Тучкова моста и утонула. Сологуб долго отказывался этому верить. Он ее ждал. Обед по-прежнему готовили на двоих. Постель Анастасии Николаевны ежедневно стелилась... Потом Сологуб при помощи высшей математики пришел к выводу о том, что загробная жизнь на самом деле существует и что он скоро встретится со своей обожаемой Анастасией. Только тогда он успокоился.

Перед отъездом за границу Одоевцева зашла к Сологубу попрощаться. Она уезжала легально, и Сологуб мрачно сказал: «Вы, конечно, думаете, что скоро вернетесь? Только прокатитесь по Европе? Да? Вы вернетесь лет через пятьдесят...». Одоевцева тогда ему не поверила. Но именно так и получилось. Сологуб ошибся не на много.

За границей – в Берлине и Париже – Одоевцева почти сорок лет прожила вместе со своим мужем – другим знаменитым поэтом русской эмиграции Георгием Ивановым, с которым они расписались еще в Петербурге после смерти Гумилева. Заграница разочаровала Одоевцеву. «Я никому не признаюсь в том, что разочарована... Большинство бежавших из России в восторге от берлинской жизни и наслаждаются

ся ею... О стихах здесь как будто забыли. Трудно поверить, что эти самые люди еще совсем недавно шли по неосвещенным, страшным ночным улицам, усталые, голодные и озлябшие, шли в мороз, под дождем, часто через весь Петербург только для того, чтобы в Доме искусств или в Доме литераторов послушать стихи».

В Берлине, а потом и в Париже Одоевцева общалась со всем цветом русской эмиграции и со многими приезжими знаменитостями: Есениным, Керенским, Северяниным, Алдановым, Буниним, Адамовичем, Анненковым и многими другими, о которых увлекательно рассказала потом в своих книгах. Она стала свидетелем их тоски, страданий и судорожных попыток хоть как-то утвердиться в чуждой им стране.

«Нежности нежней»

«... Есенин, – вспоминает она случайную встречу со знаменитым поэтом в ресторане для эмигрантов, – наливает мне рюмку водки. – Я качаю головой.

– Не пью.

– Напрасно! Этому необходимо научиться. Водка помогает.

– От чего помогает? – спрашиваю я.

– От тоски. От скуки. Если бы не водка и вино, я бы уже давно смылся с этого света! Еще девушки, конечно! Влюбишься, и море по колено! Зато потом, как после пьянки, даже еще хуже. До ужаса отвратительно... Вот еще животные. Лошади, собаки, коровы. С ними я всегда, с самого детства дружил... Вы непременно должны выпить. За нашу встречу! Хоть один бокал.

И я чокаюсь с ним и пью. Кругом шумят, но я слышу только то, что говорит Есенин. Я гляжу на него. Нет, я не могу поверить, что это тот самый хулиган-скандалист. Он так трогательно нежен. Он нежный, «нежности нежней»! Просто по Маяковскому, «не мужчина, а облако в штанах...».

Ей повезло

Одоевцева прожила долгую жизнь, а потому ей повезло. Она не умерла в парижской богадельне для престарелых русских эмигрантов, где оказалась в последние годы. В 1987 году она все-таки приехала в СССР, где уже вовсю бушевали ветры перестройки. В Ленинграде ее ждала громкая слава. После ничтожных эмигрантских изданий ее книги вышли гигантскими, еще «советскими» тиражами. «На берегах Невы» – тиражом 250 тысяч экземпляров, а «На берегах Сены» – 500 тысяч. Умерла «маленькая поэтесса с огромным бантом» 14 октября 1990 года в Ленинграде. Совсем немного не дождавшись возвращения своему любимому городу его прежнего имени Петербург.

Жемчужина князя Юсупова

В каждой петербургской семье есть свои реликвии. У одних – это пожелтевшая от времени фотография родителей на стене, у других – старая бабушкина икона, у третьих – боевые награды отца. У знаменитого русского князя Феликса Феликсовича Юсупова, ограбленного большевиками и выброшенного, как и другие русские аристократы, за границу, тоже была такая реликвия – легендарная жемчужина «Пелегрин».

В свое время она принадлежала испанскому королю Филиппу IV, который в 17 веке подарил ее своей дочери Марии-Терезе. Потом жемчужина принадлежала французской короне и исчезла во времена французской революции, а позднее объявилась в Москве, где ее и купили Юсуповы. В их семейном архиве есть фотография, сделанная во второй половине 19 века, на которой изображена княгиня Зинаида Николаевна Юсупова, женщина необычайной красоты – жена тогдашнего губернатора Петербурга Сумарокова-Эльстон. Княгиня собралась на бал и в волосах у нее – та самая «Пелегрин»...

Прошло много лет и старый аристократ Феликс Юсупов, тот самый, что «убил Распутина», доживал свой век в Париже в компании состарившейся жены и своего верного слуги Гриши. Как несметно богатый в прошлом человек и настоя-

ший русский барин, он не умел считать деньги, не знал настоящую цену вещам. У него никогда не было бумажника. Деньги лежали повсюду в конвертах и он раздавал их всем, кто ни попросит, не считая. Поэтому очень скоро старый князь оказался совершенно без средств. Тогда он взял последнее – заветную жемчужину, которую бережно хранил все эти годы, и отправился к знаменитому парижскому ювелиру Картье.

– Сколько вы сможете мне за нее дать, мсье? – Скромно спросил Юсупов.

Увидев легендарную драгоценность, бедный француз от волнения лишился дара речи. Он сразу понял, что перед ним – знаменитая «Пелегринна». В мире были только три таких жемчужины и вот одна из них, таинственно мерцая, лежала сейчас перед ним.

Разумеется, сметливый ювелир тут же ее купил, а через некоторое время бесценная реликвия была продана на аукционе Кристи в Женеве анонимному покупателю (предполагают, что за этим покупателем была Элизабет Тейлор) за 2 миллиона 780 тысяч франков – невиданные по тем временам деньги. Разумеется, самому Юсупову Картье заплатил гораздо меньше, но все же весьма приличную сумму. Увы, и эти деньги беспечный Феликс Феликсович тоже быстро потратил. Он кончил тем, что под старость стал жить на средства своего верного слуги Гриши...

Эту историю рассказала живущая сейчас между Парижем и Афинами внука сумасбродного аристократа Ксения Ни-

колаевна Шереметьева-Юсупова. По отцу она – Шереметьева, а по матери – Юсупова. Сестра ее матери – великая княгиня Ксения Александровна была сестрой Николая II и потому в жилах Ксении Николаевны течет царская кровь. Именно у нее брали в свое время кровь на анализ ДНК для идентификации царских останков. Сегодня носительница двух самых громких на Руси аристократических фамилий живет скромно. Ее муж – коренной грек Илиас Сфири, родом с острова Итака (того самого, где родился Улисс), работал в компании «Шелл», а сейчас на пенсии. Есть дочь Татьяна, которая подарила ей внука.

«Был добрейшим человеком...»

Таинственны законы генетики... Если посмотреть на старые фотографии и портреты ее предков, то Ксения Николаевна похожа на многих из них. Такой же овал лица, такой же упрямый «юсуповский» подбородок. Родовое сходство переходит из поколения в поколение. Увы, в самой России сегодня уже почти не осталось таких «аристократических» лиц. Все, «под корень» были истреблены большевиками за одну только принадлежность к знатным фамилиям. Уцелели только те, кто сумел во время уехать из страны, «где так вольно дышит человек».

– По странной иронии судьбы, – вспоминает Ксения Николаевна, – о моем деду помнят только то, что он «убил Распутина». Но наша семья никак не могла понять, как это он мог сделать. Ведь Феликс Феликсович был добродушнейшим человеком. Не нравятся мне писания на эту тему Эдуарда Радзинского. Когда он был в Париже, то почему-то не нашел нужным зайти ко мне – последней из Юсуповых, когда готовил книгу об убийстве Распутина.

Ксения Николаевна родилась в Италии, а потом ее родители переехали в Афины, где тогда жил Эмиль Демидов, бывший царский посланник в Греции, а его жена Софья Воронцова-Дашкова приходилась ее матери тетей. Кстати, и Демидов и его жена похоронены сейчас в самом центре Афин на-

против здания парламента, возле русской церкви, подаренной в свое время царскому посольству греческой королевой Ольгой, а в девичестве – русской княжной Ольгой Константиновной, родившейся в Павловске.

Отца спасла любовь

– Моя мать, – продолжает свой рассказ Ксения Николаевна, – влюбилась в Грецию, но жилось в ней моим родителям трудно. Мать делала какие-то украшения на продажу, приходилось продавать привезенные из России вещи. Мой отец, Николай Дмитриевич Шереметьев работал в Австралии в пароходной компании Власова, и видели мы его редко. Он приезжал домой два раза в год. А во Франции, куда родители приехали сначала сразу же после бегства из России, ему пришлось работать даже шофером такси. Потом отец заболел туберкулезом. Долго лечился в горах и моя мать писала ему письма каждый день, два года подряд. Врачи давали ему два месяца жизни, но их печальные прогнозы, к счастью, не сбылись. Видимо, помогли письма моей матери. Я уверена: это ее любовь спасла отца!

Как и всем русским аристократам после революции, отцу пришлось пережить немало трагических минут. Помню, он рассказывал, как в Сибири его вместе с братом ссадили с поезда пьяные солдаты и хотели расстрелять. Тогда это было просто. К ним подошли люди в грязных серых шинелях с винтовками и сказали: «Пойдемте, господа, будем пускать вас в расход...»

Младший брат заплакал и стал кричать: «Я не хочу умирать!» А старший – мой отец – строго его одернул: «Не плачь,

будь мужчиной!» А ему самому тогда было всего 15 лет. Заплакать перед солдатами не позволяла фамильная гордость. От красноармейских пуль их спасла случайность. Какая-то женщина попросила пожалеть мальчишек.

Надо сказать, что русские аристократы мужественно переживали выпавшие на их долю невзгоды. Особенно много в нашей семье рассказывали про дедушку – Феликса Феликсовича. Они с бабушкой были совершенно разными людьми, но нежно любили друг друга. Я таких людей потом никогда не встречала. Не видела такой нежности и внимания друг к другу, хотя Феликс Феликсович не только в молодости, но и в зрелые годы славился своим сумасбродством и экстравагантными выходками. Он «любил пожить», как раньше говорили на Руси. Бабушка же была тихая и скромная. Она все ему прощала и сдерживала его бурную натуру. Когда дедушка умирал, он сказал верной подруге: «Я всю жизнь любил только тебя, прости меня за все...»

По преданию, которое сохранила наша семья, нашим предком был татарин Юсуф из Казани. Юсуповым он стал после крещения. Дело было в 17 веке. Он явился к русскому царю в Москве и скромно попросил: «Великий государь, дозвожь жить на Руси бедному Юсуфу! Бедный я, очень бедный!»

А царь уже был наслышан о его несметных богатствах. Он засмеялся и ответил: «Бедный? Да ты можешь купить всю Россию!»

Российский паспорт графине

До краха СССР Ксения Николаевна, родившаяся в Риме, ни разу не была в России, а теперь ездит на родину каждый год. В посольстве РФ в Афинах ей по специальному указу президента Владимира Путина выдали российский паспорт и она стала российской гражданкой. Об этом долгие годы мечтали на чужбине ее родители, которые так и умерли в Париже апатридами, отказываясь принять гражданство других стран...

– Когда я впервые приехала в Петербург, – вспоминает графиня, – то была потрясена красотой этого города, где родились и жили мои родители. В моей душе проснулось дремавшее в ней горячее чувство патриотизма, любви к родине, которой пришлось пережить нелегкие времена. Мне тоже хочется внести свой вклад в строительство новой России, помочь возрождению русской духовности и культуры. Думаю, что это невозможно без нас, представителей самых древних русских фамилий, ведь и мы – частица России. Нас осталось мало, среди Юсуповых – только я одна и моя дочь, но кое-что сделать для своей родины мы можем.

Ностальгия Владимира Набокова

В одном интервью Владимир Набоков как-то сказал о себе: «Я – американский писатель, родившийся в России...». Отсюда, наверное, и пошла его репутация как сугубо американского писателя, тем более что в советские времена книги Набокова в СССР были запрещены, а его имя практически неизвестно широкому кругу читателей. Однако его сын Дмитрий не так давно признался, что это, конечно, был иронический ответ. Набоков – великий русский писатель, безумно страдавший от ностальгии по Петербургу, где он родился.

«Я родился в комнате на втором этаже, где был тайничок с материнскими драгоценностями», – писал в своих воспоминаниях Владимир Набоков. Как это ни странно, тайничок – сейф в спальне его матери дома на Большой Морской, – чудом сохранился до наших дней. Если когда-то в нем и находились семейные драгоценности Набоковых, то все их имущество было, как известно, в 1918 году конфисковано большевиками. Набоков – старший среди пяти детей – рос в атмосфере обожания, уюта и роскоши. Получил домашнее воспитание от иностранных гувернеров и бонн, а потому научился писать и читать сначала по-английски и по-французски и только потом по-русски. В Тенишевское училище его возил на автомобиле шофер в ливрее. Гостями в доме бывали

Шаляпин, Бенуа и заезжий Герберт Уэльс, а рисованию его учил Добужинский. Сам писатель называл потом свое детство «счастливейшим и совершеннейшим». Отец писателя был блестящим юристом, депутатом Государственной думы, а дед – министром юстиции. Набоковский дом в те годы являлся одним из важных политических и культурных центров Петербурга. В июле 1904 года там состоялось заключительное заседание первого Всероссийского земского съезда, где была одобрена резолюция, призывающая к принятию конституции.

Когда все рухнуло

После захвата власти большевиками все мгновенно рухнуло. Отец, который некоторое время был министром юстиции в правительстве Керенского, сумел вовремя отправить семью в Крым, откуда ей пришлось потом бежать за границу на греческом пароходе «Элпида» («Надежда»). За границей Набоков жил в Англии, где закончил Кембриджский университет, потом в Берлине, Париже. Подрабатывал уроками, опубликовал свои первые книги, в том числе «Защиту Лужина». Потом, спасаясь от нацистов, уехал в США, а последние 20 лет своей жизни прожил в Швейцарии. После издания романа «Лолита», имевшего огромный успех во всем мире, разбогател. Однако так никогда и не купил себе собственного жилья. Жил в гостиницах либо на съемных квартирах. Своим единственным домом до конца жизни он считал особняк на Большой Морской в Петербурге. Дом купила его мать, Елена Ивановна, в девичестве Рукавишникова, дочь богатейшего золотопромышленника, когда вышла замуж за его отца. Владимир Дмитриевич трагически погиб в Берлине в 1922 году, когда бросился на защиту Милокова, в которого стреляли террористы-монархисты.

Бабочки и шахматы

Помимо литературы в жизни Набокова были еще две страсти: шахматы и бабочки. Он любил решать шахматные задачи и издал уникальный альбом «Бабочки Европы». До обретения литературной славы писатель вообще работал научным сотрудником в Гарвардском музее зоологии, где его считали одним из ведущих специалистов по бабочкам в мире.

В интервью журналистам Набоков как-то сказал о себе: «Я – американский писатель, родившийся в России...». Отсюда, наверное, и пошла его репутация, как сугубо американского писателя, тем более что в советские времена книги Набокова в СССР были запрещены, а его имя практически неизвестно широкому кругу читателей. Однако его сын Дмитрий не так давно признался, что это, конечно, был иронический ответ, но падкие на сенсацию американские журналисты приняли слова его отца всерьез и растиражировали по всему миру.

Безумная ностальгия

Конечно, Набоков прежде всего – русский писатель и до конца жизни безумно страдал от ностальгии по родине, которую покинул в 18 лет. Чтобы понять силу этой тоски, достаточно вспомнить его изумительное по изобразительной силе стихотворение «Петербург», написанное в Берлине:

Мне чудится в Рождественское утро
мой легкий, мой воздушный Петербург...
Я странствую по набережной... Солнце
взошло туманной розой. Пухлым слоем
снег тянется по выпуклым перилам.
И рысаки под сетками цветными
проносятся, как сказочные птицы;
а вдалеке, за ширью снежной, тают
в лазури сизой розовые струи
над кровлями; как призрак золотистый, мерцает крепость
(в полдень бухнет пушка:
сперва дымок, потом раскат звенящий);
и на снегу зеленой бирюзой
горят квадраты вырезанных льдин.

«Может, я выжил бы...»

Таким он запомнил свой город и до конца жизни мучался от того, что ему пришлось оказаться далеко от него, на чужбине:

...Ты растаял,
ты отлетел, а я влачу виденья
в иных краях – на площадях зеркальных,
на палубах скользящих... Трудно мне...

Белла Ахмадулина, которая, приехав в Швейцарию, встретила с писателем незадолго до его смерти, потом вспоминала, что Набоков неожиданно сказал:

– А жаль, что я не остался в России, уехал.

Жена Набокова, отмечает Ахмадулина, тут же вмешалась:

– Но ведь тебя, наверное, там сгноили бы в лагерях!

Набоков покачал головой:

– Кто знает, может, я выжил бы. Зато потом стал бы совсем другим писателем и, может быть, гораздо лучшим...»

А дом остался

Внешне дом на Большой Морской, переживший все войны и революции, выглядит сегодня почти так же, как и во времена юности Набокова. «Наш розовый гранитный особняк был номер 47 по Большой Морской», – вспоминал он. Из огромной библиотеки отца, насчитывавшей 1 1 тыс. томов, мебели не сохранилось ничего. Остался сейф на втором этаже, лифт, цветные стекла, о которых он вспоминал в своих произведениях, да еще, как говорят, изразцовая печь, расписанная бабочками.

«Тэффи! Одну Тэффи!»

При составлении в 1913 году юбилейного сборника к 300-летию Дома Романовых у царя почтительно осведомились, кого бы из современных писателей он хотел бы видеть помещенных в нем. Николай II решительно ответил: «Тэффи! Только ее. Никого, кроме нее, не надо. Одну Тэффи!» Впрочем, так думал не только царь. В те времена такой ответ дали бы многие. В дореволюционной России эта писательница была так популярна, что даже выпускались духи и конфеты под названием «Тэффи». Но в СССР ее мало, кто знал, да и сейчас у нас, пожалуй, тоже ее читают немногие.

Настоящая фамилия писательницы была Лохвицкая, а по мужу – Бучинская. Тэффи – ее литературный псевдоним. В одном из рассказов Надежда Александровна сама объяснила, как она его выбрала. В те времена женщины-авторы обычно подписывались мужскими именами, но она этого делать не захотела. «Нужно, какое-нибудь имя, которое бы принесло счастье. Лучше всего имя какого-нибудь дурака, дураки всегда счастливые». И она вспомнила служившего в ее семье слугу Степана, которого домашние шутливо звали Стеффи. Отбросив первую букву, писательница стала называться «Тэффи». Впрочем, есть и другие версии появления этого псевдонима.

Родилась Тэффи в Петербурге, ее отец был профессором

криминалистики, издателем журнала «Судебный вестник». Но с детства девочка увлекалась классической литературой, Пушкиным и Толстым, Гоголем и Достоевским. А вот сама прославилась совсем в другом жанре – в области юмористических рассказов, легких пародий и фельетонов. Писать она начала еще в детстве, но ее литературный дебют в журнале «Север» состоялся почти в 30-летнем возрасте – ее стихотворение отнесли в редакцию ее близкие.

Смех – это радость

Очень скоро ее излюбленным жанром стала остроумная миниатюра, построенная на описании какого-нибудь простого жизненного эпизода. Такие рассказы, а иногда почти фельетоны на злободневные темы, принесли ей в невероятную популярность. В них Тэффи с тонкой иронией изображала жизнь петербургского «полусвета» и простых обывателей, описывала их нравы, а также остро критиковала порядки в начинавшейся разлагаться предреволюционной России. Ее юмор нередко становился сатирой, злой и едкой. В ряде популярных газет ее произведения печатались каждую неделю, а потом стали выходить в виде сборников – за всю жизнь писательницы их вышло около тридцати.

Сама Тэффи определяла тональность своих произведений афоризмом Спинозы, который предпослала в качестве эпиграфа к первому сборнику своих рассказов: «Ибо смех есть радость, а посему сам по себе – благо». «Я родилась в Петербурге весной, – говорила Тэффи, – а, как известно, наша петербургская весна весьма переменчива: то сияет солнце, то идет дождь. Поэтому у меня, как на фронтоне греческого театра, два лица: смеющееся и плачущее».

Писала она и очерки, пьесы, несколько пьес перевела. Ее творчество быстро эволюционировало, становилось все более зрелым, в некоторых рассказах она достигала уже под-

линных высот искусства, повествуя о трагизме человеческого бытия. Подлинная всероссийская известность пришла после выхода в 1910 году ее двухтомника «Юмористических рассказов».

«Пёсье время»

Революцию она не приняла. Уже в июле 1917 года Тэффи объявила, что поскольку Земля вступила в созвездие «Большого Пса», то наступает «пёсье время», и все происходившее назвала «великим триумфальным шествием безграмотных дураков и сознательных преступников». «Каждый карманник, вытянувший кошелек у зазевавшегося прохожего, говорит, что он – ленинец», – иронизировала Тэффи, описывая события в России.

А когда большевики совершили в Петрограде вооруженный переворот и захватили власть, решила покинуть страну. Свое решение она объяснила просто: «Увиденная утром струйка крови у ворот комиссариата, медленно ползущая струйка поперек тротуара перерезывает жизнь навсегда. Перешагнуть через нее нельзя. Идти дальше нельзя. Можно повернуться и бежать».

Однако произошло это бегство как бы случайно. Вместе с другим популярным писателем А. Аверченко Тэффи уехала в 1918 году на гастроли в Киев, после полугода скитаний по другим городам юга России добралась до Константинополя, а потом очутилась в Париже. Надежда на возвращение не оставляла ее, однако сама потом объяснила, что ее удерживало от того, чтобы вернуться. «Конечно, не смерти я боялась. Я боялась разъяренных харь с направленным

прямо мне в лицо фонарем, тупой идиотской злобы. Холода, голода, тьмы, стука прикладов о паркет, криков, плача, выстрелов и чужой смерти».

«Не поднять мне тяжелых ресниц...»

Однако расставание с Родиной далось писательнице нелегко. На корабле «Шилка», на котором она покидала Россию, Тэффи написала пронзительные стихи, более нам известные по знаменитой «Песне о родине» в исполнении Александра Вертинского:

К мысу радости, к скалам печали ли,
К островам ли сиреневых птиц,
Все равно, где бы ни причалили,
Не поднять мне тяжелых ресниц.

«Причалила» она, в конечном счете, в Париже. Хотя уже на палубе парохода вдруг остро почувствовала, что не вернется на родину никогда. Никогда не вернется туда, где остались ее уютная московская квартира, друзья и близкие, обожавшие ее читатели, литературная слава.

Впрочем, в Париже знаменитая писательница не бедствовала, как другие эмигранты. Во французской столице многие годы уже жил ее брат, генерал Н. Лохвицкий, командующий экспедиционным корпусом во Франции во время Первой мировой войны. Поэтому ее жизнь в эмиграции с экономической точки зрения сложилась поначалу вполне благополучно, она не голодала и не была вынуждена мыть тарелки в ресторанах. Но что-то с ней произошло, переломилось. Тэф-

фи продолжала писать, ее охотно печатали эмигрантские издания, но что-то неуловимое в ней ушло, умерло – «не поднять мне тяжелых ресниц...»

«А я все чего-то живу...»

Вторую мировую войну и гитлеровскую оккупацию Тэффи пережила, не покидая Парижа из-за болезни. Она голодала, но отказывалась сотрудничать в коллаборационистских изданиях, куда ее усиленно зазывали. Только иногда соглашалась выступить с чтением своих рассказов перед старыми эмигрантами, не уставая повторять: «Все мои сверстники умирают, а я все чего-то живу...».

Последние годы своей жизни писательница была занята мемуарными очерками, создавала литературные портреты известных людей, с которыми ей довелось встречаться, в том числе Керенского, Ленина, Коллонтай, Бальмонта, Бунина, Куприна, Репина и других. Многие поклонники ее творчества считали, что эти портреты были, пожалуй, самыми лучшими страницами в ее разнообразном творчестве. Скончалась Тэффи 30 сентября 1952 года в возрасте 80 лет и была похоронена на кладбище Сен-Женьев-де-Буа в Париже.

«Красота в изгнании»

Под таким названием была когда-то издана книга, посвященная русским модельерам, художникам и другим деятелям искусства, бежавшим после революции за границу. Однако преуспели там немногие. Неожиданное исключение составили, пожалуй, лишь аристократы из Петербурга – князь Юсупов и его жена Ирина, оказавшиеся в Париже. Они сумели создать там дом мод при помощи обаяния своих громких имен.

Князь Феликс Юсупов в своих воспоминаниях писал: «В эмиграции оказались представители самых разных слоев общества: великие князья, знать, помещики, промышленники, духовенство, интеллигенция, мелкие торговцы, евреи. То есть люди не только богатые, но и лишенные имущества. Тут была сама Россия. Почти все потеряли все. Приходилось зарабатывать, кормиться тяжелым трудом. Кто пошел на завод, кто на ферму. Многие стали шоферами такси или поступили в услужение. Их дар приспособиться был поразителен. Никогда не забуду отцову родственницу, урожденную графиню. Графиня устроилась судомойкой в кафе на Монмартре. Как ни в чем не бывало, пересчитывала она мелочь, брошенную в тарелки на чаевые. Я приходил к ней, целовал ей руку, и мы беседовали под звук спускаемой в уборной воды, как в великосветской петербургской гостиной. Муж ее служил гар-

деробщиком в том же кафе. Оба были довольны жизнью».

Успех фирмы ИРФЕ

Юсуповы тоже потеряли в России все. Перед самой войной они перевели свои вклады в западных банках в Россию, а потому в эмиграции оказались почти в нищете. Что делать? «Мои родители, – рассказывает родившаяся в Риме последняя из рода Юсуповых Ксения Шереметева-Юсупова, – оказались людьми предприимчивыми. В 1924 году они открыли в Париже модный Дом ИРФЕ. Название было образовано из первых двух букв имени его основателей – Ирины и Феликса Юсуповых. Княгиня Ирина Юсупова, урожденная Романова, была племянницей последнего русского императора Николая II, а мой отец князь Юсупов – потомком одного из самых известных российских родов, чьи корни прослеживаются от пророка Али. Нашли богатого партнера – Жоржа Кювэваса – будущего супруга внучки Рокфеллера, и в маленькой квартире на улице Облигадо в Париже, принадлежащей русскому художнику, были созданы первые платья Дома ИРФЕ. Его дебютный показ состоялся несколько месяцев спустя в отеле «Риц» на Вандомской площади во время грандиозного зимнего бала. Вечер произвел незабываемое впечатление на утонченную парижскую публику. Газеты писали: «Оригинальность, изящество вкуса, тщательный дизайн и артистическое видение цвета поставили это скромное ателье в один ряд с крупнейшими домами моды».

Законодатель мод

Таким образом, русским аристократам удалось сделать невероятное – преуспеть в мировой Мекке модельеров и портных – в Париже! В 1930-е годы Дом ИРФЕ стал настоящим законодателем мод. Не смотря на то что тогда были популярны короткие платья, он предложил собственный стиль, основу которого составляли облегающие, удлиненные женственные силуэты. Но решающую роль сыграли, конечно, обаяние знаменитых имен русских аристократов и их драматическая судьба. «Клиентки, – вспоминал Феликс Юсупов, – были всех национальностей. Приходили из любопытства и за экзотикой. Одна потребовала чаю из самовара. Другая, американка, захотела видеть «князя», у которого, по слухам, глаза флуоресцировали, как у хищника!» Пришла даже некая миллионерша из Египта, мадам Хуби, которая заказала кокошник и 25 платьев, а потом потребовала водки и предложила Юсупову «сплясать с кинжалами». Вдохновленные первым успехом, рассказывает Ксения Николаевна, Феликс и Ирина Юсуповы начали показы в театрах. С тех же пор даже искусственные и высокомерные клиенты из Европы и Америки почитали за честь приобретать туалеты у «самого» князя Юсупова.

Духи ИРФЕ

Популярность Дома моды ИРФЕ стремительно росла, и Юсуповы открыли новый магазин в Париже. Вскоре появились еще три филиала – в Туке, известном курортном местечке в Нормандии, Лондоне и Берлине. Мировая пресса с восторгом освещала деятельность Юсуповых, постоянно выделяя их профессионализм и строгий отбор коллекций, высокую технику шитья, исключительное качество кружев, окрас тканей, неустанное стремление к оригинальному дизайну. Журналы «Вог», «Пари-эlegant» и «Арт энд лайф» помещали рекламу и дизайнерские коллекции ИРФЕ рядом с рекламой крупнейших домов моды, что стало свидетельством уважения к русским стилистам. Успех был таким большим, что вскоре Юсуповы разработали собственную линию парфюмерии – выпустили духи ИРФЕ. Они предложили три аромата: один для блондинок, другой – для брюнеток и третий – для рыжеволосых. Все варианты отличались ярко выраженным пряным восточным ароматом. Рекламный дизайн духов создала греческая принцесса Маргарет (дочь королевы Греции Ольги, урожденной великой княжны Ольги Константиновны из дома Романовых). Позднее был налажен выпуск юсуповского фарфора.

Крах на Уолл-стрит В 1929 году после финансового краха на Уолл-стрит разразился мировой экономический кризис.

Миллионы людей оказались безработными, закрылись тысячи предприятий. Все это принесло большие убытки фирме Юсуповых, а также их богатым клиентам и партнерам. Парижские банки перестали выдавать им кредиты. К этому добавилась семейная драма. Скончалась бабушка княгини Ирины Романовой, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Большевики продали с аукциона личное имущество Юсуповых в Берлине, что позднее привело к смерти великого князя Николая Николаевича. Все это обернулось новыми убытками, и в 1931 году было принято решение о закрытии Дома моды ИРФЕ. Вскоре к Юсупову явились судебные исполнители, Но князь не потерял присутствия духа и неожиданно предложил им «уважить русский обычай» и выпить рюмку водки. Исполнители выпили, им понравилось, выпили еще. «Добил их я, – вспоминает князь, – цыганским романсом... расстались мы лучшими друзьями. Незваные гости отбыли, унося с собой ордер на арест».

Архиепископ Сан-Францисский

Его имя в России до сих пор, к сожалению, мало кому известно. А это был человек необыкновенный и с необыкновенной судьбой. Речь идет об архиепископе Иоанне Сан-Францисском, а в миру – князе Дмитрие Алексеевиче Шаховском. Он учился в Царскосельской школе, жил в Петербурге на Фурштатской. Потом вдруг оказался монахом на Афоне, а дни свои закончил далеко за океаном, в Калифорнии, куда его забросили бурные годы революции.

«Чувство России, – писал он потом в своих воспоминаниях, – стало развиваться у меня с 10-летнего возраста. С благоговением и детской гордостью читал я в историческом повествовании, как, во время Бородинского боя, действовал у деревни Утица против маршала Даву корпус «егерей Шаховского». Тогда генерал-майор и командир егерей в Бородинской битве, прадед мой Иван Леонтьевич стал в 1830-е годы одним из усмирителей Польши, а потом генералом аудиториата (высший чин юстиции в Русской армии). Император Николай I говорил о нем как о «своей совести». Его портрет, висевший у нас и показывавший все российские ордена, возбуждал во мне чувство России. Это чувство русскости у меня еще более обострилось, когда мне стало известно, что наша семья ведет свое начало от Рюрика».

Видел Ленина

Революция не дала ему возможности закончить Александровский императорский лицей, куда он поступил в 1915 году. «Помню эти дни, – пишет он в воспоминаниях, – я тогда жил на Фурштатской улице, напротив американского посольства (мысль о том, что я стану когда-нибудь американским гражданином, даже мухой не летала около меня). Помню, как с балкона этого посольства Родзянко произнес речь к толпе. Толпа стояла безмолвно. Никто, в сущности, не знал, как все сделалось и что сделалось». Видел он и Ленина. И об этом написал:

Я помню, как в семнадцатом году
Пришлось мне часто ездить мимо дома,
Где человек с бородкой, незнакомый,
Сулил довольство, обличал беду.
Истории я не расслышал грома...

Гром грянул

Но гром грянул, в России началась Гражданская война. Вскоре юный князь оказывается в Белой армии. «Наш небольшой отряд направили в только что взятую станицу Константиновскую, – вспоминает он. – Мы маршировали по станице и пели:

Смело мы в бой пойдем за Русь Святую,
И как один прольем, кровь молодую.

Потом, как известно, большевики переделали эту песню в свою:

Смело мы в бой пойдем за власть Советов...
и т. д.

Вскоре начались бои, и вчерашний лицеист в досталь на-смотрелся крови и нечеловеческой жестокости. «Контуженного душевно и физически, меня эвакуировали в Ростов и положили в клинику, поили бромом... Было ясно, что я своевольно сунулся туда, куда Богом не направлялась моя жизнь».

Стихи, посвященные России

В госпитале Шаховскому исполнилось 16 лет. В эмиграции сначала в Париже, потом в Бельгии князь устраивается неплохо, поступает в университет, живет со всеми удобствами в брюссельской квартире своей матери, редактирует журнал «Благонамеренный», пишет стихи. Известность получило одно из первых его стихотворений, посвященное России:

Хотя прекрасны дни былые,
А ныне чужд родимый край,
Но ты молчи, моя Россия,
И голосов не подавай.
Пройдут года, ты скажешь слово,
Тобой зажженное в ночи,
Но на закате дня людского
Ты, униженная, молчи.
Молчи и верь словам поэта:
Быстроизменчивы года.
Бывают ночи без просвета,
Но без надежды никогда.

Его стихотворные сборники выходят один за другим. В журнале Шаховского сотрудничают лучшие авторы русского зарубежья: Бунин, Цветаева, Ремизов, Ходасевич. С Буниным и Зайцевым он знакомится лично, Цветаева посвящает

ему стихотворение, которое он так и не решился напечатать в своем журнале. И вдруг с молодым поэтом и редактором происходит нечто странное.

Нечто странное

Вот как он сам описывает это загадочное событие в своем дневнике: «Я сидел в редакции «Благонамеренного», занимаясь просмотром рукописей за письменным столом. Это была брюссельская квартира моей матери. Был я здоров, молод и совершенно ни о чем в те минуты не думал, кроме литературных задач, они занимали все мое внимание. И – вдруг – все исчезло. И я увидел перед собой огромнейшую Книгу, окованную драгоценным металлом и камнями, стоящую на некой, словно древней колеснице. И на этой Книге была яркая ясная надпись русскими буквами: «Книга книг соблазна». И в это мгновение молодой князь понял всю суету того, чего он занимался, все различие между относительным и абсолютным, преходящим и незыблемым. Он понял это видение, как указание свыше. Он бросает все, уезжает на Святую гору Афон в Греции и там, в русском монастыре Святого Пантелеймона, постригается в монахи, приняв имя отца Иоанна.

На Афоне

«На Афоне, – вспоминает он, – меня поразило погребение монахов. Вмиру погребение имеет вид искренней, глубокой печали, даже отчаяния. На Афоне монашеские погребения лишены всего этого. В них нет никакой печали, это – пасхальное торжество. Быстро идет служба погребения, и лица у монахов вдохновенные – усопший брат вошел в то, ради чего пришел на Афон. Кончина верующего человека – есть истинное начало. Психология и реальность тут иные, чем те, к которым мы привыкли в мире». Вернувшись с Афона, отец Иоанн окончил Духовную академию в Париже. А пастырство его началось в Югославии, в Белой церкви, где тогда было много эмигрантов из России. Потом его посылают в Берлин настоятелем Свято-Владимирского храма.

В то время в большой русской колонии сильно увлекались оккультными науками. Отец Иоанн начинает читать лекции, объясняя несовместимость этих учений с христианством. Яркие и глубокие, они привлекают толпы слушателей. Он начинает читать лекции в Прибалтике, в других местах. Имя отца Иоанна становится известным в Европе. Но над ней уже сгущаются грозные тучи новой войны.

Нести ободрение людям

В годы страданий и лишений он продолжает нести людям ободрение, помощь другим и славословие Господа.

Сегодня ночью плакали сирены
О бедной человеческой судьбе.
А мы вернулись, Господи, к тебе
Из долго мучительного плена.

Но фашизм разгромлен, к Берлину приближается Советская армия. Эмигранты уже знают, какая судьба их ждет в застенках НКВД. Чудом отцу Иоанну удается выбраться из пылающего Берлина. Он скрывается в Баварии, а потом с первым эшелоном уезжает в Париж. Но и там он пробыл недолго. Его друг Игорь Сикорский, знаменитый создатель вертолета, присылает ему вызов в Америку, где его назначают архиепископом Сан-Францисским. И вот только тогда его голос слышат, наконец, на родине. Сорок лет он ведет по радио «Голос Америки» «Беседы с русским народом». Нет, он, конечно, не призывает народ свергать советскую власть, не расхваливает «западную демократию». Архиепископ Сан-Францисский говорит о Боге, о душе, об освобождении человека от сатанинского плена безбожия и материализма. Как сказал один из его биографов: «Он зовет людей чаще поднимать свой взор к небу».

Взор, обращенный к небу

В своих беседах по радио он давал слушателям один важный для каждого совет: «Иногда у человека мелькает мысль. «Не дано мне» (то духовное, что дано другим). Или: «Если бы и мне Господь дал то же!». Захоти, загорись – и получишь много больше. Ты тлеешь, не горюшь, оттого и не получаешь».

Некоторые его мысли весьма поучительны и сегодня. «Собственности у человека меньше, чем он думает. Лишь в мыслях своих миллионер обладает своими миллионами. На самом же деле они обладают миллионером, который в большинстве случаев бывает ими связан, принужден к определенному образу жизни, прикреплен к определенному кругу людей, вынужден иметь вокруг себя искательство, ложь, лесть, зависть, подобоострастие, неискренность, покушения на свою жизнь – физическую и душевную. Разве это не рабство, не каторга, увеличивающаяся по мере увеличения состояния? Велико ли то, что можно купить за деньги? Находится в числе покупок мир души – высшее счастье?» «Жизнь всякого человека, – говорил он, – всегда слишком лична, но она всегда что-то может сказать другим. Ее тайна – единство и неповторимость личности человека. От молодых ногтей несет человек в себе эту неповторимость как образ высшего мира. Удаленность от Света ввергает нас в стандарт-

ность и безличность, а хотя бы малое приближение к Свету открывает в каждом неповторимые, нужные всем черты жизни. Из этих черт составляется Царство Божие в человеке. Мы его носим в себе, и всякому оно открывается в лучшие минуты. Но царство это никого не принуждает к своей любви. Оно, как молитва, к которой нельзя принудить человека».

Чудо с Бальмонтом

Ирина Одоевцева в своих воспоминаниях так описывала начало поэтической деятельности Константина Бальмонта: «Однажды в полубезумном состоянии он выбросился из окна своей квартиры на третьем этаже, пытаясь покончить жизнь самоубийством. Однако угодил прямо в мусорную яму. «А потому, – констатировала Одоевцева, – большого вреда падение ему не принесло, он лишь набил на голове огромную шишку. Но тут произошло чудо. Когда несчастного Бальмонта подобрали в бессознательном состоянии и уложили в постель, он открыл глаза и, к ужасу окружающих, заговорил вдруг... гладкими, певучими стихами! Так шишка на голове сделала прозаика Бальмонта знаменитым поэтом...»

На самом деле тягу к поэзии Бальмонт начал испытывать еще в детстве. «Первые поэты, которых я читал, были народные песни, Никитин, Кольцов, Некрасов и Пушкин. «...Мои лучшими учителями в поэзии были – усадьба, сад, ручьи, болотные озерки, шелест листвы, бабочки, птицы и зори», – вспоминал он в 1910-х годах, – писал он позже о деревушке Гумнищи, в которой родился и, где прошли первые десять лет его жизни.

А родился Константин Бальмонт 1 5 июня 1867 года в глухой провинции – селе Гумнищи Владимирской губернии.

Его отец работал судьей, затем – главой в земской управе. Любовь к литературе и музыке будущему поэту привила мать. Семья переехала в г. Шуя, когда старшие дети пошли в школу. В 1876 году Бальмонт обучался в Шуйской гимназии, но вскоре был исключен за революционные настроения, и доучиваться пришлось во Владимире. Позднее он поступил в Московский университет на юридическое отделение. Учеба там длилась недолго, через год его исключили за участие в студенческих беспорядках.

Стихи он начал писать еще, будучи десятилетним мальчиком, но мать раскритиковала его начинания, и расстроенный Бальмонт на время бросил это занятие. Произошло ли потом все так, как написала Одоевцева, в точности неизвестно. Но в 1890 году из-за бедственного финансового положения и неудачного первого брака, Бальмонт действительно пытался покончить жизнь самоубийством и выбросился из окна, но чудом остался жив. Получив серьезные травмы, он год пролежал в постели и в самом деле за это время написал много стихов. Но его дебютный сборник не вызвал интереса у читателей, и обескураженный поэт уничтожил весь тираж.

Восхождение к славе

Но Бальмонт продолжил упорно писать, занялся переводами. В 1894 он переводит «Историю скандинавской литературы», потом «Историю итальянской литературы». И один за другим издает стихотворные сборники: «Под северным небом», «В безбрежности», «Тишина». И постепенно становится известным как поэт.

Женившись во второй раз в 1896 году, Бальмонт уезжает в Европу. Несколько лет он путешествует. В 1897 году в Англии читает лекции о русской поэзии. Вернувшись, в марте 1901 года Бальмонт принял участие в массовой студенческой демонстрации на площади у Казанского собора в Петербурге, основным требованием которой была отмена указа об отправлении на солдатскую службу «неблагонадёжных студентов». Демонстрация была разогнана полицией и казаками, среди её участников были жертвы. Бальмонт выступил на литературном вечере в зале Городской думы и прочитал стихотворение «Маленький султан», в завуалированной форме критиковавшее царский режим.

В результате поэт был выслан из Петербурга и стал героем либеральной интеллигенции. Его слава быстро стала всеобщей. «Появился целый разряд барышень и юных дам “бальмонтисток” – разные Зиночки, Любы, Катеньки беспрестанно толклись у нас, восхищались Бальмонтом. Он, конеч-

но, распускал паруса и блаженно плыл по ветру» – вспоминал соседствовавший с Бальмонтом Борис Зайцев.

По словам писательницы Тэффи, «...Россия была именно влюблена в Бальмонта... Его читали, декламировали и пели с эстрады. Кавалеры нашёптывали его слова своим дамам, гимназистки переписывали в тетрадки...»

Ведьмы и вампиры

Большой успех принес ему сборник «Будем как солнце», который вышел в 1903 году. В начале 1905 года Константин Дмитриевич снова уезжает из России, он путешествует по Мексике, затем едет в Калифорнию. В его поэзии стали господствовать «демонические» образы: ведьмы, вампиры, вылезшие из гробов мертвецы, чудовищные жабы, химеры и т. д. А самого себя поэт изображает поклонником дьявола:

Если где-нибудь, за миром
Кто-то мудрый миром правит,
Отчего ж мой дух, вампиром,
Сатану поёт и славит.

Бальмонт стал одним из тех, кто приложил руку к расшатыванию России и к ее грядущему краху. После русско-японской войны он написал стихотворение «Наш царь» об императоре Николае II:

Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима,
Наш царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно...
Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,

Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждёт.
Кто начал царствовать – Ходынкой,
Тот кончит – встав на эшафот.

В 1905 году Бальмонт вернулся в Россию и принял активное участие в политической жизни. Е. Андреева-Бальмонт подтверждала в воспоминаниях: в 1905 году поэт «страстно увлёкся революционным движением», «все дни проводил на улице, строил баррикады, произносил речи, влезая на тумбы». Опасаясь ареста, в ночь на 1906 год поэт спешно уехал в Париж.

Побывав в Грузии в 1914 году, перевел на русский язык поэму Ш. Руставели “Витязь в тигровой шкуре”, а также много других. В 1915 году, возвратившись в Москву, Бальмонт ездит по стране с лекциями.

Последняя эмиграция

В 1920 году из-за плохого самочувствия третьей жены и дочери, поэт уехал с ними во Францию. Больше в Россию он не возвращался. В Париже Бальмонт публикует еще 6 сборников своих стихов, а в 1923 году – автобиографические книги: “Под новым серпом”, “Воздушный путь”.

На чужбине поэт сильно тосковал по России и не раз жалел, что уехал. Эти чувства отражались в его поэзии того времени. Жизнь становилась все тяжелее, здоровье поэта ухудшилось, появились проблемы с деньгами. У Бальмонта было обнаружено серьезное психическое заболевание. Последние годы он провел в бедности в предместье Парижа. Он больше уже не сочинял, а лишь изредка читал старые книги. 23 декабря 1942 года в Нуази-ле-Гран, недалеко от Парижа, в приюте “Русский дом” Бальмонт, всеми забытый, умер от воспаления легких.

Тайна Шаляпина

Свой жизненный путь великий Шаляпин начал неудачником – его выгоняли буквально отовсюду. Сначала исключили из школы. «За роман с одной из учениц», хотя ему тогда было всего 8 лет. Потом выгнали из церковного хора за «невыносимый дискант». Позорным провалом обернулось и первое появление гениального певца на сцене. Выйдя из-за кулис в роли статиста, он так волновался, что упал. «За кулисами, – вспоминал в конце жизни Шаляпин, – ко мне подскочил взбешенный режиссер и, схватив за шиворот, спустил меня с лестницы, дав хорошего пинка и пригрозив, чтобы я за версту не смел больше подходить к театру!» На сцене он провел потом всю свою жизнь, прославившись на весь мир.

Родился Федор Иванович в 1873 году в Казани, в паспорте у него записано: «крестьянин». Хотя, по его собственному признанию, он «никогда не брал косу в руки». Ничего хорошего в детстве не видел. Пьющий отец, частые переезды, нищета. Перепробовал несколько специальностей: был сапожным подмастерьем, слесарем, токарем по дереву, переписчиком бумаг. Наконец, в 17 лет поступил в провинциальную труппу Семенова-Самарского и начал петь. Платили ему мало – всего 15 рублей, приходилось даже голодать.

Удача привалила, когда на талантливого юношу обратил внимание бывший солист Большого театра Д. Усатов, из быв-

ших крепостных, который стал бесплатно давать ему уроки пения. Потом Шаляпин часто с гордостью демонстрировал свою гортань – чудо природы, усовершенствованное усердными упражнениями.

Слава его, как певца, быстро росла. В 1895 году Шаляпин дебютировал на сцене Мариинского театра в партии Мефистофеля. Но полностью раскрыть свой талант ему удалось в частной опере миллионера Саввы Мамонтова. Тот предложил ему фантастический по тем временам гонорар – 7200 рублей в год. Потом его пригласили в Большой театр. Гонорары росли: 40, 50 тысяч рублей, а перед войной Шаляпин получал уже 100 тысяч.

Черт Иванович

О секретах уникального баса Шаляпина много писали. Когда он пел в полную мощь, гасли свечи, тряслись люстры, трескались граненые стаканы. Вместе с тем его голос был необычен по тембру, отличался берущей за сердце задушевностью. А кроме того, Шаляпин обладал феноменальным артистизмом, глубочайшим проникновением в образ. Публика театральных залов всего мира приходила от его пения в восторг. Обезумевшие поклонники в Москве и Петербурге выпрягали лошадей из экипажа и сами везли по улицам своего кумира, засыпали его цветами. Русским гением восторгались даже на родине бельканто – в Италии, где он не раз с триумфом пел в миланской «Ла Скала».

«Чертом Ивановичем» – называл его, потрясенный талантом Шаляпина, знаменитый в те годы итальянский певец Труффи. «Он стоит на вершине, особо от всех», – вынес вердикт Станиславский.

Тем не менее, голодная юность давал себя знать. Шаляпин, которого называли «широким русским барином», на самом деле славился отчаянной скупостью и прижимистостью. «Бесплатно, только птичка поет!» – приговаривал Федор Иванович, настойчиво требуя от антрепренеров и театральных директоров за свои выступления бешеные деньги.

Часто певец служил предметом добродушных насмешек

своих друзей. Каждый раз в ресторане, Шаляпин, когда приходило время оплатить счет, растерянно улыбался и говорил: «Вот черт, а у меня с собой всего три рубля...» Друзья знали эту его черту характера и со смехом расплачивались сами.

Легенды о певце

Под конец жизни Шаляпин сильно разбогател, стал скупать антиквариат, старинную мебель. Но ему постоянно не везло. Антиквары подсовывали ему подделки, а все финансовые начинания певца заканчивались ничем.

При жизни о Шаляпине сочинили много легенд. Одну из них распространяли большевики, утверждавшие, будто певец «помогал революции». Однако ничего этого на самом деле не было. Шаляпин любил роскошь и обожал деньги, носил собольи шубы, обедал в лучших ресторанах. В 1909 году в Мариинском театре он встал на колени, когда в ложе появился Николай I и с энтузиазмом запел «Боже, царя храни!»

Тем не менее, певца и на самом деле многие в России считали «левым». Публика ревела от восторга, когда он пел «Дубинушку» или «Блоху». «В чем, – как вспоминал Иван Бунин, – усматривали нечто революционное, сатанинское, издевательство над королями.

Жил был король когда-то,
При нем блоха жила...

И что же случилось? Сатана встал на колени перед царем! От него отвернулись, перестали здороваться».

В 1914 году Шаляпин снова встал на колени перед царем,

когда перед Зимним дворцом состоялась массовая монархическая манифестация в связи с началом войны с Германией.

Народный артист

Ленин и компания понимали влияние и огромный авторитет в массах Шаляпина и, чтобы завоевать певца на свою сторону. Специально для него придумали звание «Народного артиста СССР». Но с большевиками Шаляпин, давно превратившийся в русского барина, ужиться, конечно, не мог. «Соединение глупости и жестокости...» – писал он в дневнике о временах после революции, когда он жил в Петрограде на улице Граф-тио (бывшей Пермской). Он не мог терпеть унижений. Каково было ему, мировому гению, позировать Кустодиеву в чужой шубе, которую ему подарили за концерт (для той самой знаменитой картины, что вошла потом во все книги о певце). Такая фальш была для него непереносима. Ведь Шаляпин понимал, что шуба-то – «краденая», из реквизиций. В результате в 1922 году он уехал за границу, а потом отказался вернуться.

Сергей Рахманинов говорил: «Шаляпин – богатырь. Для будущих поколений он станет легендой». Однако в конце жизни богатырское здоровье гения все-таки дало сбой. В 1937 году Шаляпин вернулся после гастролей в свой парижский дом измученный и со странной зеленоватой шишкой на лбу. Встревоженные врачи долго ничего не могли понять. Потом взяли кровь на анализ и поставили страшный диагноз – лейкемия или «белокровие», как тогда говорили. Специа-

листы с недоумением разводили руками, потому что в таком возрасте и при богатырском здоровье Шаляпина такой болезнью никогда не страдают. Жить ему оставалось 4–5 месяцев, но певцу об этом не сказали.

Ему пытались продлить жизнь переливанием крови. Причем, по иронии судьбы, брали ее у донора по фамилии Шьен, что в переводе на русский означало «Шариков». Над чем Шаляпин посмеивался, поговаривая, что когда выйдет скоро на сцену, «то начнет лаять по-собачьи».

Однако на сцену он больше так и не вышел. Шаляпин умирал. Причем, умирал красиво. Бунин вспоминал: «Такого породистого величия я в нем прежде никогда не видел. Какая была в нем кровь? Та особая, великорусская, что была в Ломоносове, в братьях Васнецовых? В молодости он был крайне простонароден с виду, но с годами все менялся и менялся».

В последний день великого певца по всем французским и английским каналам радио передавали в исполнении Шаляпина арию умирающего Бориса Годунова. Зашедший к нему в этот момент приятель воскликнул потом: «Какой великий артист! На краю могилы он чувствует себя как на сцене, играет смерть».

Перед тем как испустить дух, Шаляпин прошептал: «Дайте воды... Надо петь. Ведь публика ждет...» Его врач Жандрон признался: «Никогда за мою долгую жизнь я не встречал более прекрасной смерти».

Магический перстень

Но некоторые тайны, связанные с Шаляпиным, остались и после его смерти. В мемориальной квартире-музее великого певца, что на улице Графтио в Петербурге, хранится много его подлинных вещей. Мебель, костюмы, документы, коллекция старинного оружия, подаренная Горьким, картины. Есть и знаменитый портрет Шаляпина во весь рост кисти Бориса Кустодиева, написанный в 1921 году и переданный позднее в музей дочерьми певца. На нем-то и можно рассмотреть самый ценный «экспонат» этого музея, которого, однако, «в натуральном виде» в мемориальной квартире нет.

Речь идет о массивном перстне с сердоликом и бриллиантами, надетом на мизинец правой руки Шаляпина. Мизинец на картине кокетливо отведен немного в сторону, а сама рука находится на уровне груди. Наверное, художник сделал это специально, чтобы перстень был более заметен.

– Да, конечно, – рассказал еще в 1978 году в Риме автору этой книги сын Шаляпина Федор. – Конечно, я думаю, художник это сделал не просто так. Ведь это был очень знаменитый перстень, и отец его очень ценил и дорожил им. В свое время он принадлежал самому Петру I и был освящен патриархом всея Руси.

– А как же этот перстень попал к Шаляпину?

– Не знаю, – покачал головой Федор Федорович. – Знаю только, что отец никогда с ним не расставался. Он верил, что тот, кто его носит, не имеет проблем с возрастом и всегда в голосе. Вы знаете, ведь певцы, как и все люди искусства, – очень суеверный народ. Обращают внимание на всякие мелочи.

Однажды, например, Шаляпин обратил внимание на одного человека, который постоянно на всех его концертах всегда сидел в первом ряду и не сводил с певца глаз. Отец уже начал было думать, что это – самый преданный поклонник его таланта. Но оказалось, наоборот. «Любитель пения» приходил на концерты Шаляпина совсем по другой причине. Он завидовал его колоссальному успеху и ждал, когда же отец потеряет голос! Когда Шаляпин про это узнал, то долго смеялся, но перстня перед концертами потом никогда не снимал...

Перстень, по виду явно древний, работы старых мастеров, выполнен из золота, но ободок его от многих лет ношения стал тоньше. На массивной оправе искусно выгравирован старец, стоящий на коленях перед крестом. В перстень вставлены два бриллианта чистой воды. Очень старые, потому что на них даже простым глазом видны трещинки. Шаляпин обычно носил перстень, поворачивая камни во внутрь.

Удача Илки Поповой

С этим перстнем связана одна интересная история. В 30-е годы, когда Шаляпин уже жил в эмиграции в Париже, в Европе гремело имя болгарской певицы Илки Поповой. Образ старой графини, мистической обладательницы тайны трех карт, в «Пиковой даме» в ее исполнении до сих пор считается образцовым. Во время прославленных Русских сезонов в Париже она пела вместе с Шаляпиным не только в этой опере, но и в «Борисе Годунове» и в «Князе Игоре».

Однако в этот момент – певица была уже в возрасте – у Поповой начался кризис голоса. У нее появился страх, что она может потерять его или во время выступления с ней произойдет какой-нибудь другой конфуз. Опечаленная Попова обратилась к врачам, психиатрам, стала расспрашивать вокальных педагогов, но никто ей помочь ничем не мог. Репетируя вместе с Шаляпиным, она поделилась и с ним своей бедой. Да он и сам уже заметил, что у певицы не все в порядке с голосом, который звучал уже не так, как надо, и решил ей помочь. Шаляпин снял с пальца свой перстень и, рассказав про его историю, сообщил:

– Это – знаменитый талисман. Кто его носит, никогда не имеет проблем с голосом.

Илка Попова надела перстень и выступила с ним на премьере оперы «Фаворитка». Успех был ошеломительным. Го-

лос певицы звучал как никогда мощно и красиво.

Попова не знала, как благодарить своего спасителя и стала перед каждым выступлением просить у него чудотворный талисман. Шаляпин, который в последние годы болел и уже почти не мог сам выступать, отдал ей чудодейственный перстень насовсем.

Продолжение чудес

Прошло много лет. Шаляпин уже умер, да и сама Попова состарилась и перестала петь. Однажды она пригласила к себе журналиста Марина Бончева, который написал про нее книгу, и решила его отблагодарить:

– Я хочу, – сказала она, – подарить тебе очень дорогую старинную вещь. Ты будешь носить перстень Шаляпина...

Об этой истории Бончев, который сразу поверил в чудодейственную силу подарка, потом сам написал в своих мемуарах. «Лично я, – признался Бончев, – лишь однажды им воспользовался. Анна Томова-Синтова должна была петь в Берлинской городской опере в «Отелло» Верди... Появление на сцене для певицы имело большое значение – это был ее официальный дебют. Как на грех, Анна выглядела слишком нервной, возбужденной, а на премьеру были приглашены мастера, импресарио, дирижеры, режиссеры. Неудача могла оказаться роковой... Тогда я и рассказал историю перстня и надел его Ане на палец. Ее Дездемона очаровала публику...»

Историю необычайного перстня тщательно исследовал в свое время ученый-минералог и большой знаток драгоценных камней Спартак Ахметов. По его сведениям, в настоящее время шаляпинская реликвия хранится в сейфе Болгарского национального банка среди самых важных сокровищ государства.

Некоторые полагают, что воздействия перстня было чисто психологическим: певцы и певицы верили, что он поможет, и он помогал. Однако есть и другое объяснения. Дело в том, что в кольце был еще и сердолик. А еще в древности люди замечали целительные свойства этого камня. Позднее ученые обнаружили слабое радиоактивное излучение, исходящее от сердоликов и этим объяснили их оздоравливающее действие на человеческий организм. Во время войны в сибирских госпиталях лечение сердоликовым лучом приводило к улучшению состава крови, снижению температуры, заживлению ран. Улучшался сон и аппетит раненых. Может именно эти качества камня и в самом деле могли повлиять на голос певицы?

У Шаляпина был не один перстень. Известно, что другой его дочь подарила российскому певцу Борису Петрову, когда он гастролировал в миланской Ла Скале. Этот перстень потом оказался в музее Шаляпина в Москве. Были у великого баса еще и перстни с личными монограммами, которые он тоже иногда дарил.

«Красный пиджак»

Владимира Третчикова

Кто был самым популярным в мире русским художником в XX столетии? Очень немногие, наверное, правильно ответят на этот вопрос, потому что речь идет об известном только узкому кругу специалистов, Владимире Григорьевиче Третчикове. В 1961 году в Лондоне был установлен рекорд – его выставку посетило 205 тысяч человек, а по продажам своих картин он уступал только Пикассо. Жизненный путь художника не был усыпан розами, а напоминал, скорее, лихо закрученный приключенческий фильм: он эмигрировал вместе с родителями после революции в Китай, едва спасся с тонущего корабля, потопленного японцами, сидел в тюрьме на Яве, работал в знойной Джакарте, а прославился на весь мир, когда оказался в далекой ЮАР.

Родился Владимир Григорьевич в декабре 1913 года в Южной Сибири, на территории нынешнего Казахстана в состоятельной крестьянской семье. А потому, наверное, был поразительно похож на другую мировую знаменитость из русских крестьян – Сергея Есенина. Хотя сам об этом не догадывался, ему об этом сказали уже под старость, приехавшие в ЮАР во времена «перестройки» советские журналисты. Своего отца Третчиков в интервью называл по-разному

– то крупным землевладельцем, то скотопромышленником. В Петропавловск его предки из секты молокан переселились, вероятно, с юга России. Оказавшись после 1917 года вместе с родителями в Харбине, юный эмигрант рано их потерял, и был вынужден с 11 лет сам зарабатывать себе на кусок хлеба. Он трудился печатником в типографии, разнорабочим в театре, малевал декорации, а все свободное время рисовал, чувствуя, что именно в этом его призвание.

Ленинский почин

Когда ему стукнуло 15 лет, Володя нарисовал очень похожие портреты Ленина, которого никогда не видел, а также вождя китайской революции Сунь Ятсена. Эти рисунки привели в полный восторг директора КВЖД – Китайской восточной железной дороги, которая тогда принадлежала СССР. Директор щедро снабдил юного художника деньгами и отправил на учебу в Москву. Но Третчикову не повезло – в Шанхае его обворовал собственный брат. Впрочем, может быть и, наоборот, – сорвавшаяся поездка в страну, где как уверяла советская пропаганда, создавали «рай для трудящихся», избавила юное дарование от очень больших неприятностей. Ведь известно, что все приехавшие потом в СССР служащие КВЖД были арестованы, как «японские шпионы», и сгинули в сталинских лагерях.

Словом, талантливому русскому юноше пришлось начинать карьеру художника в Юго-Восточной Азии. Сначала работал карикатуристом в газете «Шанхай ивнинг пост» – он выиграл это место по конкурсу, потом его наняло крупнейшее рекламное агентство британской Малайи. Налицо были и первые успехи – в 1939 году Третчиков получил медаль Галереи науки и искусства Нью-Йорка. Молодой художник обладал не только незаурядным талантом, но и невероятной трудоспособностью, работал и днем и ночью. Писал

маслом, акварелью, углем, карандашом. Работал быстро и точно. Вскоре он женился на Наталье Тельпрегоф – девушке из семьи русских эмигрантов. Но тут грянула Вторая мировая война, которая застала Третчикова в Сингапуре, тогдашней британской колонии, где он работал в министерстве информации. После японской бомбардировки жена с дочкой успели эвакуироваться в Кейптаун вместе с отступавшими британскими войсками, а корабль, на котором позднее хотел уехать Третчиков, был потоплен японцами.

Мистический оберег

Художник чудом остался в живых. Мест на пароходе не было, и он залез в шлюпку, на которой потом спасались пассажиры стремительно идущего на дно судна. Три недели он греб веслами под палящим солнцем в кишасщем акулами море. Мозоли потом не сходили с ладоней десять лет. Ему удалось добраться до острова Ява, но там он сразу угодил в тюрьму, потому что остров был уже оккупирован японской солдатней. Но когда выяснилось, что Япония в войну против СССР не вступила, то Третчикова отпустили – японцы не стали разбираться, что он не был гражданином СССР. «Русский? Ну и ладно!» – и двери камеры отворились.

На Яве судьба его свела с богатым коллекционером живописи – доктором Сукарно, будущим президентом Индонезии. Он хотел купить у Третчикова картины, но тот отказался от выгодной сделки, сказав, что хочет устроить выставку. «Какая выставка, когда идет война?» – изумился Сукарно. С тех пор Третчикова прозвали «русским сумасшедшим».

Всю войну художник провел в Индонезии, в Джакарте, пять лет не зная, что же случилось с женой и ребенком, которые отплыли в ЮАР. На жизнь он снова зарабатывал кистью и карандашом, рисовал карикатуры, писал портреты на заказ. Именно там он начал создавать картины, которые потом стали его фирменным стилем. Одна из них, назван-

ная «Красный пиджак», изображала восточную красавицу с непроницаемым лицом и полуобнаженной грудью в небрежно накинутом на плечи красном пиджаке, рядом с которой лежал малайский ритуальный кинжал.

Необычный для тех лет эротический вызов, содержащийся в картине, и элементы восточной экзотики имели успех. Элеонора Молтемо (он называл ее «Ленка»), дочь голландского пилота, которая позировала для этой картины, стала его другом и его музой. Она считала, что это полотно – своеобразный оберег художника. И в самом деле, когда он его продал, Третчикова стали преследовать несчастья, удача от него отвернулась. Дважды он попадал в тяжелейшие автокатастрофы, едва выжил. Указание судьбы было им понято – художник выкупил картину-оберег обратно.

Тайный диверсант?

Однако японцы, отпустившие русского, стали подозревать его в причастности к местному сопротивлению. В его доме охранка несколько раз делала обыски. Однако Третчиков свое участие в сопротивлении отрицал. Между тем в порту был взорван японский танкер, а ходили слухи, что в начале войны в Сингапуре русский эмигрант проходил у англичан подготовку именно к такой диверсионной работе.

Между тем жизнь продолжалась. Однажды Леонора привела его на спиритический сеанс. Там Третчикову было объявлено, что его жена и дочь живы, а его самого ждет мировая слава. Художник сначала не поверил, но все именно так и произошло. В 1946 году его жена и дочь нашлись в Кейптауне, а Красный крест помог семье объединиться. Третчиков, расставшись с Леонорой, отправился с багажом из многочисленных картин в ЮАР, где остался с семьей уже навсегда.

Сбылось и предсказание мировой славы. Однако поначалу его картины никто не хотел покупать. Но вот однажды в его мастерскую влетел голубь, на лапке которого была бирка с номером 13. Третчиков счел это счастливым знаком и тут же нарисовал портрет этого голубя. И, действительно, с этого дня все переменялось. Его картинами заинтересовались. На его первые выставки в Кейптауне, Йоханнесбурге и Дурбане стали выстраиваться километровые очереди, были по-

биты все рекорды по сборам. С успехом проходят его экспозиции и в США. В Лондоне его выставку посещает более 200 тысяч человек. Ток-шоу с его участием смотрят по телевидению миллионы зрителей в Англии и Канаде. Картины русского художника продаются за баснословные деньги. В 1970–1980 гг. Третчиков – самый кассовый художник в мире, второй после Пикассо по числу проданных работ. Не знали его только в одной стране – в СССР.

Особенный успех имела ставшая знаменитой «Китаянка» – изображенная на полотне экзотическая дама с лицом странного зеленоватого оттенка. Для жителей Англии, Канады, Новой Зеландии, Австралии, Южной Африки репродукции с этой картины стали такими же привычными, как у нас «Три богатыря» или «Утро в сосновом лесу», которые в советские времена висели во всех заведениях общепита. Также становятся популярными другие его портреты восточных женщин с такой же очень экспрессивной цветовой гаммой – «Мисс Вонг», «Дама с Востока», «Зулусская девушка» и т. п.

Символ поп-культуры

Третчиков много путешествовал по Африке, изучал быт и искусство, населяющих ее народов, соединив их стиль и традиции со своим глубоким знанием азиатского Востока. Вместе с африканскими рыбаками ходил в море, сидел вместе с ними у костра. Впрочем, в некоторых его картинах, как например, «Понедельник перед Великим постом» и «Умиравший лебедь», посвященной известной балерине Анне Марковой, есть и русские мотивы.

В итоге художник, который оказался еще и отличным менеджером своего собственного «товара», штурмом взял западный арт-рынок, заполнив его произведениями необычного качества. Репродукции с картин Третчикова, ставших символами западной поп-культуры, продавались не только в художественных салонах, но даже в отделах дамского белья универмагов и в крупнейшей британской сети аптек.

Для обывателя англосаксонских стран полотна Третчикова явились олицетворением далекого и сказочного Востока. К тому же они хорошо гармонировали с вошедшими тогда в моду интерьерами квартир и фильмами о Джеймсе Бонде. Когда Дэвида Боуи спросили, какую картину он хотел бы приобрести больше всего, знаменитый певец без колебаний ответил: «Китайку» Третчикова. О творчестве художника было снято несколько фильмов крупнейшими кинокорпора-

циями, в том числе Би-би-си и Евровидением.

Табу на родине

Работал он в стиле гиперреализма, писал в основном, портреты. А искусствоведы яростно спорили и продолжают спорить о его своеобразном творчестве, некоторые считают полотна русского художника «китчем», другие отмечают большое влияние на него Гогена. В Советском же Союзе на творчество выходца из России было наложено строжайшее табу – ведь он был эмигрантом! К тому же в СССР женщин было принято изображать в стиле социалистического реализма – с отбойным молотком или с веслом в руках. А неподвижно застывшие эротические красавицы Третчикова олицетворяли, по мнению советских критиков, «буржуазное эстетство» и «разложение».

В России он так снова не побывал, но русский язык не забывал. По-английски говорил плохо, а африкаанс, на котором говорило местное население, не знал вовсе. Он собирался приехать на родину, когда рухнул СССР, но уже чувствовал себя старым и немощным для такой дальней поездки. Умер Владимир Третчиков в зените славы в возрасте 93 лет (из них 60 лет он провел в Африке) на своей фешенебельной вилле в пригороде Кейптауна Бишоп Корт, окруженный заботливыми детьми и внуками, в 2006 году. Но последние годы были тяжелыми – его горячо любимая жена, также как и дочь Мими, страдали тихим умопомешательством.

Неугасимая лампада

Имя Бориса Ширяева мало кому у нас известно. Когда будущий писатель сидел в первом советском концлагере на Соловках, 84-летний профессор-серб Кривош-Неманич, занимавшийся магией и хиромантией, предсказал, что он умрет в Италии. Ширяев не поверил, однако ему удалось спастись, и свою книгу о советской каторге «Неугасимая лампада» он закончил на Капри. В ней он не только описал все ужасы зарождавшейся тогда в СССР организованной системы рабского истребительного труда, но и привел многочисленные примеры необыкновенной высоты духа, героизма и самопожертвования безвестных мучеников Соловков.

Ширяев вместе с другими узниками прибыл на Соловки на пароходе «Глеб Бокий», названный так по имени известного тогда чекиста. Новую партию осужденных встречал сам начальник лагеря свирепый «товарищ Ногтев». Он выстроил прибывших на берегу и заявил: «Вот, надо вам знать, что власть у нас здесь не советская, а соловецкая! Обо всех законах надо теперь позабыть. У нас свой закон...». Как действует это закон, товарищ Ногтев тут же и показал. Один за другим заключенные проходили мимо будки, в которой он сидел с карабином, хладнокровно убив несколько человек. «Он делал это, – вспоминает Ширяев, – не силу личной жестокости, он скорее был добродушен во хмелю. Но этими вы-

стрелами он сразу стремился нагнать страх на новоприбывших, внедрить в них сознание полной бесправности, безвыходности, пресечь в корне возможности попытки протеста».

Фрейлина трех императриц

Однажды на Соловки доставили старую баронессу, «с известной всей Россией фамилией», служившей при дворе фрейлиной «трех императриц». Ее специально поместили в барак, в котором жили проститутки, уголовницы, бывшие содержательницы притонов, торговли кокаином. Там баронесса была встречена не «в штыки», а даже еще более жестоко и враждебно. «Стимулом к травле было ее прошлое. Женщины не умеют подавлять в себе, взнуздывать это чувство и всецело поддаются ему. Слабая хилая старуха была ненавистна не сама по себе в ее настоящем, а как носительница той иллюзии, которая чаровала и влекла к себе мечты ее ненавистниц.

Прошлое, элегантное, утонченное, ярко проступало в каждом движении старой фрейлины, в каждом звук ее голоса. Она оставалась аристократкой в лучшем, истинном значении этого слова, и а Соловецком женбараке, в смраде матерной ругани, в хаосе потасовок она была тою же, какой ее видели во дворце. Она не чуждалась, не ограничивала себя от окружающих, не проявляя и тени того высокомерия, которым грешит ложный аристократизм».

Тотчас по прибытии баронесса была, конечно, назначена «на кирпичики» – тяжелейшую работу по тасканию кирпичей, которую редко кто выдерживал более двух-трех меся-

цев. «Баронесса! Фрейлина! Это тебе не за царицей хвост таскать!» – ликовали уголовницы. Они не спускали с нее глаз и жадно ждали вопля, жалобы, слез бессилия, но этого им не пришлось увидеть. Самообладание, внутренняя дисциплина, выношенная в течение всей жизни, спасла баронессу от унижения. Не показывая своей усталости, она доработала до конца, а вечером, как всегда долго молилась, стоя на коленях перед маленьким образком». То же повторялось и в последующие дни. Баронесса спокойно и мерно носила сырые кирпичи, вернувшись в барак, тщательно чистила свое платье, молча съедала миску тресковой баланды, молилась и ложилась спать на свой аккуратно прибранный топчан. Она не чуждалась никого и со всеми разговаривала совершенно одинаковым тоном. Она делала и говорила «что надо», так, как делала это всю жизнь.

Таинство пробуждения Человека

Нарастающее духовное влияние баронессы чувствовалось в бараке все сильнее. Проститутки и воровки начали относиться к ней с явным уважением. В ее присутствии стали сдерживаться, переставали материться. «Это великое таинство пробуждения Человека совершалось без насилия и громких слов», – отмечает Ширяев. Когда пришла пора выбирать кандидата на «блатную» должность – уборщицы барака, то уголовницы единогласно выбрали баронессу. Это было большой «милостью» к ней. Работа считалась легкой, за место уборщицы жестоко боролись. Во время страшной эпидемии сыпняка, срочно понадобились санитарки в барак к умирающим. Туда, на верную смерть, посылали на добровольной основе, но никто из заключенных сам идти не хотел.

– Так никто не хочет помочь умирающим? – спросила начальница санчасти.

– Я хочу, – тихо ответила баронесса. И тут же за ней записалось еще несколько женщин.

Работа в сыпнотифозном бараке была страшной. Больные лежали вповалку на полу и сестры руками выгребали из-под них пропитанные нечистотами стружки. Но баронесса работала днем и ночью, так же мерно и спокойно, как носила кирпичи и мыла пол женбарака. Но час пробил, и на руках и шее баронессы появилась зловещая сыпь.

– Баронесса, идите и ложитесь в особой палате... Разве вы сами не видите? – сказала начальница.

– К чему? – спокойно ответила та. – Вы же знаете, что мои годы от тифа не выздоравливают. Господь призывает меня к себе, но два-три дня я еще могу служить ему. Надзирательница не выдержала, обняла и поцеловала умирающую...

Душу за други

Убежать с Соловков было невозможно. У чекистов имелись быстроходные катера и даже самолет. Однако несколько морских офицеров все же решились на побег. Душой заговора был князь Шаховской, более известный на Соловках под фамилией Круглов. Им помог случай. Талантливый морской инженер Стрижевский сконструировал для морских прогулок начальника лагеря глиссер-моторный катер с воздушным винтом (кстати, первый в мире!), развивавший скорость вдвое большую, чем катера обычного типа, которые были у чекистов береговой охраны.

Но оставался самолет. Он хранился в ангаре, который охранялся и днем и ночью. Уход за самолетом вел некто Силин. О нем было мало, что известно. Говорили, что в прошлом он был знаменитым морским летчиком, носившим другую фамилию. Он и взял на себя главную роль в осуществлении побега, пообещав вывести самолет из строя. «Это не был риск, – пишет Ширяев, – это было осознанное обречение себя на гибель. Сам он бежать не мог, потому что находился под постоянным наблюдением. На сохранение жизни у него не было ни единого шанса. Он шел на неотвратимую смерть. Но он пошел».

Отважные беглецы вышли в море ночью. Часового при катере оглушили и связали. Их отсутствие было обнаруже-

но только на утренней поверке. Беглецы могли уйти за ночь на 250–300 километров. «Самолет!» Мотор его был разобран для генеральной чистки. Некоторые его части оказались негодными. Силин был расстрелян, но никого не назвал на допросах. Он «положил живот свой за други своя» и совершил этот подвиг, следуя славной традиции Русского императорского флота. Он был верен ей до конца.

Жив дух Руси

«Однажды, – пишет Ширяев в заключение своей книги, – глухой безлунной ночью я возвращался пешком из отдаленной командировки». Дорога шла лесом, и он сбился с тропинки. Вдруг в темноте мелькнул отблеск какого-то луча. Подойдя вплотную, автор понял, что свет идет из крохотного оконца землянки. Заглянув в него, он увидел стоящего на коленях возле раскрытого гроба отшельника. Горела лампадка, и бледные отблески ее света падали на темный лик древней иконы... До рассвета пораженный заключенный стоял у окна, не в силах войти. «Я думал, – пишет он, – нет... верил, знал, что пока светит бледное пламя Неугасимой, жив и дух Руси – многогрешной, заблудшейся, смрадной, кровавой... кровью омытой, крещенной ею, покаянной, прощенной и грядущей к воскресению...».

Княгиня против Гестапо

«Не падайте духом, поручик Голицын, корнет Оболенский, надеть ордена!» Княгиня Вера Оболенская (друзья называли ее Вики) в Белой армии не служила, но ей присвоили звание младшего лейтенанта армии французской. Ордена она тоже могла одеть – французский Почетного легиона и советский Отечественной войны. Ее жизнь, о которой подробно рассказала в своей книге «Вики. Княгиня Вера Оболенская» Людмила Флам, сложилась так, что сражаться с врагом ей пришлось далеко от обожаемой России, которую ее семья покинула после революции.

Отец ее мужа был градоначальником Петербурга. После его смерти в Париже в 1924 году Николай Оболенский стал старшим представителем древнего рода князей Оболенских, ведущих начало от Рюрика. Его мать – петербургская красавица Саломия Николаевна была дочерью светлейшего князя Даддани Менгрельского. Вера, которую в семье называли Вики, была дочерью бакинского вице-губернатора Аполлона Макарова, который окончил в Петербурге училище правоведения. Поженились Николай и Вики в Париже незадолго до войны, уже в эмиграции. Так очаровательная Вера Макарова стала княгиней Вики Оболенской. Ужасы революции, драматического бегства из России не отразились на жизнерадостном характере Вики, ведь, когда семья покинула Россию, ей

было всего 9 лет. Девушка обладала кипучей энергией, оптимизмом, феноменальной памятью, была очень способной к языкам. Но юную красавицу поначалу больше интересовали танцы и молодые люди, чем науки или политика. Вики была большой модницей и обожала светскую жизнь. Вошла в веселую парижскую компанию некоего титулованного русского, который неожиданно получил от дяди большое состояние и дал слово промотать его на «красивую жизнь», а потом покончить с собой. Что он потом и сделал. А до этого, еще до замужества, Вики вместе с ним и его друзьями весело кутила в Париже. Ну а потом ей пришлось вести трудную жизнь, как и другим эмигрантам. Сначала работала манекенщицей – манеры и шарм русских аристократок поражали французов, а затем – помогло знание языков – устроилась секретаршей в коммерческую фирму.

Менгрельские сокровища

Все изменилось, когда Вики познакомилась с Николаем Оболенским. Благодаря приобретенной его семьей еще до революции недвижимости в Ницце князь жил в эмиграции относительно безбедно. Про него шутили, что он был одним из немногих русских в Париже, кто ездил в такси не в качестве шофера. В будущем его материальное положение могло еще более упрочиться. В подвалах государственного банка Франции хранились десять ящиков менгрельских сокровищ, принадлежавших князьям Дадиани. Их вывезли из дворца в Зугдиди члены меньшевистского правительства Грузии при бегстве отсюда в 1921 году. Парижские адвокаты уверяли, что права на эти сокровища матери Оболенского бесспорны. Однако французские власти не спешили возвращать ящики с драгоценностями эмигрантам из России. А потому вскоре после свадьбы в 1937 году Вики снова пришлось вернуться на работу секретаршей.

Словом, мирная парижская жизнь закончилась быстро – Европу охватил пожар мировой войны. Вскоре немецкие войска оккупировали Париж. Поначалу французское сопротивление было очень слабым, большинство жителей страны были довольны, что ужасы войны закончились и наступил мир. Французы еще не знали, что немецкая оккупация обернется жестоким террором, расстрелами заложников, беспо-

щадной охотой за евреями. Даже французские коммунисты сидели сложа руки, не зная, что делать, поскольку Сталин заключил в это время с Гитлером пакт о ненападении. А их глава Морис Торез, дезертировав из французской армии, бежал в СССР. Силы же «свободной Франции» сгруппировавшиеся в Лондоне вокруг генерала де Голля были еще малочисленными. Однако для Вики сомнений не было – она сразу решила бороться с оккупантами! Оболенская, а также ее муж стали активными участниками одной из первых групп Сопротивления, созданной во Франции Жаком Артюисом.

Аристократы в Сопротивлении

Поэтому, вопреки широко распространенному мнению, первыми активистами Сопротивления во Франции оказались вовсе не коммунисты, а люди правых убеждений, в том числе и русские аристократы Вера и Николай Оболенские, княгиня Шаховская и другие. Сначала их сеть была невелика, но она быстро росла и расширялась. Центром сбора информации стало парижское кабаре «Монте-Кристо», которое посещали высокопоставленные немецкие военные. Организация, куда входила Вики, собирала сведения о передвижениях немецких войск, которую передавала в Лондон, вызволяла из лагерей военнопленных французских офицеров, помогала прятаться сбитым над Францией английским летчикам, снабжала их фальшивыми документами, спасала от облав и вывоза в лагеря смерти французских евреев, помогая им бежать в Швейцарию и Испанию. Однако военных акций и покушений на немцев подпольщики не организовывали. Так считал де Голль, полагая, что они приведут лишь к репрессиям против мирного населения. Подпольщики – организацию называли ОСМ – собирали и прятали в тайниках оружие, чтобы использовать его, когда настанет решающий момент освобождения Франции.

«Тут бомба, месье!»

Вики была генеральным секретарем ОСМ, постоянно встречалась со связными и представителями подпольных групп, передавала им задания, принимала донесения. Обладая феноменальной памятью, она никогда ничего не записывала, держала в памяти все адреса и явки, фамилии и клички связных. Ее кипучая энергия и твердая уверенность в победе над врагом воодушевляли подпольщиков. В самых опасных ситуациях Вики не теряла присутствия духа. Однажды, когда на улице ее остановил жандарм, который захотел проверить ее чемодан, где лежали секретные донесения подпольщиков, она обворожительно улыбнулась и непринужденно заявила: «Тут небольшая бомба, месье!». Засмеявшись в ответ шутке, жандарм галантно пропустил красивую даму, не проверив чемодан. Верной помощницей Вики стала ее русская подруга Софья Носович, которую все называли Софка. В парижском Музее человека молодые русские ученые-этнографы Борис Вильде и Анатолий Левицкий тоже основали подпольный комитет, помогавший ОСМ. В подвале музея они печатали листовки, а в декабре 1940 года выпустили первый номер подпольной газеты «Резистанс». Кстати, именно благодаря этой газете, издаваемой русскими в Париже, название «Резистанс» («Сопротивление») перешло на все французское движение борьбы с гитлеровской оккупацией.

План нападения на СССР

Помогали подпольщикам многие русские эмигранты: дочь композитора Скрябина Ариадна, русский священник Дмитрий Клепинин, настоятель парижской Введенской церкви, монахиня мать Мария, известная в России до революции как поэтесса Кузьмина-Караваева. Мать Мария встретила потом смерть в нацистском лагере смерти Равенсбрюк. Незадолго до окончания войны она поменялась курткой с обреченной на газовую камеру еврейкой и под ее номером отправилась на смерть... Одним из главных достижений ОСМ стала переправка союзникам детального плана оборонительных сооружений Атлантического вала еще за два года до высадки их в Нормандии. Похитил план завербованный организацией маляр, который производил ремонт в помещении немецкой строительной фирмы «ТОДТ». Он спрятал его в дымоходе камина, а когда пропажи хватились, то никак не могли найти. Позднее маляр спокойно вынес чертежи, и их отправили в Лондон. По мнению историков, если бы не этот план, успех высадки союзников в Нормандии был бы под вопросом. В кабаре «Монте-Кристо» подпольщикам удалось выведать у пьяного офицера из штаба главнокомандующего вермахта во Франции точную дату нападения на СССР. «Через восемь дней мы отправляемся в Россию!» – объявил офицер сидевшей у него на коленях девице.

Это услышал управляющий заведением Кирилл Макинский,
русский член ОСМ.

Смерть на гильотине

Однако гестапо и военная контрразведка не дремали. Вскоре один за другим были арестованы почти все члены ОСМ. Вики арестовали на квартире у Софки Носович. Потребовав у Оболенской удостоверение, один из гестаповцев не удержался: «Вот это да! Настоящая княгиня!». Затем последовали месяцы изнурительных допросов, наручники не снимали ни днем, ни ночью. Вики держалась стойко, никого не выдала. Но гестапо знало уже слишком много. Ее переводили из тюрьмы в тюрьму, а в конце концов приговорили к смертной казни. Героиню Сопротивления гильотинировали в берлинской тюрьме Плётцензе 4 августа 1944 года. Тело ее так и не было найдено. За каждую отрубленную голову палачу причиталось 60 марок премиальных. После исполнения смертного приговора родственникам присылали счет за пребывание в тюрьме плюс 60 пфеннигов за почтовые расходы...

Но имя героической русской княгини не было забыто. Фельдмаршал английской армии Монтгомери издал специальный приказ, в котором написал: «Хочу запечатлеть мое восхищение перед заслугами Веры Оболенской, которая отдала свою жизнь, чтобы Европа снова стала свободной...». Французское правительство наградило ее Военным крестом с пальмовой веткой и кавалерским орденом Почетного ле-

гиона. В СССР в 1965 году Вики указом Президиума Верховного Совета была награждена посмертно орденом Отечественной войны. Николай Оболенский, который неоднократно выполнял опасные поручения подпольщиков, тоже получил от де Голля Орден Почетного легиона. Не пропали и менгрельские сокровища его матери. Когда генерал де Голль отправился с официальным визитом в Москву, то передал ящики в подарок Сталину в знак дружбы между двумя народами. После войны Николай Оболенский стал священником, до последних дней жизни служил настоятелем Александро-Невского собора, в котором они с Вики венчались. Это решение князь принял, узнав о страшной гибели на гильотине своей обожаемой жены. Когда отец Николай умер, хоронил его весь русский Париж...

«Я верю, Россия победит!»

Это заявила Елизавета Кузьмина-Караваева в оккупированном Париже в тот день, когда Гитлер напал на Россию. Выдающаяся русская поэтесса, философ и религиозно-общественный деятель жила там в эмиграции, приняв монашеский постриг под именем мать Мария. А когда ей было 15 лет, то очарованный ею Александр Блок писал: «Когда вы стоите на моем пути, такая живая, такая красивая...». Однако суждена была этой необыкновенной женщине страшная судьба: ее сожгли в печах нацистского концлагеря Равенсбрюк всего за несколько дней до прихода Красной армии...

Родилась Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева 20 декабря 1891 года в Риге, но детство провела на юге России, в Ялте и Анапе. Ее дед Дмитрий Пиленко был из запорожских казаков, дослужился до генерал-майора, создал, уйдя в отставку, огромный сад и виноградники, сыграл важную роль в основании Анапы и Новороссийска. А его сын, отец будущей матери Марии, в 1905 году стал директором знаменитого Никитского ботанического сада. В 1906 году в жизни юной Лизы случилась трагедия – ее обожаемый отец неожиданно умер. Это так потрясло 15-летнюю девочку, что она на какое-то время разуверилась в Боге. Вместе с матерью, урожденной Софьей Делоне, происходящей из старинного рода Рюриковичей, они переехали в Петербург.

Столичные соблазны

В столице юную провинциалку, которая поселилась у сестры матери, фрейлины царского двора, ждала совершенно другая жизнь. Благодаря связям матери она очутилась в самом изысканном обществе. Подружилась с Ахматовой и Городецким, посещала собрания поэтов в знаменитой «Башне» Вячеслава Иванова, наслаждалась стихами Гумилева, а потом попала под колдовское влияние поэзии Блока. Стала писать сама, и ее первая книга стихов была замечена критикой. Однако уже тогда юная Елизавета стремилась к подвигу и жертвенности. Она поступает на Бестужевские курсы и вскоре становится первой женщиной-студенткой Духовной академии, заочно изучающей богословие.

Вскоре чуткая девушка почувствовала трагический разрыв, который существовал тогда между верхушкой петербургской интеллигенции и народом. «Мы жили, – писала она потом в своих воспоминаниях, – среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоты – в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура, цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую поэзию своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле мы были гражданами Вселенной, хранителями великого культурного музея человечества. Это был Рим времен

упадка. Мы были последним актом трагедии – разрыва на-
рода и интеллигенции...».

Комиссар по культуре

Елизавета вступает в партию эсеров. Для нее революционер – бесстрашный борец со злом, готовый всем пожертвовать ради революции. Она не видит таких людей среди посетителей «Башни» поэта Иванова и уезжает из разочаровавшего ее Петербурга в Анапу, в свое имение, «к земле». Там ее и застала революция. Как члена партии эсеров, ее избрали товарищем городского головы. Когда к власти пришли Советы, Кузьмина-Караваева стала комиссаром по культуре, за что потом ее едва не расстреляли вошедшие в город деникинцы. Спасло ее лишь заступничество Волошина и Алексея Толстого. В 1919 году будущая мать Мария покинула Россию вместе со вторым мужем, Скобцевым-Кондратьевым, казачьим деятелем, писателем. Через Константинополь они добрались до Белграда, а потом Кузьмина-Караваева оказалась в Париже.

Путь к Богу

Там началась скучная жизнь эмигрантов, полная лишений. Пришлось подрабатывать изготовлением кукол и шитьем (Елизавета Юрьевна прекрасно рисовала, владела всеми швами древнего шитья). Но она не унывала, активно продолжала творческую работу. Под псевдонимом Юрий Данилов она опубликовала автобиографический роман о годах революции и Гражданской войны «Равнина русская: хроника наших дней». А затем вышли два ее сборника жития святых «Жатва духа». Вскоре она стала секретарем Русского студенческого христианского движения и вела интенсивную просветительскую деятельность среди русских эмигрантов по всей Франции. Но тут ее постиг страшный удар – смерть любимой дочери Насти. Девочка угаšla в Пастеровском институте на руках у матери. Кузьмина-Караваева осознала, что до сих пор, по ее собственному признанию, «душа по переулочкам бродила... И вот когда я шла за гробом по кладбищу, в эти минуты со мной это и произошло – мне открылось другое, какое-то особое, широкое – широкое всеобъемлющее материнство... Я вернулась с кладбища другим человеком. Я увидала перед собой другую дорогу и новый смысл жизни: – быть матерью всех, всех, кто нуждается в материнской помощи, охране, защите. Остальное уже второстепенно: я говорила с моим духовником, с семьей, потом поехала

к митрополиту...». Вскоре она стала монахиней под именем мать Мария.

«Отдам свою душу каждому»

Всю свою энергию после пострига мать Мария отдает общественной деятельности, заботам о бедствующим эмигрантах. Она организовала общежитие и санаторий для туберкулезных больных, создала братство «Православное дело», которое стало центром социальной и духовной помощи нуждающимся. Кроме того, она активно участвовала в работе Религиозно-философской академии, руководимой выдающимся русским философом Николаем Бердяевым, в деятельности православной общины на окраине Парижа.

В одном из стихотворений она так определила тогда свое жизненное кредо:

Пусть отдам свою душу каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет есть,
Наг – одет, и напьется пусть жаждущий,
Пусть услышит неслышаний весть.

«Но какой океан крови!»

Когда уже в оккупированной Франции мать Мария узнала, что Гитлер напал на Россию, с нею произошло как бы второе преобразование. Она стала жить только мыслями о своей Родине. «Я не боюсь за Россию, – уверенно произнесла мать Мария в те дни. – Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет русский период истории... Все возможности открыты. России предстоит великое будущее, но какой океан крови!».

Русская монахиня налаживает тайную связь с французским Сопротивлением, укрывает советских военнопленных, спасает преследуемых гитлеровцами французских евреев, выдавая им ложные свидетельства о крещении, укрывая их и переправляя в провинцию. За время оккупации она спасла так от смерти сотни людей.

Однако вскоре на отважную монахиню донесли в гестапо, мать Марию арестовали и отправили в страшный концлагерь Равенсбрюк. Ее сына Юрия арестовали за день до ареста матери. Но сначала предложили службу в армии Власова, но он решительно отказался. Тогда его отвезли в Бухенвальд, а потом в страшный лагерь Дора, где под землей строили ракеты «ФАУ-2». Там погибали все...

Подвиг монахини

А мать Мария даже в лагере не сдалась. Помогала другим заключенным, чем могла, писала стихи и воспоминания, которые были опубликованы. Выжившие узницы вспоминали о ней потом, как о необыкновенно бесстрашной женщине. Историки считают, что есть две версии гибели матери Марии. По одной, ее в результате «селекции» отправили в газовую камеру и потом сожгли в печах. По другой, она сама вступила в группу заключенных, отобранных для уничтожения. Слово предвидя такой конец, мать Мария еще в 1934 году отметила в записной книжке: «Есть два способа жить. Совершенно законно и почтенно ходить по суше – мерить, взвешивать, предвидеть. Но можно ходить по водам. Тогда нельзя мерить и предвидеть, надо только все время верить...». Подвиг русской монахини и эмигрантки оценили даже в СССР. Мать Мария была награждена посмертно орденом Отечественной войны.

Пешков, французский генерал,

Как известно, одним из главарей переворота в октябре 1917 года в Петрограде, кроме Льва Троцкого был еще и Яков Свердлов, который председательствовал на заседании большевиков, принявших решение о вооруженном восстании. Однако мало кто знает, что именно в это время в бушующей столице находился родной брат Свердлова, Зиновий, который, однако, носил форму... офицера французской армии. В советские времена этот факт нигде не упоминался.

Правда, фамилия у него уже была не Свердлов, а Пешков. Дело в том, что в 1902 году он познакомился в Арзамасе с Горьким, который его усыновил и дал юноше свою фамилию. Зиновий был тогда яростным революционером. И даже был арестован вместе с Горьким за распространение пропагандистских листовок. Другим его увлечением был театр – Зиновий пытался стать актером, но как еврея, его в Москву, где он хотел поступить в театральную школу, не пускали. Тогда молодой человек принял православие, а Горький, который горячо переживал любую несправедливость, стал его крестным отцом. Однако, поучившись недолго в школе МХАТа, Зиновий в 1904 году уехал за границу. Как и его брат Яков, обладавший феноменальной памятью, он тоже обладал блестящими способностями, знал семь языков, хотя систематического образования не получил.

Иностранный легион

За границей Зиновий скитался по разным странам, жил у Горького на Капри. На знаменитом фото, где Горький играет в шахматы с Лениным, Зиновий Пешков стоит на втором плане, внимательно наблюдая за игрой.

С началом Первой мировой войны бывший революционер неожиданно для всех его знавших поступил во французский Иностранный легион. Воевал храбро, в бою под Верденом потерял правую руку и был награжден Военным крестом с пальмовой ветвью. Бывший секретарь Сталина Бажанов в своей книге, изданной на Западе, писал, что когда Зиновий принял православие, его отец – ортодоксальный еврей «проклял его ритуальным проклятием... Когда через некоторое время пришло известие, что он потерял в боях руку, старик Свердлов страшно разволновался: «Какую руку?» – и когда оказалось, что правую, торжеству его не было предела: по формуле ритуального еврейского проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку». По другой легенде, в госпитале Зиновий познакомился с лейтенантом Шарлем де Голлем, будущим президентом Франции.

Инвалидность не помешала военной карьере упорного молодого офицера. В 1916 году он в составе французской миссии участвовал в переговорах, убеждая США вступить

в войну. За ее успех он получил орден Почетного Легиона. После этого его посылают в Россию. У правительства Керенского Зиновий Пешков успел получить орден Святого Владимира. Однако потом оказался на противоположной стороне баррикад со своим братом – ставшим после Октябрьского переворота председателем ВЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов. Знавшие его в то время, говорят, что после переворота, когда никто не осмеливался появляться на улице в погонах, он храбро расхаживал по Петрограду в полной офицерской форме.

Загадка биографии

И вот тут – одна из самых больших загадок его биографии. Как и почему бывший революционер, пригретый самим Горьким, вдруг не только оказывается в иностранной «буржуазной» армии Антанты, которую большевики всячески проклинали, но еще и становится потом французским представителем при Колчаке, а потом и при Врангеле? Другими словами, оказывается в стане белых генералов, злейших врагов своих прежних друзей.

Существует легенда, будто при встрече Зиновий отказался подать руку своему брату Якову, и потом всю жизнь ничего и слышать не хотел о своей семье. Однако есть и другое объяснение этой необыкновенной метаморфозы, странной для человека с твердым характером, ненавидевшим царизм. Так, сын Берия Серго в своих воспоминаниях назвал Зиновия Пешкова «советским агентом», занимавшимся стратегической разведкой. «На Советский Союз, – писал он, – работал полный французский генерал Зиновий Пешков». Однако руководство советской разведки никогда этот факт не подтверждало. Что, впрочем, тоже ничего не доказывает. Ни одна разведка мира никогда не называет имена своих самых секретных агентов.

Между тем, Зиновий продолжал службу, колеся по свету в составе Иностранного легиона, принимал участие в войне

в Марокко, служил в министерстве иностранных дел Франции. То есть был допущен к самым важным секретам высшей французской политики. Передавал ли он эти секреты СССР? Нигде нет этому никаких доказательств, кроме уже упомянутого заявления сына Берии, которого в отсутствии знания советских секретов тоже упрекнуть никак нельзя.

Зиновий Пешков был отчаянно храбрым человеком, не только на полях сражений. В 1940 году в Марокко его начальником был преклонявшийся перед Гитлером офицер. Он его оскорбил, за что тут же был приговорен к расстрелу. Однако у осужденного на казнь Зиновия были на руке золотые часы – подарок Горького с его дарственной надписью. Он поменял их у часового на ручную гранату, а когда его хотели вести на расстрел, выдернул чеку и потребовал предоставить ему самолет. Шантаж удался, по его требованию пилот приземлился в Гибралтаре, где находился Комитет национального спасения Франции, во главе которого стоял знавший его лично, уже генерал Шарль де Голль.

На Тайване с Чан-Кайши

Когда немцы оккупировали Францию, Пешков перебрался в Англию и присоединился к Комитету освобождения Свободная Франция. Вместе с ним там работала и русская княжна Оболенская, которую он познакомил с де Голлем. Потом служил в Южной Африке, возглавлял дипломатические миссии в Китае и Японии. Помимо прочих языков, он владел китайским и японским. В 1944 году его возвели в ранг Чрезвычайного и Полномочного посла, а годом ранее он получил звание бригадного генерала.

В отставку Зиновий Пешков вышел в 1950 году возрасте 66 лет в звании корпусного генерала. Четырнадцать лет он наслаждался заслуженным покоем и лаврами боевого генерала в стране, который управлял его знакомый по госпиталю. Однако генерал де Голль его не забыл. Когда Пешкову было уже 80 лет его снова вдруг призвали на службу. Де Голль отправил отставника со специальной миссией к Чан Кайши на Тайвань. Во Франции не нашлось никого, кто знал бы этот регион, да еще владел китайским языком и обладал опытом сложных переговоров. С этим заданием брат Якова Свердлова справился блестяще.

Умер приемный сын Горького в 1966 году в возрасте 82 лет. Он имел пятьдесят наград, в том числе Большой крест Почетного Легиона. Похоронили неутомимого искате-

ля приключений на русском кладбище в Париже Сен-Женевьев де Буа. На могиле написано всего три слова: «Зиновий Пешков, легионер». Причем, рядом – плита героини французского Сопротивления княгини Веры Оболенской, казненной гитлеровцами, которая не была ни его женой, ни родственницей. Не это ли косвенное подтверждение того факта, что на самом деле французский генерал продолжал служить на благо России? Иначе русская община во Франции никогда бы этого не позволила.

Дневник переводчика

Трагической оказалась судьба многих, брошенных за границу русских. Были и такие, кто оказался потом в немецкой армии. Об одном из них сообщил академик РАН, профессор-востоковед СПбГУ Иван Стеблин-Каменский, который передав автору этой книги дневники своего дяди.

В сопроводительной записке он написал: «Мой дядя, Иван Иванович Стеблин-Каменский, после окончания в 1914 году Морского кадетского корпуса служил на Черноморском флоте, участвовал в морских боях с турецкими кораблями у Босфора, награждён орденом св. Анны с надписью «За храбрость». Потом служил штурманским офицером на эскадренных миноносцах «Счастливый» и «Поспешный», награждён орденами и Георгиевским оружием, произведен в капитаны. В 1920 году вместе с Российским флотом эвакуировался из Крыма в Бизерту, по увольнении жил во Франции, работал таксистом, редактировал ежемесячный русский военный журнал «Армия и Флот», издававшийся в Париже. Во время Второй мировой войны – военный переводчик германского вермахта, в 1943–1944 гг. состоял при штабе 206-ой дивизии на Восточном фронте. В 1944 г. дядя застрелился. Его дочь, Татьяна Ивановна, проживающая в Париже, сохранила его дневники военного времени, которые передала мне для подготовки их к публикации. Дневники эти пред-

ставляют несомненный интерес и как исторический, и как психологический документ».

Записки армейского переводчика, или результат одиночества

9 декабря 1941 г

До Витебска ехали более суток. Очень сильный мороз. Погрузились на сани. Город разрушен... Дом хуже сарая. Одна комната, солома, но очень тепло. Всё время нам выдают хлеб, масло, колбасу, консервы. На остановках – суп, кофе, чай. Чем живёт местное население – неизвестно. Но люди здоровые, краснощекие, крупные, как раньше. Красноармейцы же – покойники, их нечем кормить, живут под открытым небом, умирают тысячами, едят друг друга (как говорят). Все, кто их видел, говорят – нельзя выдержать, можно сойти с ума.

В церкви была служба, почти только бабы, много молодых, детей стариков. Все истово молятся, становятся на колени. Поёт женский хор, хорошие голоса, неплохие напевы, как в Сергиевском подворье [в Париже].

Мужского населения почти нет, кроме стариков. Церковь такая же запущенная, но сохранились хорошие образа, полотенца с вышивками. Молебен Георгию Победоносцу, потом панихида. Священник изможденный, но служит, как в

Париже. Нищие старушки – извиняюсь, что ничего кроме денег дать не могу. Одеты тепло, но встречаются и совсем иссушенные лица.

Выйдя из церкви, раскланялись на кладбище. А ведь и вся Россия – кладбище. Сколько умерло – одному Богу известно. Не плакал со смерти отца в 1919-м году...

12-го декабря, Ржев, Тверской губернии. Штаб 25-го корпуса...

Никуда не выходил. Простужен немного, да и страшит контакт с населением, с его нуждой. Жду, когда жизнь сама смолкнет. Боюсь, что очень, очень долго буду оторван от семьи и от Елены. Не говорю уже про комфорт, но надо готовиться к тяжелой, одинокой жизни, видеть ужасные сцены страданий, насилий и все это одному, не имея возможности отвести душу и с радостью увидеть около себя заботу и любовь Лели. Будет очень тяжело, но это мой долг перед Россией. Вертеть машины на фабрике, и стоять ночью мне было не вмоготу, а вернуться в Париж и зажечь прежней жизнью – уже невозможно. Вернуться обратно нельзя и негоже, а надежда, что сможет сюда приехать, теперь, когда посмотрел, что здесь осталось и какова здесь жизнь, – канула в лету. Одна надежда на Бога и на чудо. Если бы стала организовываться местная, гражданская власть, и мы были призваны в ней участвовать, то тогда еще, может быть, как-нибудь

можно было выписать Лелю. Но когда? Впереди еще очень, очень темно и черно. За семью не беспокоюсь материально, только отчасти дети беспокоят, но знаю, что Леле одной еще труднее, чем мне...

21-го декабря. Воскресенье. Большое Копково...

...Последние дни – метель, поистине «занесло тебя снегом Россия...». Условия войны здесь очень тяжелые: казенный паек невелик, и единственное удовольствие солдата – съесть что-нибудь лишнее и натопить печь докрасна хоть бревнами соседнего дома. Наряду с сердечностью встречается и жестокость, берут последнюю корову, картофель или даже вещи – тулупы и валенки. А как будет жить население – все равно, отношение как к мухам, помрут, так и должно быть. Это не сознательное презрение, его отнюдь нет, и сердце у немцев скорее хорошее, часть они трогательны, но, несомненно, есть два взгляда, один на своих, другой на русское население. Отчасти это не только понято, но и справедливо: ведь большевики обращались с населением гораздо хуже. Ужасная вещь война со всеми последствиями и разрушениями, которые она несет.

28 декабря. Луковниково

Мы отступаем. Большевики уже несколько дней, как перешли в атаку превосходными силами с танками и артиллерией. Им удалось прорвать фронт, и наша дивизия все оттягивается назад, и завтра утром мы едем на юго-запад. Немцы имеют много раненых. Советская авиация атаковала и наше село и колонны отступающих... Большевики несут страшные потери (так говорят, но, может, для утешения?)... Какой ужас война. Насколько она ужаснее в тылу, чем на фронте, как ужасны ее последствия. Немцы мои присмирели и невеселы. Все карты теперь спутаны, и сказать, что будет дальше, как и когда все это кончится, совсем не так легко, как это было в 1939 году. Как права была Елена Сергеевна, когда говорила мне: «Чего вы радуетесь войне?» Но, как же иначе было спасти мир и Европу от неминуемого большевизма?...

6-го января 1942-го года. Яблонька

29-го утром, мы, лазарет и другие части начали отходить. Отступление, как всегда, было немного беспорядочным. Мороз. Ехать на санях невозможно, иду пешком... Вся дорога – одна колонна, застрянет один камьон и все стоит. Советские самолеты атакуют, немцы никак не отвечают... все бе-

гут прячутся. Сначала бомбы, вижу, как кидают, потом пулемет. Есть убитые и раненые. Все время стрельба и бомбы. Советы наступают очень сильно, немцы имеют очень сильные потери.

...Всюду, куда не приходим, бедность и пустота. Малое, что ещё было у колхозников, забрано или красными или немцами.

...В этот день весь наш корпус был отрезан и окружён. Порядка особого нет, да и вообще от той армии, что мы видели во Франции, ничего не осталось. То был вахт-парад, чудная погода, чудные стоянки, еда, вино, веселье, прогулка, слава. Тут – холод, голод, теснота, грязь, убогие ночёвки в соломе... Энтузиазма и в помине нет, тех радостных и восторженных лиц, что показывают журналы.

Русское же население поражает своей кротостью и терпением. Всё, что на него падает – и стоянка войск, сопровождающаяся невольным отнятием сена, соломы, лошадей, саней, скота, картофеля, валенок и т. д. и т. д., всё принимается как вполне естественное и неизбежное, как дождь. Сами предлагают солдатам хлеба и еду, жгут последние дрова, жалеют солдат, говорят «вам тяжелее». Я всем говорю: «прячьте все, давайте только то, что требуют, но не предлагайте сами». Эта черта доброты, покорности и удивительной незлобivosti, хотя отбирают последнюю корову и приговаривают детей к смерти – эта ли не черта народа-Богоносца? Как прятали бы всё французы и как скрежетали бы от злобы зубами

в том же положении...

...По дороге узнали, что большевистское наступление отбито, взято 7000 пленных и они уходят на старые места... Все вообще ужасно боятся прихода большевиков... Чувствую себя очень слабым, сплю хорошо, но похудел за этот месяц ужасно – кажа да кости... Когда увижу снова Лелю, когда окунусь в удовольствие культурной, уютной семейной жизни? Все, что имел в последнее время в Париже и Менюле, кажется небывалым блаженством. Хотя бы на миг вернуться снова... Что уехал не жалею, но лишил себя такого блаженства, о котором и не подозревал...

11-го января. Яблонька

...Тут задержалась немецкая часть СС, с черепом и костями, которые бесчинствовали, пьянствовали, насиловали женщин и буквально ограбили всё население. Забирали не только валенки, тулупы, кур, поросят, но взламывали сундуки, били, угрожали и т. д. Вообще, немецкие солдаты оказались не теми, что мы думали, сидя во Франции, и ведут грабёж населения без зазрения совести... Это разложение, а не новая Европа.

13-го января. Яблонька

Стоят очень сильные морозы, вот уже три дня. Снега немного, но все деревья покрыты таким инеем, что весь пейзаж совершенно белый. Восход и закат солнца совсем особенный: красное солнце поднимается из-за горизонта, как в оперетке, и так же прячется за горизонт. На днях к нам привезли раненого солдата, который умер. Силой хотел взять корову у крестьянина в Удоме, а тот ударил его чем-то тяжёлым. Как всё это произошло, в точности, конечно, неизвестно. Мои немцы говорят, что в наказание были расстреляны все крестьяне... Господи, спаси и сохрани всех, любимых мною, сохрани и спаси Россию и всех русских! Господи, спаси Россию, спаси мир, да кончится поскорее война, смута и разорение...

17-го января. Сазоново

Сегодня прекрасный день, солнце, не холодно. Все наши уехали дальше, я остался с ранеными. Деревня ужасно бедная, хаты пустые, развалившиеся, грязные, масса детей. Раненые в ужасных условиях, в грязи, тесноте, в вони, на соломе. Но когда я смотрю на страдания немцев, мне не тяжело, наоборот, какое-то утешение, что не только русские страда-

23-го января. Селишня

...В хате, где грелись, молодые хозяйки с такой добротой и любезностью угощали нас картофельными лепешками. Удивительный народ – в такой бедноте, притеснении, все у него берут немцы, а он еще такой приветливый и добрый...

6-го февраля. Трушково

... Чем живёт население, одному Богу известно. Вероятно, только одной мёрзлой картошкой, но немцы... этого не хотят понимать и очень несправедливы и жестоки.

10-го февраля. Трушково

...Присматриваясь к населению, вижу, что молодёжь дерзкая, смелая, за словом в карман не полезет и, что вообще никакой ненависти у них к Советам нет. Конечно, я вижу только крестьян. Они все ругают, на чём свет стоит, колхозы, но разве раньше они не ругали своё житьё при царе, обвиняя во всём помещиков? Теперь ясно, что при таком настроении крестьян, восстания быть не могло... Думаю, что у нас было неправильное представление о жизни в Советах. Не всем

было так плохо... Но, конечно, было страшно строго и всех заставляли страшно работать. Этим они заменяли разумную систему производства, потому все же создали технику в армии...

...Большевики все время атакуют и, конечно, несут тяжелые потери. Нас в хате слишком много, при их беззастенчивости это страшно тяжело. Ищут вшей, когда другие еще едят, занимают стол и свет для игры карты, не думая о других, втягивают соплю в нос и разговаривают и шумят, когда хотят...

2-го марта. Бурцево

...Вести с фронта плохие. К западу от нас большевики взяли Мостовую, станцию железной дороги Ржев-Нелидово, что много южнее нас, так что мы стоим, далеко выступая, и вряд ли здесь удержимся. По этому поводу был разговор, мои повесили носы, но в победе не сомневаются, только видят, что это будет очень трудно и очень долго. Тут, очевидно, не хватает ни войск, ни техники. Куда делась немецкая авиация, танки, артиллерия – непонятно. Большевики во всем этом имеют перевес, а если и терпят потери, то и немцы несут очень тяжелые, отстаивая фронт... Теперь, узнав действительность, вижу, насколько тон газет и корреспондентов с фронта – фальшив и несправедлив: сплошной сахар и идеализация, которых на самом деле я и на грош не встречал...

17 марта. Бурцево

...На фронте очень тяжело, постоянные случаи членовредительства. Солдаты бросают в снег пулемёты и патроны и не идут вперёд – и такие случаи не единичны. Большевики всё атакуют и положение наше невесёлое. Войска совершенно выдохлись, это видно по раненым, они совершенно деморализованы...

30-го марта. Бурцево

...Очень грустно всё переживаю. Не могу защитить население, вижу, что они лишаются последнего, и не могу прекратить своеволие солдат. И вообще мне очень тяжело видеть этот новый, неизвестный мне, облик немецкого солдата, без всякого человеческого чувства, который, имея больше, чем нужно для пропитания, отбирает последнее от женщин и детей. Меня всего переворачивает, возмущает, оскорбляет, и я ничего не могу сделать и должен с ними служить...

...Егор спрашивает, почему немецкие солдаты пукают при людях, не стесняясь? Отвечаю: много едят, наверное. Он: ну да, но ведь культура же у них, говорят?

...Меня поражают наши немцы своим невежеством и отсутствием воображения: они ничего, как будто, ни про Рос-

сию, ни про большевизм не слышали... спрашивают: кто был Пушкин, коммунист? Они смотрят на население, как на своих прирождённых слуг.

10-го апреля. Бурцево

Появились больные сыпным тифом солдаты, по этому случаю большое беспокойство... У немцев нет никакого терпения, ни понимания природы и обстановки, – хотят, чтобы дороги здесь были, как в Германии. Был ветеринар, осматривал лошадей. В нашей дивизии из 6 тысяч лошадей только за март пало 1100... на фронте плохо. Пехота стоит днем и ночью в открытом поле, все мокрые. Не хватает унтер-офицеров, новых солдат надо гнать вперед, никакого воодушевления. Как все исказила пропаганда и как вредно для здоровья страны – отсутствие свободного голоса. Ведь, как и у советов, все в руках партии, все говорится и пишется по указке, все восхваляется до небес, когда на самом деле совсем не то... Зимнюю кампанию называют страшной катастрофой, солдаты оказались без позиций, без одежды и без соответствующей техники на сорокоградусном морозе...

18-го апреля. Бурцево

Два месяца, как мы пришли сюда. Сегодня опять прекрас-

ный жаркий день. Снег тает на глазах и его осталось очень немного. Еще немного и начнет подсыхать. Сидел и даже поспал на скамейке, на огороде, после обеда. Сразу охватили грустные думы – отдал себе отчет, где я и что я. Не говоря про все ужасное прошлое и разорение от войны (которая еще не кончилось), ужасно думать о будущем России. Украина отделена вплоть до Дона, финны на севере, румыны на юге, о русском правительстве, о русских, о русских интересах – ни слова... Ошибка политическая от незнания России, а главное от высокомерия, нехристианского, нечеловеческого отношения к другому человеку, если он не немец...

22 июня. Бурцево

...Ужасно, как немцы всюду вызывают к себе нелюбовь. И не только оттого, что они победители, конечно, а потому, что их отношение к другим какое-то неприятное. Вспоминаю слова Достоевского, что все народы самодовольны, но всех неприятнее немцы, каким-то тупым самодовольством...

13-го сентября. Кучино

Немцы ведут войну с комфортом, с клейкой бумагой и кисей от мух! И вся их тактика основана на страшном техническом преимуществе. Так было в 1914 – 1918-ом годах,

так и теперь. Мы их дубиной, а они нас – пулемётом. Солдат они берегут, кормят хорошо, одевают хорошо, живут тоже в хороших условиях. Ездят в отпуск, получают и отсылают письма и посылки, не изнуряют работой, наоборот, тут все живут как на летнем отдыхе. И наступают они только тогда, когда имеют страшное техническое преимущество и могут буквально раздавить противника без пролития крови...

16-го апреля (1944). Витебск. Аэродром

Вот дожил до Пасхи, был у заутрени и обедни и не получил той радости, которую ожидал... Из наших русских никто не пожелал идти. Я, правда, не настаивал, а только объявил, что будет служба и сразу ушел. Вообще считаю, что детей надо учить Закону Божьему и приучать к церкви, но с любовью, показывая пример, увлекая своей любовью к храму, к молитве, а никак не принуждая... Уже по дороге встретил группы девушек в беленьких платочках и прифранченных и даже целые толпы жителей, направляющихся в церковь. Это все шли из рабочих лагерей. Когда мы пришли, церковь была переполнена так, что буквально яблоку было негде упасть. Я с трудом прошел вперед на клирос, мое место было занято... Меня не обрадовала эта толпа, мне была куда милей служба в полупустой церкви. Раздражали и немецкие солдаты, приведшие жителей из рабочих батальонов и тоже вошедшие в церковь... Увидев, что в алтаре стоят немецкие солдаты, я

выгнал их всех в сторожку, где тоже сидели и стояли солдаты. Объявил им всю непристойность их посещения. Они, идиоты, отвечают, что в церкви нет места. То есть до того нетактичные и грубые люди! И еще воображают себя «культуртрегерами»! Истинные ландскнехты! Сказал им, что это алтарь, что они могут быть снаружи или в сторожке, но не в алтаре... При входе в церковь стоял солдат в пилотке, которому я приказал ее снять, что он исполнил с неудовольствием. Их нетактичность не имеет границ. На меня это страшно действует, и все мое радостное ожидание испарилось из-за этих мелочей. Или, может быть, эти мелочи, вместе взятые, были грубыми ударами по моему национальному православному чувству? Напомнили мне о том ужасном унижении и бездне, в которую низверглась Россия?

...Тут задержалась немецкая часть СС, с черепом и костями, которые бесчинствовали, пьянствовали, насиловали женщин и буквально ограбили всё население. Забирали не только валенки, тулупы, кур, поросят, но взламывали сундуки, били, угрожали и т. д. Вообще, немецкие солдаты оказались не теми, что мы думали, сидя во Франции, и ведут грабёж населения без зазрения совести... Это разложение, а не новая Европа.

Репин и большевики

Илья Репин стал знаменитым еще при царе, что не помешало объявить его в советские времена корифеем реалистической живописи. Однако в СССР некоторые подробности его биографии были неизвестны, т. к. он оказался за границей, отказался от всех приглашений вернуться и умер на тогдашней территории Финляндии.

Родился Илья Ефимович в 1844 году в Чугуеве в семье военного поселянина-кантониста, занимавшегося торговлей. Сам он говорил, что его род восходит к московским стрельцам. Яркий талант художника у Репина проявился еще в детстве, он учился у иконописца, писал иконы для церквей и портреты. В 1863 году уехал в Петербург, где поступил в Академию художеств. Там сразу отличился, получил при окончании Большую золотую медаль и был отправлен, как тогда водилось, в командировку за границу во Францию и Италию. Однако Италия ему не понравилась. «Что вам сказать о пресловутом Риме? – писал он домой. – Ведь мне он совсем не нравится. Отживший, мертвый город...»

Вернувшись на родину, Репин стал членом Товарищества передвижных художественных выставок, где собрались живописцы, стремившиеся изображать реальную жизнь. Впрочем, Репин стал известным еще до этого, написав еще в стенах Академии поразившую всех картину «Бурлаки на Вол-

ге». Он создает картины, пронизанные симпатией к революционерам: «Под конвоем», «Арест пропагандиста», «Не ждали», «Отказ от исповеди», вызвавшие горячие симпатии «прогрессивной общественности». Позднее, в СССР за эти полотна его стали называть примером «гневного протеста против царизма», а его самого «борцом с самодержавием», начали изучать его творчество в школах и академиях. Одновременно Репин пишет яркие и выразительные портреты современников: Льва Толстого, Мусоргского, Писемского. Однако власть пыталась с ним заигрывать. По ее заказу Репин пишет огромное полотно «Заседание Государственного совета». Всеобщий восторг вызывает его озорная картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Постепенно Репин богатеет, покупает дом, земельный участок в Куоккола под Петербургом, в банке на его счету, как он сам потом признавался, скапливаются 200 тысяч рублей.

В Куоккале он строит особняк – «Пенаты», где и стал постоянно жить, лишь временами приезжая в Петербург. После революции, когда эта территория отошла к Финляндии, получившей независимость, Репин автоматически оказался за границей. Он восхищался Финляндией, а ее столицу Гельсингфорс (Хельсинки) называл «кусочком Парижа». В 1919 году он подарил Обществу художников Финляндии 23 работы русских художников, в том числе 7 собственных картин. Финские художники избрали Репина почетным членом Общества художников Финляндии.

Дело в ОГПУ

Репин негативно относился к Николаю II, называл его «гнусным варваром», мечтал, что «эта мерзость рухнет». Поэтому он с восторгом встретил Февральскую революцию, писал портрет Троцкого, восхищаясь им. «Какая сложная, гениальная натура! Вот человек родился Наполеоном: какой талант, какая энергия!», – писал Репин, увлеченно работая над портретом. Но когда власть захватили большевики, художник опомнился и стал горько жалеть о былых временах. Особенно, когда все его имущество в России, в том числе банковские вклады, были конфискованы. На старости лет Репин практически оказался нищим. Мало того, унижительным преследованиям подверглись его оставшиеся «при большевиках» родственники. В «деле Репина», хранившемся в архивах ОГПУ, сохранилась справка, в которой говорится, что у его сестры произведен обыск, «описано все имущество, включая и надетое на теле белье, детские пеленки и т. п.», а также ей было велено лично отправиться возить лес. Затем пожилая женщина была вызвана в сельсовет для заполнения анкеты на предмет выселения в Сибирь.

Художника возмущало произведенное большевиками изменение русской орфографии. «Это безграмотно, это неправильно, это величайшее надругательство над русским языком. Нет, нет, с этим я никогда не соглашусь!» Когда на кон-

вертах писем из СССР писали его фамилию в новой орфографии, он с яростью возвращал письма на почту, не читая, с заявлением, что «такой здесь не проживает».

По приказу Сталина

Чтобы поднять свой престиж в мире, большевики тогда всячески старались вернуть в СССР бежавших от революции русских знаменитостей: Бунина, Горького, Шалапина, Куприна, в том числе и Репина. Сталин лично написал Ворошилову (который информировал его о бедственном положении художника): «Клим! Я думаю, что Соввласть должна поддерживать Репина всемерно».

Ворошилов тут же отрядил к Репину в Куоккола целую делегацию «советских художников» во главе с Кацманом и Бродским. «Вас ждут в СССР, – настойчиво уговаривали посланцы маститого художника. – Ваш приезд будет праздником для всей страны. Вас встретят с почестями, как любимого художника».

Однако Репин, уже зная от эмигрантов, что на самом деле творится на родине, ответил иронически: «Нет, нет, я недостойн этого. От почестей, пожалуйста, освободите. Я уж лучше приплачу».

«Быдло империализма»

После шестидесяти лет у Репина отказала правая рука, и он стал писать левой. Созданные им в тот период картины отличаются от того, что он рисовал раньше. Советская критика отзывалась о них пренебрежительно, намекая на то, будто всякий талант на Западе деградирует. О судьбе некоторых картин стало известно совсем недавно. Так, Репин написан новый вариант бурлаков «Быдло империализма», который сейчас находится в Азербайджанском музее. В коллекции у Ростроповича оказалась купленная им где-то за границей страшная картина, приписываемая Репину, «Солдаты Троцкого отбирают у мальчика хлеб». Первым о ней сообщил Илья Глазунов.

Многих в семье Репина ждал трагический конец, о чем во времена СССР в его официальных биографиях было говорить не принято. Сын, Юрий, тоже художник, стал бродягой и покончил с собой, выбросившись из окна. Его внук Дий (сын Юрия) был арестован за нелегальный переход границы СССР и приговорен к расстрелу. Дочь Репина Надежда страдала шизофренией и лечилась у Бехтерева, умерла через год после смерти отца.

Последняя просьба

Сам Репин смерти не боялся смерти и спокойно к ней готовился. Попросил, чтобы его похоронили в любимых «Пенатах», в собственном саду. Шутил: «Да пора думать о могиле, так как Везувий далеко, и я уже не смог бы ныне доползти до кратера. Было бы весело избавить всех близких от всех расходов на похороны...» Последняя просьба художника была исполнена. Илью Ефимовича похоронили в «Пенатах». А прежде финский поселок Куоккола носит сегодня его имя. На родину он «вернулся» только после смерти, когда эта территория отошла к Ленинградской области.

Русский Рембрандт

В небольшом городке Аскона, что на юге Швейцарии, на одном из домов висит табличка: «Здесь жила и творила с 1918 по 1938 г. русская художница Марианна Веревкина», а в местном музее хранится более ста ее картин. В Мюнхене ее именем названа улица и в Европе ее имя широко известно до сих пор. Великий Илья Репин, у которого она училась, называл Веревкину «Русский Рембрандт», но в современной России эту выдающуюся художницу не знает почти никто.

«Марианна фон Веревкин», как стали потом называть ее в Швейцарии, родилась в сентябре 1860 года Туле в семье потомственных дворян. Ее отец, генерал, герой Крымской войны, занимал важные посты и много ездил. Был командующим армией в Вильно, а затем его назначили комендантом Петропавловской крепости в Петербурге. Марианна, которую в семье называли просто Маня, обожала отца и всю жизнь носила медальон с его портретом. Мать, урожденная Дараган, – из старинного княжеского рода – тоже была незаурядной личностью. Писала портреты и иконы для православных церквей. Именно она и привила дочке, у которой определился незаурядный талант, любовь к искусству.

Самые яркие воспоминания детства у талантливой девочки были связаны с уютным имением родителей Благодать в Ковенской губернии. Родители обустроили его старорусском

стиле, подражая Абрамцеву фабриканта и мецената Саввы Мамонтова. На всю жизнь она сохранила любовь к народному творчеству и костюмам.

Уроки у Репина

В Петербурге Марианна стала брать частные уроки у Ильи Репина, который сразу почувствовал ее одаренность, а потом стал даже называть «Русский Рембрандт», «прекрасной сказкой земли». Репин написал несколько портретов Веревкиной, всю жизнь они переписывались.

На портрете, который находится сегодня в музее Висбадена, Марианна изображена с рукой на перевязи – в результате несчастного случая на охоте она прострелила правую руку. Для художницы это чуть было не обернулось трагедией. Два пальца больше не сгибались, чтобы продолжать рисовать пришлось придумывать специальную конструкцию.

Однако, несмотря на тесную творческую дружбу с учителем, Марианна чувствовала, что каноны классического искусства и ставшей уже традиционными приемы живописи передвижников, сковывают ее. Она мечтала о «новом искусстве», стремилась к поиску новых форм и способов выражения своего видения мира. Веревкина решила, что ее цель – создание искусства будущего. Во время учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а также и в Петербурге, она сблизилась со многими передвижниками, живописцами из окружения Александра Бенуа и Дягилева, создателей знаменитого объединения «Мир искусства», писателями и поэтами.

Служение гению

На вечерних курсах в петербургской Академии художеств Марианна познакомилась с молодым и красивым офицером Алексеем Явленским. Темпераментная и увлекающаяся девушка вообразила, что он может стать гением живописи и решила посвятить служению ему всю свою жизнь. Она забросила собственные художественные занятия и целиком отдалась обустройству дел своего кумира, с которым, впрочем, ее связывали только дружба и платонические отношения.

Явленский мечтал учиться живописи в Западной Европе, но своих средств для этого у него не было. Марианна уговорила отца помочь. Генерал благословил ее гражданский брак с Алексеем Явленским, а с него взял слово офицера, что тот никогда не оставит его дочь. Это было сделано для того, что внушительная пенсия отца, которая будет поступать ее дочери в случае его смерти, прекратится, если она зарегистрирует брак. Вскоре отец умер, Явленский вышел в отставку и молодые уехали в Мюнхен, где тогда, наряду с Парижем и Берлином, творческая жизнь была ключом. Там они поселились на улице Гизельштрассе, отчего их потом стали называть «гизелистами».

Марианна была твердо убеждена, что ее гражданский супруг – выдающийся творец, специально для него она открыла в их квартире «Розовый салон», который стали посе-

щать многие будущие знаменитости: Кандинский, Грабарь, Борисов-Мусатов, Добужинский, танцор Нижинский и другие. Веревкина обладала ярким даром убеждения, с увлечением проповедовала передовые, революционные течения в искусстве, была удивительно тонким ценителем живописи, творчества других художников, но сама на целых десять лет оставила мольберт.

Но ее кумир гением так и не стал. А сама она вернулась к живописи в 1907 году. Тогда появилась ее картина «Осень. Школа», которая сегодня считается самым знаменитым полотном Веревкиной. Затем она создает свой не менее знаменитый автопортрет. Одна за другой с успехом проходят ее выставки. В это время они с Явленским особенно тесно сближаются с Кандинским и его спутницей Габриэллой Мюнтер и создают объединение НОМХ – Новое объединение художников. Душа объединения – Марианна. Согласно легенде, свой первый абстрактный этюд Кандинский создал под влиянием Веревкиной. По сути, именно она, как считают многие искусствоведы, стояла у истоков абстрактной живописи. Однако вскоре Кандинский покидает НОМХ и вместе с художником Ф. Марком создают творческое объединение «Синий всадник».

Трудные годы

Но тут Германия объявляет войну России, начинается Первая мировая война. Немцы высылают из страны всех русских или их интернируют. Марианна вместе с Явленским, спасаясь, поспешно уезжают в нейтральную Швейцарию. Тихие городки, горы, синие озера среди изумрудных альпийских лугов выглядят очаровательно. Но жить даже в этом благословенном краю ставится все труднее, солидную пенсию за ее отца, да и скромную пенсию отставного офицера Явленского в связи с войной уполовинили. Поначалу они поселились в Цюрихе. Как раз в то время там обитает со товарищи Владимир Ленин, а потому не исключено, что когда он с подельниками обсуждал в кафе будущую революцию в России, за соседним столиком сидели, беседуя об искусстве, Марианна с Явленским и другими художниками. В Цюрихе Марианна и Явленский познакомились также с великим австрийским поэтом Райнером Мария Рильке, который обожал Россию.

Несмотря на благодатный швейцарский климат, Явленский вдруг тяжело заболел. Врачи настоятельно рекомендуют ему более теплые края и вместе с Марианной они перебираются на юг Швейцарии и поселяются в местечке Аскона на берегу знаменитого Лаго Маджоре, совсем рядом с Италией.

В России между тем – революция, пенсии вообще прекра-

щают поступать. «Гений», избалованный безбедной жизнью за счет Веревкиной и ее заботами, не готов к трудностям и вскоре находит себе утешение – молодую Эмми Шайер, дочь фабриканта, которая, как до этого Марианна, тоже посчитала его гением и решила посвятить ему жизнь. Вскоре он извещает Веревкину письмом, что порывает с ней, уезжает в Висбаден, переходя под крыло новой богатой подружки.

Марианна потрясена, оскорблена и унижена. Растоптана не только ее многолетняя любовь, Явленский нарушил слово офицера, которое он дал ее отцу. Она приходит в отчаяние, которое усиливают растущие материальные трудности. «С сегодняшнего дня, – записывает она, – для меня начинается новая жизнь. Я совершенно одна. Вокруг меня – природа, во мне – мое искусство, далеко от меня – мой брат, надо мной – Бог».

Однако, сильная по натуре, вскоре она справляется с постигшим ее несчастьем. Начинает много работать. Рисует и продает открытки заезжим туристам, а потом устраивается на работу в фармацевтическую фирму. Помогает ей пережить трудности и благожелательное отношение жителей Асконы, которые считают ее своей, почтительно именуя «баронессой фон Веревкин». «Жители Асконы, – отмечает Марианна, – любят меня, понимают, заботятся обо мне и никогда не дадут мне умереть с голоду». Нашлись также состоятельные меценаты, которые стали покупать ее картины.

Веревкина тоже сделала для жителей Асконы немало. На-

писала десятки пейзажей Асконы, основала в городе Музей современного искусства, в котором и поныне хранятся 100 ее картин и 170 эскизов.

Под старость Марианна Владимировна оказалась в инвалидном кресле, а умерла в возрасте 77 лет. Незадолго до смерти прежний кумир Явленский через знакомого просил у нее прощения. Она ответила, что он стал для нее чужим, но что она за него молиться. Причастить и соборовать Веревкину приезжал православный батюшка из Милана. В последний путь русскую художницу провожала вся Аскона, а колокола католических и протестантских церквей звонили по православному обычаю...

Лучший полководец Латинской Америки

Им стал офицер Белой армии Иван Беляев, покинувший родину в 1918 году. Очутившись в Парагвае, он почитался там национальным героем, а когда его хоронили, у катафалка стоял сам президент страны, а толпы индейцев хором пели «Отче наш».

Родился будущий герой Южной Америки в Петербурге в 1875 году, в семье военного. Окончив Петербургский кадетский корпус, он поступил в Михайловское артиллерийское училище. Начав службу в армии, быстро рос в чинах, проявляя большие таланты к армейской науке. В 1906 году он пережил личную драму – умерла его горячо любимая жена. В Первую мировую войну воевал храбро, был ранен, награжден орденом Святого Георгия. Революцию не принял и вступил в ряды Белой армии, а потом вместе с ней был вынужден покинуть Россию.

На чужбине

Сначала оказался в лагере в Галлиполи, а потом в Болгарии. Но вдруг оставил Европу и очутился в нищем тогда Парагвае. Но сделал он это не случайно. Еще в детстве Беляев нашел на чердаке прадедовского дома карту Асунсьона – столицы этой страны, и с тех пор муза дальних странствий страстно влекла его за океан. В кадетском корпусе он начал учить испанский язык, нравы населения и обычаи этой страны, зачитывался романами Майна Рида и Фенимора Купера.

Беляев решил создать в этой стране русскую колонию и стал вербовать переселенцев. Но на его призыв откликнулись немногие. Сам же он, оказавшись в Парагвае, сразу нашел применение своим силам и знаниям. Его взяли на службу в Военную школу, где он стал преподавать фортификацию и французский язык. В 1924 году власти отправили его в джунгли, в малоизученный район Чако-Бореаль, чтобы найти удобные места для стоянки войск. В этой поездке Беляев повел себя как настоящий ученый-этнограф. Составил подробное описание района, изучил быт и культуру местных индейцев, составил словари их языков и даже перевел на русский их поэму «Великий потоп».

Под знаменем Парагвая

Тем временем в этом регионе обнаружили нефть, и между Парагваем и соседней Боливией вспыхнула война. Военные действия между двумя странами – самая кровопролитная война в Южной Америке в XX веке – длились с 1932 по 1935 год. Боливийскую армию возглавляли опытные немецкие офицеры, она была оснащена самым современным оружием, в том числе бронетехникой. Почти ни у кого не было сомнений в быстром поражении плохо вооруженной парагвайской армии. Правительство Парагвая обратилось за помощью к русским офицерам-эмигрантам. И они все, как один, записались добровольцами, а Беляев стал генерал-инспектором артиллерии и вскоре его назначили начальником Генерального штаба парагвайской армии.

Бои в пустыне

Бои шли в Северном Чако – выжженной солнцем пустыне. После обильных зимних дождей она превращается в непроходимое болото, где царят малярия и тропическая лихорадка и кишат ядовитые пауки и змеи. Но команданте Беляев так умело руководил войсками, а русские офицеры, прошедшие сквозь горнило Первой мировой и гражданской войн, составившие костяк парагвайской армии, воевали так отважно, что в 1935 году армия Боливии была полностью разгромлена и капитулировала. В Парагвае победителя носили на руках, а американский военный историк Д. Зук назвал Ивана Беляева наиболее выдающимся полководцем Латинской Америки XX века.

«Белый отец»

После войны Беляев сделал еще одну попытку создать в Парагвае успешную русскую колонию. Однако это не позволило сделать ему экономический кризис, да и многие русские относились к этой далекой стране скептически.

Оставив военную службу, уроженец Петербурга посвятил остаток жизни судьбам индейцев. Он возглавил Национальный патронат по делам индейцев, организовал первую индейскую театральную труппу, а в 1941 году получил должность Генерального администратора индийских колоний. Отставной генерал жил вместе с индейцами в простой хижине, ел с ними за одним столом, и даже научил их русским молитвам. Аборигены платили ему горячей любовью и признательностью и относились как к «белому отцу».

Против фашизма

Во время Второй мировой войны Беляев, как русский патриот, поддержал СССР в борьбе с фашизмом. Он активно выступал против тех эмигрантов, которые видели в Германии «спасительницу России от большевизма». В своих мемуарах отставной генерал называл их «идиотами и обманщикам».

Когда Беляев умер, то был похоронен на острове посреди реки Парагвай на территории индейских поселений. В стране был объявлен траур, а имя «Команданте Беляева» получила одна из главных улиц столицы страны Асунсьона. В почетном карауле у гроба стоял сам президент Стресснер, парагвайский оркестр играл «Прощание славянки», а индейцы хором пели «Отче наш».

Украденный Фаберже

После краха коммунистической системы стали всплывать из тьмы забвения не только имена прежде знаменитых философов, инженеров, писателей, но и славных русских предпринимателей: Смирнова, Филиппова, Демидова, Фаберже.

Но еще до развала СССР, когда железный занавес открылся, автору этой книги удалось встретиться в Швейцарии с правнучкой знаменитого Карла Фаберже, Это имя было широко известно на Западе, но в СССР тогда его знали только работники музеев, да лишь некоторые искусствоведы. А ведь именно этот человек из семьи обрусевших французов, переселившихся в Петербург в 19 веке, прославил русское ювелирное искусство на весь мир. Татьяна Федоровна подробно рассказала о себе, о своей семье и, конечно, о знаменитом Карле Фаберже.

Мировое признание

Ее прадед был талантливым ювелиром, отличным организатором и деловым человеком, который сумел создать самое большое в тогдашней Европе и процветающее ювелирное предприятие. Ему удалось выработать оригинальный художественный стиль, впервые соединив богатые традиции русского искусства и народных промыслов с европейской техникой ювелирного ремесла. Изделия его мастеров имели громкий успех в Петербурге, города с блестящим императорским двором и тысячами богатейших вельмож, купцов и промышленников. Имел Фаберже успех и в Европе, где изделия мастеров его фирмы нередко получали золотые медали на самых престижных международных выставках. Русское ювелирное искусство получило мировое признание. Даже клеймо, которое ставила государственная Пробирная палата в Петербурге на золотые изделия, тогда изменилось. Если раньше, изображенная на нем женская головка в кокошнике, с подражанием смотрела на Запад, то после успехов Фаберже в Европе, ее повернули профилем на Восток. В знак того, что теперь все ювелиры должны учиться мастерству уже не у Запада, а у русских мастеров!

Большой успех имел Фаберже и в Зимнем дворце, став придворным ювелиром. Пошла новая мода: члены императорской фамилии начали заказывать у него друг подарки

другу на Пасху – миниатюрные ювелирные яйца с сюрпризами. Всего было изготовлено 50 таких уникальных императорских яиц – из золота и серебра, усыпанных драгоценными камнями. Во всем мире их считаются теперь вершиной ювелирного искусства. После революции в России многие шедевры оказались за границей. Большую их коллекцию – 9 императорских яиц – собрал ныне покойный американец Форбс. А недавно российский бизнесмен Аркадий Ваксельберг купил их у его наследников и шедевры Фаберже вернулись на родину.

История кражи

Но больше всего меня тогда поразил рассказ Татьяны Федоровны о том, как прославленная торговая марка ее прадеда была украдена у России. Я до этого не раз видел в западных магазинах шампунь и одеколоны с маркой «Фаберже». Мне это казалось немного странным, но особого значения я этому не придавал. Оказалось, что после революции большевики разграбили мастерские Фаберже в Петербурге, а всему семейству – самому Фаберже и его сыновьям пришлось бежать за границу, спасаясь от лагерей и тюрем. Они были патриотами и все деньги держали в русских банках, а потому за границей оказались в нищете. Тогда некий предприимчивый американец, торговец мылом, по фамилии Рубин (позднее выяснилось, что он был агентом Коминтерна) и купил, кажется, всего за 50 тысяч долларов, у двух сыновей Фаберже в Париже право на использование их легендарной семейной марки для производства парфюмерных изделий.

Несмотря на все уговоры американца, сыновья Фаберже все-таки не продали ему главное – право на торговлю ювелирными изделиями. Тем не менее, позднее Рубин нарушил это условие и незаконно присвоил себе права на марку Фаберже и по другим позициям, а потом продал эти права мультинациональной компании «Юниливер», которая стала торговать маркой Фаберже направо и налево. Так, право на про-

изводство ювелирных изделий Фаберже оказалось у германского ювелира Карла Майера, который, стал передавать его и другим. Другими словами, у потомков Фаберже знаменитую марку попросту украли, пользуясь тем, что в СССР никак не защищали права бывших русских граждан.

Вернувшись из Швейцарии, я написал об этом в «Известиях», где я в то время работал корреспондентом, большую статью, которая наделала в Москве много шума. Но вскоре получил от юристов фирмы «Юниливер» суровый факс. Они заявляли, что только они владеют во всем мире правом на марку Фаберже и грозили мне судом. Однако, эти господа не учли одной «маленькой» детали. Дело в том, что на торговой марке Фаберже, как поставщика императорского двора, изображен двуглавый орел – государственный герб царской России. В советские времена на это никто не обращал внимания – герб у СССР, как известно, был другой. Но в 1991 году Россия вернула себе старый герб и оказалось, что какой-то «Юниливер» торгует изделиями с... государственным гербом России! На это я и обратил внимание отправителей грозного факса, послав им соответствующий ответ. Мол, господа, вы украли у России не только торговую марку Фаберже, но еще и ее государственный герб! Не придется ли держать ответ? С тех пор они замолчали и больше мне уже грозных факсов не присылали...

Авантюрист Хаммер

Среди друзей и покровителей Рубина числился заокеанский авантюрист, «друг Ленина» Арманд Хаммер. В советские времена у нас с ним все носилось, как с «писаной торбой». Он то и дело приезжал в СССР еще и во времена Брежнева, когда американцу было уже под 90. Помню, как умилялась советская печать, когда Хаммер привез в Москву и подарил СССР какую-то картину. Кинул с барского плеча одну из сотен вывезенных по грабительскому «бартеру», а мы его долго за это благодарили! Кстати, эта картина потом оказалась подделкой! Тогда еще в СССР мало кто знал, что этот самый Хаммер вывез в США сотни ценнейших картин и других произведений искусства. Он ходил по Эрмитажу и тыкал пальцем в полотна, которые ему нравились. Их тут же снимали, паковали, а потом увозили за границу вагонами.

Врач по образованию, Хаммер объявился в СССР еще совсем молодым человеком, сразу после революции. Шустрый авантюрист, он быстро понял, что прикинувшись, симпатизирующим большевикам, можно недурно заработать. Хаммер подрядился поставлять в СССР зерно, а в обмен потребовал сокровища искусства. Сколько он заработал на таком не виданном еще в истории «бартере» не трудно догадаться. Нищий янки с дипломом медика, через несколько лет после «работы в СССР» стал в США нефтепромышленником

и миллиардером!

Уже позднее, когда в Москве раскрылись секретные партийные архивы, стало известно, что Хаммер был тайным агентом Коминтерна и подвизался в роли одного из тех, через кого финансировалась компартия США. К компартии США, кстати, был причастен и уже упомянутый выше Рубин, умыкнувший у России торговую марку Фаберже.

Хаммер тоже приложил руку к Фаберже. Тогдашний нарком торговли Анастас Микоян передал ему подлинные клейма мастеров фирмы Фаберже и Хаммер организовал на Западе массовое производство фальшивых изделий этой марки, но с подлинными клеймами. Об этом рассказал после смерти миллиардера в своей книге его секретарь. «Мы заработали на фальшивых Фаберже огромные деньги», – признался он.

Часы Павла Буре

Как известно, дорогие мужские часы уже давно стали у нас своего рода символом богатства. Бизнесмены и влиятельные политики наперебой хвастаются, у кого из них часы дороже. Как правило, это часы – швейцарские, а на худой конец, – японские. Однако в царской России самыми престижными часами, которыми пользовались, и знать, и сам император, были русские, от фирмы Павла Буре.

В Санкт-Петербург семейство обрусевших немцев Буре перебралось в 1815 году из Ревеля. Там оно и стало заниматься, и довольно успешно, производством и продажей часов. Сначала это делал Карл Буре, потом его сын – Павел, а затем следующий отпрыск семейства – Павел Павлович Буре. Именно он приобрел в 1874 году часовую фабрику в Швейцарию, откуда стал поставлять в Петербург механизмы и добился того, что часы марки Буре стали самыми популярными в России, а его фирма баснословно разбогатела.

Поставщик двора

В 1880 году Павел Буре стал оценщиком в кабинете Его императорского величества, что дало ему право на государственный герб на витрине. А в 1899 году он уже смог поместить этот герб и на свою торговую марку, когда его фирма была официально удостоена звания Поставщика императорского двора. По тем временам это был своего рода «знак качества».

Получить его было очень нелегко. На протяжении восьми лет надо было принимать участие в выставках, перечень которых утверждался лично самим императором, получать там награды, а самое главное – не иметь серьезных жалоб со стороны покупателей. За соблюдением этих условий строго следило министерство императорского двора. Если одно из них нарушалось, отсчет восьмилетнего срока начинался заново.

При дворе часы марки Павла Буре широко использовались в качестве «императорских подарков». Как установил историк Валентин Скурлов, в период царствования Александра III из его кабинета была вручено 3477 таких подарочных часов.

Предмет первой необходимости

В отличие от нынешних сверхдорогих часов знаменитых швейцарских марок, Павел Буре делал основную ставку на массовость и простоту. Он продавал часы для всех, стоимость самой дешевой модели его фирмы не превышала двух рублей. А потому именно его компании принадлежала половина рынка недорогих часов в России. После магазина в Петербурге, он открыл еще магазины в Москве и Киеве.

Однако делал Буре и роскошные модели, часы из золота, украшенные драгоценными камнями. Российские часы производства фирмы «Павла Буре» получали награды на самых престижных международных выставках. В 1900 на Всемирной выставке в Париже они были удостоены Золотой медали. Другими словами, умели в то время в России делать такие товары не хуже, чем в Швейцарии!

Однако, следует все-таки признать, что самые сложные механизмы для дорогих марок своих часов, хронометры Павел Буре заказывал все-таки у швейцарских мастеров. Но в России, ни «Омега», ни «Мозер» ни другие знаменитые во всем мире фирмы с ним конкурировать никак не могли. Он был большим мастером тогдашнего маркетинга.

Отказ Шаляпина

Бурный скандал вспыхнул, когда Шаляпин отказался принять золотые часы Буре, преподнесенные ему за участие в концерте для императорской семьи в дни празднования 190-летия династии Романовых. Говорили, что причиной стало наличие у певца точно таких же часов стоимостью в 1 50 рублей, приобретенных им прежде. Шаляпин, любивший говорить, что «бесплатно только птички поют», счел такой презент слишком дешевым и демонстративно не стал его брать. Царь распорядился немедленно исправить конфуз. В мастерской Буре с часами проделали операцию по «удорожанию»: украсили их бриллиантами и рубинами, после чего Шаляпин их все-таки принял. Позднее, в своих мемуарах певец изложил версию, будто он отказался от часов в знак протеста против «прогнившего царского режима», однако ни словом не упомянул о второй версии принятого им подарка. Кстати, эти часы сохранились. После смерти Шаляпина потомки передали их в Россию и сейчас находятся в музеях Московского Кремля.

Тайна часов Сталина

По некоторым сведениям, серебряные карманные часы фирмы «Буре» были у Сталина. Во многих мемуарах упоминается, что вождь неоднократно пользовался часами. Когда Сталин умирал и лежал на полу в столовой Ближней дачи, заместитель ее коменданта Позгалев показал, что рядом с ним «...на полу лежали карманные часы и смятая газета «Правда».

Однако, когда после смерти вождя делали опись его вещей, то часов в ней не оказалось! В описи упоминаются пять курительных трубок, записная книжка, кителя, брюки, белье, а упоминания о часах нет.

Секретарь Сталина Поскребышев говорил, что у Сталина была целая коллекция часов. Рассказ об этом есть в воспоминаниях управляющего делами Совнаркома Якова Чадаева. Однажды он сам подарил вождю свои часы-хронометр, когда тот обратил на них внимание, а Сталин потом прислал ему «в обмен» золотые часы. Но куда потом исчезла сталинская коллекция и личные часы «лучшего друга советских часовщиков» – неизвестно.

Часы остановились?

О часах Буре часто пишет Чехов, в его произведениях упоминания о них встречаются 20 раз. Кстати, и сам Антон Павлович пользовался часами Буре. Так в одном из писем из Мелихово он отмечает: «Я пошел со своими часами к Буре, хотел отдать в починку. Буре, заглянув в часы и повертев их в руках, улыбнулся и сказал сладковатым голосом: – Вы, мсье, забыли их завести... Я завел – и часы опять пошли. Так иногда причину своих бедствий ищешь в мелочах, забыв о главном.»

Часы Буре были у императора Николая II до самого его расстрела в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Оказались они и в кармане у его противника – председателя Петроградского военно-революционного комитета Подвойского, который руководил штурмом Зимнего. Часы Буре висели в кабинете и у самого Ленина.

После 1917 года фирма Буре в СССР перестала существовать. В стране делали непритязательные дешевые часы «для трудящихся». Даже дорогие модели из золота конкурировать со швейцарскими не могли, да их в Советский Союз и не поставляли. Однако за границей часы под маркой Буре продолжали производить, однако былая их слава была утрачена. Тут, конечно, мало одной марки и качества, нужно, чтобы появился новый гений маркетинга, которым был легендар-

ный Павел Буре.

Бестселлеры Али Рахмановой

В 1931 году в Австрии вышла книга, которая имела оглушительный успех. Ее тираж достигал по тем временам невероятной цифры – 350 тысяч экземпляров. А общий тираж последующих произведений этого же автора, изданных в Европе, вообще достиг фантастических 2-х миллионов копий. Однако автором этих бестселлеров была русская, уроженка затерянного в горах Урала рабочего поселка.

Ее имя – Галина Дерюгина – сегодня многим из нас ничего не говорит. В СССР про этого автора писать было запрещено, потому что она была эмигранткой, а ее книги, кстати, печатались под псевдонимом Аля Рахманова. На родину она потом так и не вернулась и умерла за границей.

А родилась Галина Николаевна – 15 июня 1898 г. в семье врача в маленьком рабочем поселке Каслинский Завод Екатеринбургской губернии. О своем детстве она потом писала так: «Мне посчастливилось провести детство и юность в скалистых горах и у волшебных озер Урала, в неповторимом мире, который особенным образом смог раскрыть мне таинственные силы природы и человеческой жизни, мир, который всегда давал мне пищу для моих страстных желаний найти ключ к загадкам этих сил, мир, который укреплял во мне мою любовь к Богу, к людям и к добру».

Литературный талант у будущей писательницы проявил-

ся рано. В 14 лет Галина начала вести дневник, а в октябре 1916-го поступила на филологический факультет только что открывшегося Пермского отделения Петроградского университета. Однако налаженная жизнь рухнула, сметенная свирепыми бурями революции. Галина и ее семья прошли через ад Гражданской войны в Сибири, испытали все «преlestи» безвластия. Но все это время она продолжала вести дневник, который и стал потом основой ее первых книг.

Австрийский муж

В Омске девушка случайно познакомилась с молодым австрийским военнопленным Арнульфом фон Хойером и через пять месяцев вышла за него замуж. Уезжать из России Дерюгина не собиралась и молодые супруги остались жить в Перми. Муж тоже не спешил на родину. Вскоре родился сын Юрий. Жизнь была трудной – Арнульфу с большим трудом удалось устроиться преподавателем английского, Галина читала лекции по детской литературе и психологии. Однако в СССР иностранцев тогда не жаловали, и в 1925 г. семья фон Хойеров была в принудительном порядке выслана в Австрию.

Сначала она вместе с мужем поселилась в Вене, где Арнульф устроился на временную ставку в местный университет. Но Галине, плохо говорившей по-немецки, пришлось работать простой молочницей. В 1927-м фон Хойеры переехали в Зальцбург, где Арнульфу удалось найти постоянную работу.

В 1931 г. на основе своих дневников Галина написала на русском повесть «Студенты, любовь, ЧК и смерть», в которой описала свои злоключения в СССР, а ее муж перевел рукопись на немецкий. Австрийский издатель Отто Мюллер, прочитав рукопись, пришел в восторг. Он был уверен, что это – стопроцентный бестселлер. Книга, подписанная псев-

донимом Аля Рахманова, вышла на австрийский рынок и сразу принесла дебютантке огромный успех – было продано 350 тысяч экземпляров.

Ужас и мрак

В своей первой книге Галина описывает тот ужас и мрак, в которые погрузилась Россия после революции. Царь отрекся, власть захватывают большевики, расстрелы, обыски, аресты, грабеж, болезни, страх становятся ежедневными явлениями. «Мы больше не могли себе представить, что такое – спать не одетыми, говорить иначе как не шепотом, прожить хоть минуту без страха быть расстрелянным», – доверяет дневнику свои мысли студентка, который она вытаскивает из тайника, каждую минуту боясь, что ее застанут врасплох. В это мрачное время мир науки становится для нее убежищем, который должен помочь ей забыть гибель ее юношеской любви. Записи заканчиваются намерением передать предыдущие дневники бывшему «немецкому военнопленному», так как в случае обнаружения автору дневников грозила бы неминуемая смерть.

Успех надо было развивать, да и читатели требовали продолжения, и Галина снова села за письменный стол. Так появились «Супруги в красном вихре» и «Молочница с Оттокринга». Трилогия под общим названием «Симфония жизней» с успехом стала продаваться уже не только в Австрии, но и в Германии, Швейцарии, Франции, Польше и других европейских странах.

За трилогией последовали «Фабрика новых людей», по-

лучившая в Париже премию как «Лучший антибольшевистский роман современности», «Трагедия одной жизни. Супружеский роман Льва Толстого» (1938), «Вера Федоровна. Роман русской актрисы» (1939). Очень личной и искренней получилась книга «Юрка. Дневник матери» (1938).

Работала писательница с Урала прежним методом. Оригиналы ее книг сочинялись по-русски и переводились на немецкий ее мужем. В итоге книги Али Рахмановой были изданы на 22 европейских языках фантастическим для того времени тиражом 2 миллиона экземпляров. Но вот на русском языке ее книги не издавались никогда.

Горечь судьбы

После 16 лет жизни в Австрии писательница смогла сделать такое признание: «Зальцбург в самом деле совершил чудо, самое большое, которое может произойти с человеком, потерявшим Родину, – он подарил мне новую Родину». Но быт фон Хойеров оставался весьма скромным. Их знакомая Иоганна Шухтер вспоминала: «Комната... была меблирована просто, точнее, не меблирована вообще: кровать, стол, два стула и русская шкура на полу вместо второй постели. В примыкающем кабинете сидел пятилетний сын на скамеечке перед большой географической картой, висевшей на стене. „Он часы проводит за этим занятием“, – сказала его мать. Я огляделась в тесной комнате. Она была пуста. Не было видно даже самой крохотной игрушки. При взгляде на одинокого ребенка у географической карты я почувствовала всю горечь судьбы людей без родины».

Трагический удар

После захвата в 1938 году Гитлером Австрии книги Рахмановой были запрещены к переизданию в Германии как «неарийские». В апреле 1945 г. ее сын Юрий был мобилизованный в вермахт и погиб в бою с советскими войсками. Для родителей гибель единственного ребенка стала страшным ударом. «Двадцать три года мы холили и лелеяли... нашего ребенка, пытались оградить его от всего, что могло навредить ему, излили на него поток любви, которой не было границ, которая наполняла наши сердца, – писала Галина. – И теперь нашего ребенка нет, потому что ему пришлось быть в мире, в котором ненависть сильнее, чем любовь, и у нас, у родителей, отняли единственный истинный смысл существования».

В 1949 г. писательница вместе с мужем переехала в небольшой городок Эттенхаузен на севере Швейцарии. Несмотря на личную драму, она продолжала писать. Из-под ее пера, одна за другой, выходят беллетризованные биографии Ф. М. Достоевского (1947), И. С. Тургенева (1950), С. П. Ковалевской (1950), А. С. Пушкина (1957), А. П. Чехова (1961). Последняя книга в этом ряду, биография П. И. Чайковского, увидела свет в 1972 г. В 1976 г. в Цюрихе свет увидело полное собрание сочинений Рахмановой.

Галина Дерюгина, по мужу – госпожа фон Хойер, и она же

знаменитая в Европе писательница Аля Рахманова умерла в Швейцарии 11 февраля 1991 г., на 92-м году жизни. Ее прах был перевезен в Австрию и похоронен в Зальцбурге, рядом с могилами мужа и сына. Сейчас этого самого знаменитого в Европе автора бестселлеров 1930-х помнят лишь немногие поклонники ее творчества. А в России, у себя на Урале она по-прежнему почти никому неизвестна...

Великий иконописец

Летом 1989 года в захолустный американский городишко Милвилл приехал молодой француз. Он прямиком явился в русскую общину этого города и признался, что имеет особое задание Ватикана. Ему было поручено объехать все города и страны, где жил и работал умерший в Милвилле русский старообрядческий иконописец Пимен Максимович Софронов. Француз тщательно сфотографировал все работы Софронова в храме и в библиотеке его имени, основанной общиной после смерти иконописца, после чего поспешно отбыл назад в Рим...

Приезжал посланец папы Римского не случайно. Пимен Софронов, имя которого у нас мало кому известно, считается специалистами величайшим иконописцем 20-го столетия. А родился будущий художник 4 сентября 1898 г. на берегу Чудского озера, в деревне Тихотка Тартуского уезда Лифляндской губернии Российской империи, в семье зажиточного крестьянина-старообрядца. Отец Пимена – Максим Михайлович – владел тремя гектарами земли, занимался огородничеством, извозным промыслом, а также рыболовством. Мать – Пелагея Ивановна, была дочерью рыбака. В четырехлетнем возрасте мальчик лишился отца – в коварных водах Чудского озера рыбаки часто гибли. Когда Пимен подрос и стал ходить в школу, у него обнаружился талант к

рисованию, и в 12 лет мать отдала его в учение ремеслу иконописания к местному мастеру Гавриилу Фролову.

Иконописная школа была при моленной в соседней деревне Раюши. У Фролова юный Пимен и постиг тайны старинного иконописного мастерства и приготовления «вечных» красок на яичном желтке. Фролов, который стал его наставником, внушил начинающему художнику, что для писания икон нужно знать магическую силу цвета природных красок, обладать особым состоянием духа, настроением, глубоко отличным от душевного состояния светских художников. Самым большим достижением Софронова в ранний период его творчества было участие в росписи старообрядческого храма в деревне Раюши, где он написал икону «Спаситель».

В Раюшах старообрядцами была собрана хорошая библиотека редких изданий, которой художник охотно пользовался. В Раюшской иконописной школе Фролов учил детей староверов петь по крюкам. Пимен, имея приятный голос, тоже пел на клиросе. Вскоре Софронов познакомился с выдающимся деятелем старообрядчества, историком и краеведом Иваном Заволоко, когда тот после окончания Пражского университета, впервые приехал в Причудье. «Милостив и долготерпелив Господь, – наставлял юношу Заволоко. – Ожидает нашего обращения. Будем помнить. Что мы смертны. От смертного часа нас ничто не избавит. Ни лекарства, ни врачи земные. Но еще страшнее смерть духовная. «Смерть грешника люта».

В 1927 году Фролов вместе с Софроновым работали в Кладбищенской моленной в Резекне по реставрации и обновлению икон. В этом храме Софронов написал свою первую большую икону «Благовещение». В 1928 году Пимен приехал в Ригу, где возглавил мастерскую иконописи при рижском «Кружке ревнителей русской старины», занимался иконописанием, реставрацией икон, обучал даровитых учеников и здешних художников искусству византийской и древнерусской церковной живописи. Уже в 1929 году была организована выставка, на которой всеобщее внимание привлекли «Деисус» и большая икона «Нерукотворный образ», работы Софронова.

Рижская художница, реставратор и иконописец Т.В. Косинская об этом времени писала так: «Здесь я встретила с известным старообрядческим иконописцем П.М. Софроновым, и он после некоторых колебаний согласился учить меня всем приемам древней иконописи, у нас почти утраченной. Старообрядцы смотрят на иконопись как святое дело, требующее строгой монашеской жизни. П.М. Софронов, ревностный исполнитель этого устава, не решался учить меня, «никониянку», но по совету своего старого учителя иконописца Фролова принял меня».

«Человек очень чистой души...»

Постепенно имя иконописца Софронова становилось все более известным, в том числе и в Европе. В 1931 году он был приглашен в Париж обществом «Икона», где руководил школой древнерусской иконописи, участвовал с учениками в выставках, в работе Международного конгресса изографов. В 1931 во Франции вышла его книга – пособие по древнему иконописанию, «Целебник». По мысли автора, верующий, молясь, видит не просто икону, но обращается к образу, веря, что святой поможет ему преодолеть хворь и другие житейские невзгоды. Некоторое время Софронов обучал монахов при монастыре Аме (Бельгия) церковной живописи и написал икону «Мать Божия», ставшую широко известной благодаря художественным открыткам, выпущенным в Бельгии. Они были отпечатаны громадным тиражом в несколько сот тысяч экземпляров.

Потом Пимен Максимович оказался в Праге, где работали курсы иконописи. Во время учебы в Праге он посещал семинар Кондакова, где занимались орнаментом, а Софронов как раз коллекционировал вышивки. Позже, в 1930-е годы Софронов сам будет вести в институте Кондакова курсы иконописания и читать лекции об иконописи. Историк Николай Андреев, работавший в это время в институте, вспоминал о Софронове так: «Он был тогда лет 30, одевался очень по-

русски – поддевки, расписные рубашки-косоворотки. И был ультрарусский человек очень чистой души».

В письме своей покровительнице княгине Наталье Яшвиль Пимен Максимович писал: «Я твердо уверен, что внутреннее состояние в человеке очень влияет на работу иконную (хоть даже самую «трафаретную»). А в смысле вознаграждения меня, то в таковом я сговорчив, располагаю на ваши возможности. Уверяю искренне, что желание мое и попечение будет в том, чтобы не погибло и не ушло в историю правильное иконописание, ведь и сейчас уже во многих мнение, что иконописание стилей новгородскаго и московскаго погибло, осталось только подражание неудачное, это не правильно, чистоту стиля старообрядцы сумели сохранить и сейчас в России по сибирским скитам хорошия мастера без повреждения есть. Может, теперь только антихристы истребят...»

Приглашение от короля

В 1933 году король Югославии Александр I пригласил Софронова расписать фресками стены дворцовой церкви в Белграде. Однако к работе Пимен Максимович из-за интриг и зависти местных художников не приступил. Но зато начал, по благословлению патриарха Варнавы, организацию школы-мастерской, которой руководил на протяжении 3-х лет. Три с лишним года провел Софронов в Югославии. Некоторое время он жил в королевском дворце, побывал во многих сербских, черногорских, македонских монастырях, изучая особенности древней южнославянской иконописи. Им была расписана капелла патриарха Варнавы. В Югославии художник женился на сербке. По признанию самого иконописца, созерцание фресок в Сербии и Черногории оказало большое влияние на совершенствование его иконописного мастерства.

В 1939 г., по приглашению секретаря Выставочного комитета при Ватикане и правительства Италии, Софронов приехал в Рим. Ему предстояло написать пятиярусный иконостас с 56 иконами в образцовой православной Церкви для Всемирной выставки религиозного искусства в Риме. Война помешала открытию выставки, но часть написанных Софроновым икон приобрел Ватикан.

В 1941 г. в Риме состоялась первая персональная выстав-

ка икон Софронова, которая прошла с большим успехом, после чего его и стали считать крупнейшим иконописцем XX столетия. Известная итальянский художественный критик Бьянка Паулуччи, восхищаясь эмоциональным началом, свежестью чувств в иконах Софронова, сравнивала его с великим мастером Предренессанса Джотто.

В то время в Италии правил Муссолини, бушевала война, а потому Софронов, как русский, жил в Риме под надзором полиции. От депортации и тюрьмы его спасло только, что он работал по заказу Ватикана. Известен факт помощи Софронова русским военнопленным, бежавшим из лагеря.

По окончании войны Софронов не решился приехать в СССР. В это время по Италии по согласованию с союзниками разъезжали офицеры НКВД, приглашая оказавшихся там в результате войны русских вернуться на родину, однако иконописец знал, чем это может закончиться. К тому же дома его никто не ждал. Мать к этому времени уже умерла, а сестры вышли замуж. Но и в разоренной войной послевоенной католической Италии делать ему было нечего. Поэтому в 1947 г. иконописец откликнулся на приглашение Виталия, архиепископа Русской Православной Зарубежной Церкви и уехал в США.

За океаном

Там он поселился в Милвилле (штат Нью-Джерси) в старообрядческой общине. Работал много, расписал старообрядческий храм Св. Николы, Троицкий Собор в Бруклине, храм Трех Святителей в Аксонии, Петра и Павла в Сиракузах, Владимирскую церковь в Нью-Йорке, церковь в Трентоне, усыпальницу архиепископа Иоанна Максимовича и др. Был организован ряд его персональных выставок. Крупнейшие прошли в Сан-Франциско и Лос-Анжелесе. Былиздан большой альбом его работ. В декабре 1962 г. за выдающиеся труды в области религиозной живописи и за усилия по возрождению византийской иконописи греческий Орден Дιονисия Закинфского наградил Пимена Максимовича Крестом Таксирха всех трех степеней.

В 1966 году иконописец совершил паломничество на Святую Землю. Здесь Иерусалимский патриарх предложил мастеру основать школу иконописи и расписать фресками церкви. Однако на это сил у всемирно известного иконописца уже не хватало...

В июне 1968 г. Софронов написал Заволоко, который жил тогда в советской Риге: «...очень мне хочется встретиться, но когда это осуществится? Слышно, у вас в Риге меня укоряют: почему я здесь в Америке иконы пишу для никониан? Но ведь здесь старообрядцев мало<...> А вот бы выписали ме-

ня как иконописца или реставратора в Ригу, Двинск или Режицу? Умею и фресковую (живопись) и мозаичную<...> А без вызова тяжело мне подняться. Уже если самостоятельно уезжать из США, то не временно, а совсем, а у меня домик свой и книг три этажерки, редких книг жаль. Да и как меня примут? Хотя я ни в войнах (последних), ни в политику не вмешивался...»

И все же в августе 1969 г. Софронов приехал в СССР. Ему удалось побывать в родном Причудье, где на старом кладбище он поклонился могилам родителям и своего учителя Фролова, а в Риге встретился с Заволоко. В Ленинграде иконописец побывал в Институте русской литературы.

Вернуться в Россию не успел

В последние годы жизни Софронов говорил близким, что решил окончательно вернуться на родину. Но зрение художника уже ослабело, стало трудно писать мелкие детали. Он ходил в храм на все службы, пел на клиросе. Однажды в субботу он не был на вечерне, не пришел. Дверь его дома оказалась заперта. Когда приставили лестницу к окну второго этажа, где находилась спальня, увидели, что Пимен Максимович лежит в постели бездыханный. Произошло это 16 мая 1973 года, когда ему было 75 лет. Похоронен великий иконописец на кладбище в Милвилле, недалеко от храма. На его могиле установлен памятник из черного гранита, в дни его смерти расцветают посаженные племянницей ландыши...

Побывавший в его американском доме незадолго до смерти иконописца В. Шаталов вспоминал: «Милвилл. Тихая улочка. Небольшой дощатый домик. Дворик с порыжевшей травой, с вдавленной шиной дорожкой. Застекленная веранда, и в дверях сам хозяин – Пимен Максимович Софронов – иконник из Причудья. «Наконец-то, заждался. Заходите. Погода нынче – только бы в горнице за самоваром горячим сидеть. Мигом сготовлю».

Какой там чай! Только бы осмотреться. Охватить все сразу... Самовары прямо в глаза пылают медью. Один – диковинный. Времен Петра. В подарок мормонам поднесен был.

Табак возили на Русь тогда... Узорчатое цветное стекло, букеты бессмертников, репродукции, портреты и вполстены собрание медных, серебряных, эмалевых, маврикийского дуба крестов от четвертого по восемнадцатый век. У каждого свое назначение, свое прошедшее. И книги, книги... На полках вдоль стен, на диванах, на столах. Вот огромная с застежками – Первопечатный Апостол Ивана Федорова. На полях страниц рукописные пометки неизвестного сторонника (современника?!) Бориса Годунова. А эта – Острожская Библия, а эта – еще огромней – Триада Постная...»

Увы, увидеть эту уникальную коллекцию уже больше никому не придется. После смерти Софронова она была разграблена. И ни одной выставки этого величайшего русского иконописца 20 века, признанного во всем мире, в России так до сих пор и не провели.

Танцующая красавица

Это, наверное, был единственный случай в истории Европы, когда для популярной танцовщицы был построен властями огромный театр. Это произошло в Милане, где муниципалитет оказал такую честь эмигранте из России, танцовщице и хореографу Евгении Борисенко. Впрочем, в Италии она была больше известна под артистическим псевдонимом Иа Руская, что в переводе означало: «Я – русская».

Родилась Евгения Федоровна Борисенко в 1902 году в Керчи, в семье офицера царской армии. Еще в юности стала учиться танцам в Петербурге, но революция и Гражданская война положила конец этим занятиям. А в возрасте 20 лет она вместе с отцом покинула Россию, как оказалось, – навсегда. В Константинополе Евгения вышла замуж за англичанина Эванса Даниэля Пола. Но брак оказался непрочным, через год она развелась и уехала в Италию, которая стала ее второй родиной.

Успешный дебют

В Риме тогда культурная жизнь была ключом. Борисенко, живая и общительная по натуре, быстро обрела множество друзей в артистической среде Вечного города. Этому помогли не только ее незаурядный талант, но и поразительная красота, которую так высоко ценят жители Апеннин. В июне 1921 года Евгения дебютировала в «Доме искусств Брагалья» с сольным концертом «Мимические танцы и действия» на вечере, посвященном чтению стихов поэта Артуро Онофри. Организатор ее гастролей Антон Брагалья и придумал ей артистический псевдоним «Иа Руская», решив использовать вспыхнувшую в Европе бешеную популярность русского искусства благодаря дягилевским Русским сезонам. Публика была поражена пластикой и мимикой, необычной манерой исполнения танцовщицы из России, она сразу обрела признание и славу. А вскоре русская красавица вышла замуж за главного редактора крупнейшей в Италии газеты «Коррьере делла сера» Альдо Борели и смогла, таким образом, получить итальянское гражданство.

Благодаря выступлениям в театре Брагальи популярность ее росла и вскоре Ию Рускую пригласили в миланский Театр эспозиционе. В 1929 году состоялся ее успешный дебют в кино. Евгения сыграла заглавную в фильме знаменитого тогда режиссера Б. Негрони «Юдифь и Олоферн» и стала из-

вестной уже не только всей Италии, но и в Европе.

Театр для эмигрантки

В это время она выработала собственную методику танца, которую назвала «оркестика». С 1932 по 1934 гг. Ия Русская была одним из руководителей балетной школы знаменитого миланского театра Ла Скала, преподавая там ритмический и классический танец, и активно проповедуя свои творческие идеи. А три года спустя миланские власти специально для эмигрантки из России построили в городе театр на 2 тысячи мест. Такого в Италии никогда и не для кого не делали. Первые же ее постановки в этом театре «Похищение Персефоны», «Танец жертвоприношения» пользовались огромным успехом.

Танец понимался Евгенией Борисенко как основа для самопознания и совершенствования человека. Невольно получилось так, что именно ее новые «классические танцы», выходящие за рамки привычных академических правил, совпали с художественно-культурными мифами фашизма, теориями раскрепощения духа в сочетании с культом здорового и прекрасного тела, а потому государство Муссолини стало ее поддерживать, хотя сама танцовщица была далека от политики. Ия Русскую отправили в Берлин (где уже у власти был Гитлер) на Олимпиаду 1936 года, где ее увенчали серебряным лавровым венком, она сотрудничала с женскими молодежными организациями фашистской партии. Но что каса-

ется новых форм танца, то это тогда была общая культурная тенденция в Европе и в других странах (достаточно вспомнить всем известную Айседору Дункан), а потому после падения режима Муссолини в 1943 году, никто ее в сотрудничестве с фашистами не обвинял.

Еще в 1940 году Евгению пригласили в Рим. Там в структуре Национальной королевской академии была основана Национальная королевская школа танца, где эмигрантка из России воспитала целое поколение итальянских танцовщиц. Потом эта школа получила самостоятельность и стала называться Национальной академией танца.

Следует отметить, что ученицами ее академии были совсем юные учащиеся в возрасте 6-10 лет. В основе метода Ия Руской лежала концепция танца как психо-физического искусства, а не привычного тренинга в духе спортивной гимнастики классических балетных школ.

Страсть и упорство

Газета «Коррьере делла сера» так оценивала ее педагогические усилия: «Искусство, страсть и упорство Ии Руской делают из этих тщательно отобранных учеников группу современных танцовщиц, подготовленных музыкально, интеллектуально и физически для исполнения классических танцев, привлекательных и возвышенных в силу присущих им вкуса и утонченности».

Евгения Борисенко оказалась не только замечательным практиком танца и его теоретиком, талантливым педагогом, но еще и сумела ярко изложить свои творческие взгляды на бумаге. Она стала автором книг «Танцующая красавица», «Танец как способ бытия», «Теория и запись танца», которые пользовались и продолжают пользоваться среди любителей танца большим успехом во всем мире.

Ничего не знали о своей знаменитой соотечественнице только в СССР. На родине она так больше не побывала, а умерла в Риме в возрасте 68 лет. Похоронили «танцующую красавицу» на некатолическом кладбище Тестацчо, где покоятся останки и других выходцев из России. На надгробном камне надпись: «Основательница Национальной академии танца. Посвятила всю себя хореографическому искусству с решительностью и самоотверженностью».

Тайна смерти шахматного гения

Живший в эмиграции первый русский чемпион мира по шахматам, непревзойденный Александр Алехин в 1946 году должен был встретиться в матче за мировую шахматную корону с чемпионом СССР Михаилом Ботвинником. Но встреча, которую с нетерпением ждал шахматный мир, не состоялась. Алехин внезапно скончался. Его смерть считают загадочной до сих пор.

А родился шахматный гений в Москве в состоятельной дворянской семье в 1892 году. Его отец был предводителем дворянства Воронежской губернии, а мать – дочь текстильного фабриканта. В 1911 году его семья переехала в Петербург, где он закончил Императорский институт правоведения и был причислен к министерству юстиции.

В шахматы Алехин научился играть в раннем детстве и благодаря феноменальной памяти сразу добился блестящих успехов. Уже в 13 лет завоевал первый приз в турнире по переписке. В 1914 году он занял третье место на международном турнире в Петербурге, уступив лишь великим Ласкеру и Капабланке.

Приговорили к расстрелу

Вскоре началась Первая мировая война и Алехин был интернирован в германском Мангейме, где проходил международный турнир. Но вскоре его освободили и он сумел вернуться в Россию. Из-за болезни сердца его не взяли в армию, но Алехин все-таки отправился на фронт в качестве уполномоченного Красного креста. За спасение раненых на поле боя был награжден двумя Георгиевскими крестами. Был дважды контужен. После октябрьского переворота Алехин потерял все свое имущество и оказался в Одессе, где его арестовали по обвинению в связях с белогвардейцами и приговорили к расстрелу. Однако был освобожден, как известный шахматист по специальной просьбе председателя Совнаркома Украины Раковского. Некоторое время работал следователем в московском розыске, где занимался вопросами поисков иностранцев, пропавших во время революции и Гражданской войны. В 1920 году Алехин победил Всероссийском чемпионате по шахматам. Женитьба на швейцарском подданной Анне-Лиз Рюгге позволила ему легально выехать из СССР и перебраться в Париж. Вскоре он получил там французское гражданство.

Чемпион мира

За границей Алехин колесит по миру, много играет. Он становится непревзойденным мастером одновременной игры на нескольких досках, в Нью-Йорке устанавливает мировой рекорд игры вслепую сразу на 26 досках. В 1927 году, победив в драматическом по накалу страстей матчу в Буэнос-Айресе легендарного Хосе Рауля Капабланку, он стал четвертым по счету чемпионом мира по шахматам, первым из России.

Во время Второй мировой Алехин служил во французской армии военным переводчиком (он превосходно владел французским, английским и немецким языками). Попал в плен, но после капитуляции Франции был освобожден. Рассказывают, что в те годы русский эмигрант дал несколько сеансов одновременной игры высшим военным чинам Германии и ни разу не проиграл. Однажды он играл с уверенным в своем «арийском превосходстве» эсэсовским генералом. Игравший черными эсэсовец быстро сдался, Алехин развернул доску и предложил генералу продолжить игру, но вскоре эсэсовец сдался вторично. Алехин в третий раз развернул доску, но эсэсовец снова проиграл и, раздосадованный, убежал из комнаты.

Остракизм

Во время войны, зарабатывая на жизнь, великому шахматисту пришлось работать в антикоммунистической газете, издававшейся в Париже при немцах, шахматным обозревателем. После войны Алехина обвинили во Франции в «коллорабационизме» и подвергли преследованиям. Не мог он вернуться и в СССР: тогда по всей Европе сновали агенты НКВД, разыскивая выходцев из России, которых на родине ждал ГУЛАГ и расстрельный подвал. Великому шахматисту пришлось обосноваться в Португалии.

В августе 1946 года должен был состояться матч за звание чемпиона мира между русским эмигрантом и советским гроссмейстером Михаилом Ботвинником. 23 марта ФИДЕ дала согласие на матч, а уже на следующий день стало известно, что Алехин неожиданно скончался. В эмигрантских кругах были убеждены, что чемпион мира стал жертвой агентов НКВД. Его прах позднее перевезли в Париж, где похоронили на русском кладбище с надписью на могиле: «Александр Алехин – гений шахмат России и Франции». Он стал единственным чемпионом мира, умершим непобежденным.

Любопытно, что в те годы председателем Всесоюзной шахматной секции был полковник НКВД Борис Вайнштейн, который люто ненавидел «белогвардейца» Алехина. Ясно также, что советские власти опасались, что в случае победы

Алехина, которого тогда считали «непобедимым», это произведет невыгодный для СССР пропагандистский эффект в мире. Но что же произошло на самом деле?

Кусок мяса от НКВД?

Чемпиона мира нашли мертвым в гостинице «Парк-Отель» городка Эшторил близ Лиссабона. В его номере на столе оставалась посуда, свидетельствовавшая, что он с кем-то ужинал. Согласно официальной версии, чемпион мира задохнулся, якобы подавившись куском мяса во время еды. В 1980 году советский гроссмейстер Юрий Авербах специально съездил в Эшторил, чтобы узнать причину смерти великого шахматиста. Вернувшись, он подтвердил официальную версию. Однако многие за пределами СССР ей не поверили, полагая, что Авербах лишь выполнял задание советских властей.

В 2009 году в одной из русскоязычных газет Чикаго была опубликована сенсационная статья некоего Бориса Смоленского. Он сообщил, что сотрудник ресторана в Эшториле, где ужинал Алехин, будто бы признался перед смертью своим родственникам, что в марте 1946 года получил от двух людей, говоривших с сильным иностранным акцентом, большую сумму денег за то, что подсыпал в еду шахматиста какой-то порошок. Известно также, что португальский католический священник отказался участвовать в погребении Алехина, так как на лице усопшего были явно заметно следы насильственной смерти.

Что же произошло на самом деле в далекой Португалии?

Увы, тайна смерти великого шахматиста, наверное, так никогда не будет раскрыта. Но версия о том, что НКВД и в самом деле могло коварно отравить эмигранта-белогвардейца, чтобы он не победил в матче на звание чемпиона мира советского шахматиста, вполне имеет право на существование. Тайных убийств и загадочных смертей, которые планировали тогда на Лубянке, было хоть отбавляй. Впрочем, есть и еще одна версия гибели великого шахматиста. Будто бы к смерти Алехина причастны американские спецслужбы. Американцы опасались, что выиграет Ботвинник и мировая шахматная корона уплывет в СССР.

Улица Довлатова в Нью-Йорке

В Нью-Йорке вскоре появится улица Сергея Довлатова. Решение об этом приняли муниципальные власти по просьбе живущей в США группы почитателей таланта писателя. На этой улице в квартале Квинс он жил, когда приехал в Америку.

Довлатов родился в Уфе, где оказались в эвакуации его родители, театральные работники, в 1941 году. Однако уже в 1944 году его семья возвратилась в Ленинград. После окончания школы будущий писатель поступил на отделение финского языка филологического факультета Ленинградского университета. Проучившись в нем два с половиной года, был исключен за неуспеваемость – не сдал экзамен по немецкому языку. После отчисления из Университета три года прослужил в армии. Попал во внутренние войска, в охрану исправительных лагерей в республике Коми, где познакомился со страшной изнанкой «другой» советской действительности. После армии поступил на факультет журналистики ЛГУ, работал в студенческой многотиражке. С 1972 по 1975 гг. жил в Эстонии, где работал в местных газетах, писал рецензии для журналов. В 1976 году за публикации в иностранной прессе был исключен из Союза журналистов СССР. Набор его первой книги, подготовленный в эстонском издательстве, был уничтожен по указанию КГБ. В 1978 году Довлатов

эмигрировал и поселился в США.

Довлатов писал простым и ясным языком. Его проза лаконична, лишена каких-либо украшений, в ней нет описаний сложных психологических коллизий, изысканных картин природы. Его персонажи говорят тем языком, который мы слышали на улицах и на кухнях коммунальных квартир, и который он услышал в эмигрантских кварталах Нью-Йорка.

Довлатов пил, как часто пьет по-черному разочарованный происходящим вокруг русский интеллигент, хотя его отец был еврей, а мать – армянка. Пьянство в его рассказах неотделимо от самого писателя, как оно, увы, до сих пор неотделимо от российского быта. Близко знавший Довлатова Александр Генис писал: «Сергей ненавидел свои запои и бешено боролся с ними. Он не пил годами, но водка, как тень в полдень, терпеливо ждала своего часа. Признавая ее власть, Сергей писал незадолго до смерти: «Если годами не пью, но помню о Ней, проклятой, с утра до ночи».

«Жизнь коротка...»

За двенадцать лет жизни в эмиграции Довлатов издал двенадцать книг в США и Европе. В Нью-Йорке начал издавать газету на русском языке «Новый американец». Его прозу переводили на английский. Довлатов стал вторым после великого В. Набокова русским литератором, писавшим в престижном журнале «Нью-Йоркер». Однако много литературных наград при жизни он так и не получил. Ему была присуждена премия американского ПЕН-клуба за лучший рассказ 1986 года. Но от премии писатель отказался. По условиям конкурса, премия присуждалась неопубликованной вещи, а Довлатов предпочел опубликовать свои рассказы.

О своей жизни сам он написал так: «Я родился не в очень-то дружной семье. Посредственно учился в школе. Был отчислен из Университета. Служил три года в лагерной охране. Писал рассказы, которые не мог опубликовать. Был вынужден покинуть родину. А в Америке я так и не стал богатым или преуспевающим человеком. Мои дети неохотно говорят по-русски. Я неохотно говорю по-английски. В моем родном Ленинграде построили дамбу. В моем любимом Таллине происходит непонятно что. Жизнь коротка. Человек одинок. Надеюсь, все это достаточно грустно, чтобы я мог продолжать заниматься литературой...».

Когда говорят, что литература – это зеркало жизни, то это

в полной мере относится к Довлатову. Он писал только о том, что хорошо знал, – абсурдную жизнь советского человека и еще больший абсурд жизни мыкающегося за границей эмигранта. По сути дела, во всех своих произведениях Довлатов описывал свою собственную жизнь. Его «Зона» – записки лагерного надзирателя из войск МВД, в которых он служил. «Компромисс» – рассказ о жизни писателя в Эстонии и его работе журналистом. «Заповедник» – история его работы экскурсоводом в Пушкинских горах. «Наши», «Чемодан» – рассказ о своей семейной жизни и вывезенном за границу житейском скарбе.

Получилось так, что еще в юности, в армии он столкнулся с очень страшной стороной жизни. «Мир, в который я попал, был ужасен. В этом мире дрались заточенными рашпилями, ели собак, покрывали лица татуировкой и насиловали коз. В этом мире убивали за пачку чая», – пишет он в «Зоне». И не отделяет себя от тех, кого он охранял.: «Мы были очень похожи и даже взаимозаменяемы».

Довлатов умер 24 августа 1990 года в Нью-Йорке от сердечной недостаточности. В Петербурге на доме № 23 по улице Рубинштейна, в котором жил писатель, уже установлена мемориальная доска.

«Ни страны, ни погоста...»

В своих стихах лауреат Нобелевской премии по литературе Иосиф Бродский, как известно, писал, что «придет умирать» на Васильевский остров в родном Ленинграде. Однако умер он в Нью-Йорке, а был похоронен в Венеции...

...Вечер 27 января 1996 года Бродский, высланный до этого из СССР, проводил в своем доме в Нью-Йорке. Пожелав жене спокойной ночи, поэт сказал, что ему нужно ещё поработать, и поднялся к себе в кабинет. Утром, на полу в кабинете его и обнаружила жена. Бродский был полностью одет. На письменном столе рядом с очками лежала раскрытая книга. Инфаркт – констатировали врачи. Похоронили его на следующий день – в склепе на кладбище при храме Св. Троицы на берегу Гудзона. Впрочем, высказанное в стихах пожелание:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать
На Васильевский остров
Я приду умирать...

вполне могло быть исполнено. Но присланное телеграммой предложение депутата Государственной Думы Галины Старовойтовой – похоронить поэта на Васильевском остро-

ве – было отвергнуто.

Поэт и переводчик Илья Кутик рассказал, будто за две недели до своей смерти Бродский купил себе место в небольшой часовне на нью-йоркском кладбище по соседству с Броддеем и составил достаточно подробное завещание. Однако это не подтверждается другими источниками, близкими к поэту, которые заявили, что Бродский не оставлял указаний относительно своих похорон и не покупал место на кладбище.

По словам вдовы Бродского итальянки Марии Соццани, «идею о похоронах в Венеции высказал один из его друзей. Это город, который, не считая Санкт-Петербурга, Иосиф любил больше всего. Кроме того, рассуждая эгоистически, Италия – моя страна, поэтому было лучше, чтобы мой муж там и был похоронен. Похоронить его в Венеции было проще, чем в других городах, например, в моем родном городе Компьяно около Лукки. Венеция ближе к России и является более доступным городом».

Впрочем, желание быть похороненным на Сан-Микеле встречается в шуточном послании Бродского Андрею Сергееву:

Хотя бесчувственному телу
равно повсюду истлевать,
лишенное родимой глины,
оно в аллювии долины
ломбардской гнить не прочь. Понеже

свой континент и черви те же.

Стравинский спит на Сан-Микеле...

В 1997 году на кладбище Сан-Микеле в Венеции Иосифа Бродского похоронили во второй раз. Устроить могилу между могилами Стравинского и Дягилева, как собирались, оказалось невозможным – Бродский не был православным. Также отказало в погребении и католическое духовенство. В результате решили похоронить тело в протестантской части кладбища...

Становление поэта

А родился поэт в мае 1940 года в Ленинграде. Отец, вернувшись с войны, работал фотографом и журналистом в газетах. Мать была бухгалтером. В 1942 году после блокадной зимы его мать вместе с Иосифом уехала в эвакуацию в Череповец. Вернулись они в Ленинград в 1944 году. В 1947 году Иосиф пошёл в школу, но так ее и не закончил. После седьмого класса бросил учебу и стал работать учеником фрезеровщика на завод «Арсенал».

В автобусе утром я еду туда, где ждет меня страшная рожа труда.

[...] в конце ноября, в темень, слякоть и грязь, спросонья в нем едут, вахтеров боясь, угрюмые толпы с гнилыми зубами. Полощется ветер, злорадно смеясь.

В это время его семья получила жилье в «доме Мурузи». Этот большой доходный дом, изукрашенный в «мавританском» стиле, был построен для князя А. Д. Мурузи годах на участке, некогда принадлежавшем Н. П. Резанову, известному своим роковым плаванием в Калифорнию в 1803 году. Бродский жил в описанных им позднее «полутора комнатах» до самого отъезда из России. Там же до конца своих дней оставались его родители. Из окна своей комнаты с детства поэт видел Спасо-Преображенский собор. «Все детство

я смотрел на его купола и кресты, на звонаря, на крестные ходы, на Пасхи, на заупокойные службы – сквозь окна, на факелы, на венки и жезлы центурионов, обильно украшавшие его белые стены, на легкий классический бордюр его карнизов», – вспоминал потом Бродский.

Безуспешно пытался поступить в школу подводников, а потом вдруг загорелся идеей стать врачом. Но поработав месяц помощником прозектора в морге при областной больнице, отказался от медицинской карьеры. Бродский трудился также истопником в котельной, матросом на маяке, рабочим в геологических экспедициях в Сибири. В то время такая работа была для него чуть не единственной возможностью вырваться из оупляющей рутины заводских будней.

Ступая неловко,
Шагом
ухожу навсегда.
Пахнет новенькая спецовка
Ветром свободы,
огнем труда.

В это время Бродский много читал, в первую очередь, поэзию, стал изучать английский и польский языки, а также начал писать стихи. 14 февраля 1960 года состоялось первое крупное публичное выступление Бродского на «турнире поэтов» в ленинградском Дворце культуры им. Горького с участием местных поэтов Кушнера, Горбовского и Сосноры.

Его биографы рассказывают, что во время поездки в Самарканд в декабре 1960 года Бродский и его друг, бывший лётчик Олег Шахматов, рассматривали план захвата самолёта, чтобы улететь за границу. Но осуществить этот план они не решились. 29 января 1961 года Бродский был задержан КГБ, но через двое суток был освобожден. Постепенно Бродский становится известным в среде ленинградских поэтов. В августе 1961 года в Комарове Евгений Рейн познакомил Бродского с Анной Ахматовой. Первым опубликованным стихотворением Бродского стала «Баллада о маленьком буксире», напечатанная в сокращенном виде в детском журнале «Костёр» в 1962 году.

Суд и ссылка

29 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья «Окололитературный трутень». Ее авторы клеймили Бродского за «паразитический образ жизни». Началась травля поэта. Затем «Вечерний Ленинград» опубликовал подборку писем читателей с требованиями наказать «тунеядца Бродского».

13 января 1964 года его арестовали по обвинению в тунеядстве. Протокол судебного заседания был потом распространен в самиздате и переправлен на Запад, где его опубликовали.

Судья: А вообще какая ваша специальность?

Бродский: Поэт, поэт-переводчик.

Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. (Без вызова). А кто причислил меня к роду человеческому?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: Я не думал... я не думал, что это даётся образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, это... (растерянно) от Бога...

В итоге Бродский был приговорён к пяти годам принудительного труда. Он был сослан в Коношский район Архангельской области и поселился в деревне Норенская. Но потом в интервью Волкову Бродский назвал это время, как это ни странно, самым счастливым в своей жизни.

А. Буров – тракторист – и я,
сельскохозяйственный рабочий Бродский,
мы сеяли озимые – шесть га.
Я созерцал лесистые края
и небо с реактивной полоской,
и мой сапог касался рычага.

В ссылке Бродский изучал английскую поэзию, в том числе творчество Уистена Одена: «Я помню, как сидел в маленькой избе, глядя через квадратное, размером с иллюминатор, окно на мокрую, топкую дорогу с бродящими по ней курами, наполовину веря тому, что я только что прочёл... Я просто отказывался верить, что ещё в 1939 году английский поэт сказал: «Время... боготворит язык», а мир остался прежним».

Сторонники Бродского, а также некоторые видные деятели культуры СССР, в том числе Шостакович, Твардовский, Паустовский и другие писали письма в защиту Бродского в партийные и судебные инстанции. В сентябре 1965 года под давлением общественности (в частности, после обращения к

советскому правительству Жан-Поля Сартра и ряда других зарубежных писателей) срок ссылки был сокращен и Бродский вернулся в Ленинград.

Между тем, сам Бродский противился навязываемому ему – особенно западными средствами массовой информации – образу борца с советской властью. Он не любил рассказывать о перенесенных лишениях, не старался прослыть «жертвой режима». Бродский делал утверждения вроде: «Мне повезло во всех отношениях. Другим людям доставалось гораздо больше, приходилось гораздо тяжелее, чем мне» и т. п.

Положение Бродского, как поэта, в СССР было трудным. В конце 1965 года он сдал в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» рукопись своей книги «Зимняя почта (стихи 1962–1965)». Но рукопись была возвращена. Пришлось заниматься переводами. Поэт интенсивно работал, и стихи его появлялись в самиздате. Он стал популярным у иностранных журналистов и славистов, приезжавших в СССР. В результате его стали издавать на Западе, присылать приглашения, что раздражало власти и КГБ.

ВЫЗОВ В ОВИР

10 мая 1972 года Бродского вызвали в ОВИР, а уже 4 июня 1972 года, лишенный советского гражданства, поэт вылетел из Ленинграда в Вену. О своем прибытии на Запад он сам потом написал так: «Самолет приземлился в Вене, и там меня встретил Карл Проффер... он спросил: «Ну, Иосиф, куда ты хотел бы поехать?» Я сказал: «О Господи, понятия не имею»... и тогда он спросил: «А как ты смотришь на то, чтобы поработать в Мичиганском университете?»».

Так закончив всего 7 классов средней школы, поэт стал преподавателем в университете (он сменил их несколько – в США и Англии), преподавая историю русской литературы, поэзию, теорию стиха, выступал с лекциями и чтением стихов на международных литературных фестивалях и форумах, в библиотеках разных стран. Как рассказывали его друзья, поначалу Бродский вообще не знал, как надо преподавать. Он регулярно появлялся перед студентами и говорил с ними о том, что сам любил больше всего на свете – о поэзии...

Но в СССР к нему отношение не изменилось. Родители Бродского несколько раз подавали заявление с просьбой разрешить им повидать сына, но каждый раз получали отказ. Когда они умерли, Бродскому не позволили приехать на их похороны. В 1977 году Бродский принял американское гражданство.

данство. В 1990 году женился на Марии Соццани, итальянской аристократке, русской по материнской линии.

В 1987 г., в возрасте сорока семи лет, Бродский был награжден Нобелевской премией по литературе «за всеохватное авторство, исполненное ясности мысли и поэтической глубины». Таким образом, он стал одним из самых молодых лауреатов Нобелевской премии за все годы ее присуждения.

Домой так и не вернулся

Его проза, по крайней мере, а не только поэзия, сделала имя Бродского широко известным миру за пределами СССР. Американским Национальным советом литературных критиков сборник «Less Than One» был признан лучшей литературно-критической книгой США 1986 года. Вместе с тем усложненность его работ – особенно «позднего» Бродского – отталкивала от него даже некоторых литераторов. Дмитрий Быков, например, в своем эссе о Бродском написал: «В огромном корпусе сочинений Бродского поразительно мало живых текстов... Едва ли сегодняшний читатель без усилия дочитает “Шествие”, “Прощайте, мадемуазель Вероника” или “Письмо в бутылке” – хотя, несомненно, он не сможет не оценить “Часть речи”, “Двадцать сонетов к Марии Стюарт” или “Разговор с небожителем”: лучшие тексты ещё живого, ещё не окаменевшего Бродского, вопль живой души, чувствующей свое окостенение, оледенение, умирание».

Библиотека Конгресса избрала Бродского Поэтом-лауреатом США на 1991–1992 годы. Незадолго до смерти Бродский решил основать в Риме Русскую академию. Осенью 1995 года он обратился к мэру Рима с предложением о создании академии, где могли бы учиться и работать художники, писатели и учёные из России. Эта идея была реализована уже после смерти поэта. Прожив многие годы за границей, Брод-

ский стал говорить о себе так: «Я – еврей, русский поэт и американский гражданин».

Перестройка в СССР прорвала завесу молчания на родине, произведения Бродского стали, наконец, широко публиковать и в России. В 1995 году поэту было присвоено звание почётного гражданина Санкт-Петербурга, мэр Анатолий Собчак настойчиво приглашал его вернуться. Но Бродский откладывал приезд. Говорят, его смущала публичность такого события. Мешали и проблемы со здоровьем, большое сердце. В оправдание же он говорил: «Лучшая часть меня уже там – мои стихи».